

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379

Серия

2015 / № 2

ЛИНГВИСТИКА

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

2015 / № 2

Series

ISSN 2072-8379

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., и.о. проректора по научной работе Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Лингвистика»

Ответственный редактор серии:

Ощепкова В.В. – д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Жирова И.Г. – д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Максименко О.И. – д.филол.н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., МГОУ

Скуратов И.В. – д.филол.н., доц., МГОУ

Гринев-Гриневиц С.В. – д.филол.н., проф., Белостокский университет (Польша)

Епифанцева Н.Г. – д.филол.н., проф., МГОУ

Пан Ке Ен – д.филол.н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Латышев Л.К. – д.филол.н., проф., МГОУ

Туголукова Г.И. – к.филол.н., проф., МГОУ

Сесил Л. Нельсон – доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

ISSN 2072-8379

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2015. № 2. М.: ИИУ МГОУ. 104 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26301

**Индекс серии «Лингвистика»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40713**

© МГОУ, 2015.

© ИИУ МГОУ, 2015.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru;
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Linguistics»

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor; **I.V. Skuratov** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor of Philology, Professor, Bialystok University (Poland); **N.G. Yepifantseva** – Doctor

of Philology, Professor, MSRU; **Pang Gyo-Youn** – Doctor

of Philology, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea); **L.K. Latyshev** – Doctor of Philology, Professor,

MSRU; **G.I. Tugolukova** – Ph. D. in Philology, Professor,

MSRU; **Cecil L. Nelson** – PhD in Linguistics, Indiana State

University (Terre Haute, Indiana, USA)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8379

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Linguistics». 2015. № 2. M.: MSRU Publishing house. 104 p.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26301

Index of the series «Linguistics» according to the union catalog «Press of Russia» 40713

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Блох М.Я., Алёшина Е.Ю.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ НА СЕМИ ЭТАПАХ СВОЕЙ ДИНАМИКИ	6
<i>Валуццева И.И., Хухуни Г.Т.</i> «ИСТОРИЗМ» И «ФОРМАЛИЗМ» В РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА: НАУКА И ШКОЛА.....	12
<i>Максименко О.И., Хлебтутина В.Ю.</i> ОППОЗИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ).....	18
<i>Мамаев М.М.</i> ГЕНДЕРНАЯ АТРИБУЦИЯ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ АВТОРА	25
<i>Шустилова Т.А.</i> КОНЦЕПТЫ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЯ В ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «БУРЯ»... 32	

РАЗДЕЛ II. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Анурова О.М.¹, Смыслов С.П.</i> МОДЕРНИЗИРОВАННАЯ АНТИЧНОСТЬ В РОМАНАХ Р. ГРЕЙВЗА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ).....	41
<i>Евтухова Е.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НЕКОТОРЫХ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ И НОМЕНОВ В ПЕРЕВОДАХ ТРУДА Ч. ДАРВИНА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ»	48
<i>Жаманова Ю.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОБЪЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ КАБИННОГО ЭКИПАЖА В РОМАНЕ А. ХЕЙЛИ «АЭРОПОРТ» И ЕГО РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ)	56
<i>Левченко М.Н., Скряльчик А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»	65
<i>Овакимян А.Д.</i> ТЕРМИНОСИСТЕМА НАИМЕНОВАНИЙ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В РУССКОМ, АРМЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	73
<i>Осипова А.А.</i> БИБЛИЯ КОРОЛЯ ИАКОВА И СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ	80
<i>Остапенко О.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВ И ТИТУЛОВ XVI–XVII ВЕКОВ	87
<i>Фролова И.В.</i> СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ В РАМКАХ ОЦЕНОЧНЫХ СТРАТЕГИЙ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ)	93
НАШИ АВТОРЫ	101

CONTENTS

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

<i>M. Blokh, E. Aleshina.</i> POLITICAL TEXT AT SEVEN STAGES OF ITS DYNAMICS.....	6
<i>I. Valuytseva, G. Khukhuni.</i> "HISTORICISM" AND "FORMALISM" IN RUSSIAN GRAMMAR SCHOOL IN THE BEGINNING OF THE 20 TH CENTURY: SCIENCE AND SCHOOL.....	12
<i>O. Maksimenko, V. Khlebutina.</i> SPORTS DISCOURSE OPPOSITIONS (IN DANCING TERMINOLOGY).....	18
<i>M. Mamaev.</i> GENDER ATTRIBUTION OF TRANSLATED TEXTS AS A SPECIFIC CASE OF STUDY OF AN AUTHOR'S LINGUISTIC CONSCIOUSNESS.....	25
<i>T. Shustilova.</i> THE CONCEPTS OF AUTHORITY AND SUBORDINATION IN "THE TEMPEST" BY W. SHAKESPEARE.....	32

SECTION III. COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

<i>O. Anurova, S. Smyslov.</i> MODERNIZED ANTIQUITY IN R. GRAVES'S NOVELS AND ITS RUSSIAN TRANSLATION (IN SPHERE OF JURIDICAL TERMINOLOGY).....	41
<i>E. Evtukhova.</i> PECULIARITIES OF INTERPRITING SOME SCIENTIFIC TERMS AND NOMENS IN TRANSLATIONS OF "THE ORIGIN OF SPECIES" BY CH. DARWIN.....	48
<i>Y. Zhamanova.</i> PROFESSIONAL VOCABULARY IN A LITERARY TEXT AS AN OBJECT OF INTERLINGUISTIC TRANSFER (BASED ON THE COMPARISON OF CABIN CREW VOCABULARY IN "AIRPORT" BY A. HAILEY AND RUSSIAN TRANSLATION).....	56
<i>M. Levchenko, A. Skrylnik.</i> THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF THE AUTHOR'S NEOLOGISMS IN "HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHER'S STONE" BY J. K. ROWLING....	65
<i>A. Hovakimyan.</i> TERM SYSTEM OF RELIGIOUS ARCHITECTURE DENOMINATIONS IN RUSSIAN, ARMENIAN AND ENGLISH.....	73
<i>A. Osipova.</i> KING JAMES BIBLE AND SYNODAL TRANSLATION: AN ATTEMPT OF LINGUOCULTURAL COMPARISON.....	80
<i>O. Ostapenko.</i> PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF RUSSIAN AND ENGLISH STATE TITLES IN XVI-XVII CENTURIES.....	87
<i>I. Frolova.</i> SUBJECT AND OBJECT OF EVALUATION AS EVALUATION STRATEGIES IN THE ANALYTICAL ARTICLE (AS EXEMPLIFIED IN BRITISH AND RUSSIAN QUALITY PRESS).....	93
<i>OUR AUTHORS</i>	101

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81

Блох М.Я.¹, Алёшина Е.Ю.²

¹Московский педагогический государственный университет

²Пензенский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ НА СЕМИ ЭТАПАХ СВОЕЙ ДИНАМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается политический текст как тематически организованная речь, относящаяся к сфере политики и отличающаяся целевой спецификой. В основе исследования лежит теория семи «жизней» текста, в каждой из которых текст существует в динамике своего производства и развития. Текст «проживает» эти «жизни» в процессе своего диктемного развёртывания. Динамика политического текста проиллюстрирована на материале англоязычной политической публичной речи. На каждой стадии формирования публичное выступление имеет свои особенности, обусловленные тремя аспектами дискурсивации: категориальным, информационным (содержательным) и адресантно-адресатным. *Ключевые слова:* политический текст, дискурс, диктема, диктемное развёртывание, информация.

M. Blokh¹, E. Aleshina²

¹Moscow Pedagogical State University

²Penza State University

POLITICAL TEXT AT SEVEN STAGES OF ITS DYNAMICS

Abstract. Considered is political text as topically organized speech referring to the sphere of politics and possessing target specificity. The research is based on the theory of the seven “lives” of the text. In each “life” the text exists in the dynamics of its production and development. The text “lives” its “lives” in the process of its dictemic deployment. The dynamics of political text is exemplified with the political public speech in English. At every stage of formation the characteristics of public speech are determined by the three discursivation aspects: category, information (content), addresser and addressee.

Key words: political text, discourse, dicteme, dictemic deployment, information.

Политика как общественный феномен определяет важнейшие сферы жизнедеятельности человека. В эпоху

современной глобализации кардинально усилилось влияние политики на становление личности. Сегодня политический текст доступен каждому ин-

© Блох М.Я., Алёшина Е.Ю., 2015.

дивидууму благодаря усовершенствованным компьютерным технологиям и всеохватывающим средствам массовой информации. Невероятно возросшая роль политической коммуникации в процессе формирования общественного мнения в условиях информационных конфликтов обусловила взлёт исследовательского интереса к политическому тексту-дискурсу, воплотившийся в быстрое создание целого лингвистического направления («политическая лингвистика») в рамках бурно развивающейся неориторики.

Различные аспекты политического дискурса рассматриваются в трудах Р. Айви, Р.Д. Андерсона, Р. Карпентера, М. Джонсона, П. Друлак, Т. ван Дейка, Н. Фэркло, Р. Водак, В.И. Карасика, Е.И. Шейгал, Г.Г. Почепцова, В.Е. Чернявской и многих других отечественных и зарубежных учёных. Наше исследование выполнено в рамках диктемной теории текста и посвящено изучению динамики политического текста на материале англоязычной политической публичной речи.

Мы рассматриваем текст как тематически выделенную речь (письменную или устную, законченную или незаконченную, жанрово маркированную или немаркированную). Следует подчеркнуть, что текст, построенный и строящийся как актуальный элемент культуры, не может являться «единицей языка» по определению, поскольку язык в лице своих единиц есть инструмент построения текста [6, с. 5]. Единицей языка, взятой в структурном выражении и служащей элементарной единицей текста-дискурса, является диктема [4], в которой реализуются четыре знаковых функции речи: номинация, предикация, тематизация

(топикализация) и стилизация. Диктема как единица тематизации текста обеспечивает формирование речевой последовательности. В процессе диктемного развёртывания создаётся информационный аспект текста.

Динамика речепорождающего (дискурсивационного) механизма реализуется по трём аспектам дискурсивации: категориальному или формирующему; информационному или непосредственно содержательному; персонально-реляционному или адресатно-адресантному [6, с. 6]. Диктема служит элементарной тематической единицей строя текста на всех ступенях его формирования. В своём развитии текст проходит ряд ступеней или этапов, которые можно фигурально назвать «жизнями», поскольку на каждом этапе своего создания текст существует в живой динамике производства и развития [6, с. 6].

Рассмотрим семь «жизней» политического текста на примере публичной политической речи, ступени формирования которой в полной мере соответствуют особенностям динамики производства текста вообще. Определим политический текст как тематически организованную речь, относящуюся к сфере политики и отличающуюся, в рамках своей целевой специфики, всей гаммой текстовых категорий.

В своей **первой жизни** текст существует в виде замысла. На этой стадии текст представляет собой первичную диктему со смутно определёнными границами, которые конкретизируются по мере уточнения смысла [6, с. 6]. Особое значение для раскрытия особенностей жизни политического текста на этой ступени получает аспект авторства. Глубокие корни, уходящие

в античность, имеет традиция создания публичных политических выступлений для оратора вторым лицом. Профессиональная технология сочинения политического текста, в частности, публичной политической речи, получила название *спичрайтинга* (от английского *speechwriting* – написание речи). Следуя определению, данному А.Д. Кривоносовым, спичрайтинг в интересующем нас смысле представляет собой «специфическую PR-технологию, представленную в виде подготовки и написания PR-текста, предназначенного для устного исполнения, а также консалтинг первого (должностного) лица по организации публичного выступления и его исполнению. В узком смысле – написание текста устного публичного выступления для руководителя (должностного лица) базисного субъекта PR» [7, с. 12–13].

В то же время совершенно ясно, что принцип создания публичной политической речи «на заказ» никоим образом не является универсальным. Так, Уинстон Черчилль сам писал тексты своих публичных выступлений, корректируя и совершенствуя текст, что содействовало выработке контуров собственного «хорошего стиля» этого жанра речи. В данном случае можно говорить о стиле как средстве выражения идентичности [8, с. 33].

В обоих случаях, на данном этапе сочинения политического текста ключевую роль в создании высказывания играет интенция как начальная стадия этого процесса. О.С. Ахманова определяет интенцию как потенциальное или виртуальное содержание высказывания, противопоставляя её актуальному или высказанному содержанию [3]. Интенции, которые создатель

текста выражает в речи, реализуются в речевых актах, в которых сплавлены культура как система интеллектуальных ценностей и язык как система вербальных инструментов создания этих ценностей. Интенция, рассматриваемая как успешно реализованная часть процесса коммуникации, обусловливает эффективность речевого акта [9]. Непосредственной текстовой единицей, представляющей речевой акт, как было указано выше, служит диктема – элементарная тематическая (топикальная) единица речи.

В своём диктедном развёртывании текст «проживает» свою **вторую жизнь**. В то время как на первой стадии развития информационная структура текста определяется интеллективной информацией, на второй стадии, наряду с аспектом интеллективности, всё более утверждается аспект фактуальности. Кроме того, именно на этом этапе создания текста появляется и крепнет аспект импрессивной информации как важнейшей составляющей прагматики публичного политического выступления.

В качестве примера строго целевого культивирования импрессивного аспекта политического текста можно привести известную речь американского правозащитника Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта» («I Have a Dream»). Речь была произнесена 28 августа 1963 г. во время Марша на Вашингтон, который стал важнейшим моментом Американского движения за гражданские права 1955–1968 гг. Речь Кинга относится к высоким образцам политической риторики XX века. Проиллюстрируем диктедное развёртывание рассматриваемой речи на следующем отрывке:

... *I have a dream that one day every valley shall be exalted, and every hill and mountain shall be made low, the rough places will be made plain, and the crooked places will be made straight; «and the glory of the Lord shall be revealed and all flesh shall see it together» [2]. У меня есть мечта, что настанет день, когда все низины поднимутся, все холмы и горы опустятся, неровные местности будут превращены в равнины, искривлённые места станут прямыми, «величие Господа предстанет перед нами и все смертные вместе будут лицезреть это».*

Приведённую диктему можно отнести к завершению основной части публичной речи. Диктема открывается фразой, которая многократно повторяется в предыдущих диктемах. Приёмы повтора и синтаксического параллелизма создают импрессивный фон текста. Диктема содержит цитату из Книги пророка Исайи, аллегорический смысл которой связан с представлением оратора о неизбежности и необходимости социальных перемен.

... *This is our hope, and this is the faith that I go back to the South with.*

With this faith, we will be able to hew out of the mountain of despair a stone of hope. With this faith, we will be able to transform the jangling discords of our nation into a beautiful symphony of brotherhood. With this faith, we will be able to work together, to pray together, to struggle together, to go to jail together, to stand up for freedom together, knowing that we will be free one day [2]. Такова наша надежда. Это вера, с которой я возвращаюсь на Юг. С этой верой мы сможем вырубить камень надежды из горы отчаяния. С этой верой мы сможем превратить нестройные голоса нашего народа в пре-

красную симфонию братства. С этой верой мы сможем вместе трудиться, вместе молиться, вместе бороться, вместе идти в тюрьмы, вместе защищать свободу, зная, что однажды мы будем свободными [1].

Приведённый отрывок представляет собой диктему, открывающую заключительную часть речи. Фактуальная информация, выраженная в высказываниях о намерениях оратора, сочетается с импрессивной информацией, которая вновь является определяющей. Анадиплозис, синтаксический параллелизм, повторы, метафоры актуализируют импрессивную информацию и предваряют наиболее выразительную часть речи – заключение:

... *Let freedom ring from the prodigious hilltops of New Hampshire.*

Let freedom ring from the mighty mountains of New York.

Let freedom ring from the heightening Alleghenies of Pennsylvania.

Let freedom ring from the snow-capped Rockies of Colorado.

Let freedom ring from the curvaceous slopes of California...

«Пусть свобода звенит с вершин изумительных холмов Нью-Хэмпшира!

Пусть свобода звенит с могучих гор Нью-Йорка!

Пусть свобода звенит с высоких Аллеганских гор Пенсильвании!

Пусть свобода звенит с заснеженных Скалистых гор Колорадо!

Пусть свобода звенит с изогнутых горных вершин Калифорнии!» [1].

Установочная информация в сочетании с импрессивной информацией, актуализируемой посредством синтаксического параллелизма и метафоры, обуславливают выразительность отрывка.

Третья жизнь политического текста состоит в его предпрочтении. В случае подготовки текста речи самим оратором, предпрочтение может осуществляться как он сам, так и эксперт по PR, выполняющий корректирующую и консультационную функции. Если текст для оратора готовится спичрайтером, то второе предпрочтение, следующее за авторским, будет осуществляться тем, кто будет произносить написанный текст – оратором. На всех этапах текст становится объектом цельного рабочего восприятия, проходя внутреннее испытание на наличие средств убеждения и воздействия, которые являются основными составляющими прагматики политической публичной речи. На этом этапе автор либо заказчик текста – оратор принимает решение о его доработке в целом или обработке отдельных частей.

Четвёртая жизнь политического текста состоит в его обработке, направленной, как правило, на усиление силы воздействия. Убеждение и воздействие реализуются посредством нескольких типов информации (фактуальной, импрессивной, эмотивной), актуализируемой в тексте политического публичного выступления, главным образом, в диктемах четырёх типов: фактуальной, оценочной, фактуально-оценочной, установочной.

Пятая жизнь текста является последней жизнью, локализованной в ареале собственно авторской деятельности. На этой стадии происходит завершение текста-дискурса в ходе его чтения и перечитывания автором, либо автором и оратором.

Шестая жизнь политической публичной речи разворачивается в процессе представления текста ауди-

тории оратором. На этой стадии, в процессе одностороннего общения, становится возможным рассмотреть текст как дискурс. Дискурс – это тематически определённый текст, задуманный и предполагаемый как цельный и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается [5, с. 5–10].

Политический дискурс представляет собой текст, определённый тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики в процессе их деятельности, борьбы за политическую власть, и рассмотренный в ситуации соответствующего общения. В этом общении публичная политическая речь «проживает» жизнь в восприятии слушателя / читателя. Тем самым из явления индивидуального творчества текст преобразуется в явление общественное. Текст переживает диалектическую метаморфозу: его жизнь расщепляется на множество жизней, а именно на столько, сколько слушателей / читателей он находит [6, с. 7].

Наконец, **седьмая жизнь** политического текста воплощается в его обсуждении и критике, принятии или неприятии его посылов. Жанрово-стилевой диапазон этой критики необъятно широк: от деловой и дипломатически сдержанной до журналистики резкой, доходящей до грубости и неприличия; от критики содержания по существу – с разной долей субъективизма и заведомого отрицания приемлемости оглашённых положений – до сознательного и недопустимо грубого искажения содержания этих положений.

Итак, рассмотрев этапы формирования публичной политической речи, мы приходим к выводу о возможности

и целесообразности рассматривать динамику становления текста данного жанра в контексте теории семи жизни текста. На каждой стадии формирования публичное выступление имеет свои особенности, обусловленные тремя аспектами дискурсивации: категориальным, информационным (содержательным) и адресантно-адресатным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. «У меня есть мечта». Речь Мартина Лютера Кинга 28 августа 1963 г. [Электронный ресурс] // Холодная война: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.coldwar.ru/bases/i-have-a-dream.php> (дата обращения: 16.02.2014).
2. Martin Luther King, Jr. I Have a Dream (delivered 28 August, 1963, at the Lincoln Memorial, Washington D.C.) [Электронный ресурс] // American Rhetoric: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkhaveadream.htm> (дата обращения: 16.02.2014).

Литература:

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
4. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.
5. Блох М.Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 5–10.
6. Блох М.Я. Текст в динамике становления и его семь жизней // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 3. С. 5–8.
7. Кривоносов А.Д. Основы спичрайтинга: учеб. пособие для студентов отделений связей с общественностью. СПб.: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2003. 56 с.
8. Fairclough N. Genres in Political Discourse // K. Brown (ed.). Encyclopedia of Language and Linguistics (Second revised ed.). Oxford: Elsevier, 2006. P. 32–38.
9. Habermas J. Kommunikatives Handeln und Detranszendentalisierte Vernunft // Ders., Zwischen Naturalismus und Religion. Philosophische Aufsätze. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. S. 27–84.

УДК 81`23

Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.*Московский государственный областной университет***«ИСТОРИЗМ» И «ФОРМАЛИЗМ» В РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА: НАУКА И ШКОЛА**

Аннотация. В статье рассматривается соотношение, сложившееся к началу XX в. между научным языкознанием и школьной грамматикой. Отмечается ярко проявившееся в этот период стремление устранить существовавший между ними разрыв, усилившийся в связи с тезисом, согласно которому научное изучение языка непременно должно носить исторический характер. Большинство отечественных лингвистов, не отказываясь от данного положения, считали более перспективным формализацию курса грамматики, чему способствовала популярность учения о форме слова, разработанного Ф.Ф. Fortunatovым и его последователями.

Ключевые слова: историзм, формальный, грамматика, классификация, научный, школьный.

I. Valuytseva, G. Khukhuni*Moscow State Regional University***“HISTORICISM” AND “FORMALISM” IN RUSSIAN GRAMMAR SCHOOL
IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: SCIENCE AND SCHOOL**

Abstract. The present paper analyzes the relation between scientific study of language and the so-called ‘school grammar’ in the beginning of the 20th century. It is noted, that there was a gap between them because of the dominating view, according to which the linguistic science had to be necessarily historical. Most of the Russian linguists desired to overcome this gap. They didn’t wholly deny the principle of historicism, but considered the formalization of the grammar course, based on the popular theory about the word-form, developed by F. Fortunatov and his pupils, more perspective.

Key words: historicism, formal, grammar, classification, scientific, school.

При характеристике языкознания XIX в., прежде всего в его наиболее влиятельной на рубеже веков младограмматической традиции со времён «Курса общей лингвистики», стало общепринятым подчёркивание того обстоятельства, что, «уйдя с головой в диакронию», оно не только пренебрегало изучением языкового состояния, но и вообще не считало последнее научным.

© Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т., 2015.

В.М.Алпатов в своем учебнике по истории лингвистических учений, излагая в этой связи взгляды Г. Пауля, резюмировал их следующим образом: «Г. Пауль признаёт, что историку языка, ‘конечно, не миновать описания состояний’, но для него это лишь ‘прочная основа для исторических изысканий’. Какой-либо собственной ценности описательная грамматика не имеет, сам термин показывает, что она лишь ‘регистра-

рует то, что имеется в языке, ничего не объясняя. И неудивительно, что при таком подходе языковеды обычно уступали описания современных языков непрофессионалам» [1, с. 99].

Тем не менее, лингвистов – независимо от их отношения к подобной позиции – волновал вопрос о том, как обстоит дело с изучением и преподаванием родного языка в школе, которое в той или иной степени как раз и основывается на описании его современного состояния. Разрыв между ним и научным языкознанием, с которым студентов знакомили в стенах высших учебных заведений, к началу XX в. вызывал серьёзную обеспокоенность у представителей университетской и академической науки. Один из крупнейших лингвистов рассматриваемой эпохи – академик Ф.Ф. Фортунатов писал, что «в настоящее время требуется коренная переделка того учения, какое излагается в школьных учебниках грамматики; это касается учебников не только по русской грамматике, но, в большей или меньшей степени, также и по грамматике других языков, и притом не только у нас, но и в других странах» [9]. Схожие суждения высказывали и другие ученые.

Важными вехами в борьбе за «онаучивание» школьной грамматики стали два педагогических съезда: Первый съезд преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (декабрь 1903 г.) и Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы (декабрь 1916 – январь 1917 г.). Следует подчеркнуть, что значение названных форумов не ограничивалось узко-учебными рамками, о чём свидетельствует участие в них и ведущих отечественных учёных.

Негативное отношение участников к существующей грамматической системе было почти единодушным. На съезде 1903 г. оно нашло чёткое выражение в словах Л.В. Щербы: «... Существующие грамматики русского языка совершенно никуда не годятся, так как они не основаны на изучении этого языка. Мало того, никто в мире не в состоянии даже решить, какой язык исследуют их авторы: в них царствует полный хаос и смешение понятий, так как сообщаемые в них сведения основаны не на наблюдаемых фактах, а придуманы составителями из головы и зачастую не имеют никакого реального значения» [11].

Многочисленные претензии по адресу школьной грамматики сводились к двум основным положениям. Во-первых – в полном соответствии с тезисом о непрременной «историчности» научного подхода к языку – её упрекали в отсутствии таковой. Во-вторых, использовавшуюся в ней систему понятий – прежде всего, классификацию частей речи – уличали в «нелингвистичности» и непоследовательности, поскольку в основу деления были положены разные признаки (логические, морфологические, синтаксические). А это, по замечанию одного из авторов, напоминает деление людей на умных, глупых и блондинов.

Справедливости ради необходимо признать, что подобное обличение к началу прошлого века не было новым. Г. Пауль писал об этом в «Принципах истории языка»: «Принятая в индо-европейских языках система частей речи, идущая в главных чертах ещё от античных грамматик, не имеет в своей основе последовательно выдержанных логических принципов, она слож-

лась в результате попыток учесть самые разные стороны проблемы <...> Нетрудно доказать, что она обладает рядом недостатков. Но коль скоро мы стремимся к тому, чтобы отнести каждое слово к определённому классу, нам вряд ли удастся заменить эту классификацию более удачной. Попытки установить строго логическую систему разграничений вообще несостоятельны» [4, с. 415].

Однако, поставив перед собой цель «сблизить школу с наукой», отечественные лингвисты (включая учёных, близких к младограмматической школе) не могли полностью согласиться со скептическим конечным постулатом Г. Пауля: «Если принять во внимание, что при обычном разграничении частей речи приходится учитывать весьма разнородные моменты, которые к тому же могут прийти в столкновение друг с другом, то отсюда следует вполне естественный вывод, что на деле эти разграничения вообще неосуществимы» [4, с. 418].

Отечественные учёные мыслили сближение школьной и научной грамматики в двух направлениях, не параллельных по отношению друг к другу, которые условно можно назвать «историческим» и «синхроническим» (хотя сам последний термин в те годы не употреблялся).

Первый путь на съезде 1903 г. был озвучен А.А. Шахматовым – крупнейшим историком русского языка, бывшим в те годы наиболее верным и любимым учеником Ф.Ф. Фортунатова. Такой подход восходил еще к Ф.И. Буслаеву и вполне соответствовал методологическим установкам Ф.Ф. Фортунатова, для которого тезис об историческом характере языкозна-

ния был аксиомой: «Ставя требование, чтобы в школе русский язык изучался во всём объёме этого понятия, мы выражаем желание, чтобы в наши среднеучебные заведения было введено преподавание истории отечественного языка. В них нашли себе место история русского народа, история русской литературы; пусть к этим предметам на равных с ними правах и в равных с ними объёмах присоединится история русского языка» [8, с. 408–409].

Выдвинутый А.А. Шахматовым тезис получил в предреволюционные годы определённое продолжение. На съезде 1916–1917 г. об этом говорил его коллега по Московской лингвистической школе Д.Н. Ушаков: «Старший курс русского языка необходим в средней школе <...> Главнейшая, но не единственная его часть – историческое изучение русского языка. Цель его – понимание и знание современного русского языка» (цит. по: [10, с. 75]). А ставший впоследствии известным филологом-славистом Н.С. Державин в те же годы писал: «Мысль Ф.И. Буслаева о необходимости введения в курс средней школы истории русского языка в настоящее время сделалась всеобщим убеждением и, по-видимому, мы стоим сейчас накануне её практического осуществления <...> в новых программах по русскому языку, намеченных специальной комиссией по реформе средней школы <...> истории родного языка отводится совершенно определённое место. Что мысль о необходимости и своевременности введения в курс общеобразовательной школы истории русского языка представляется сейчас общепризнанной истиной, можно судить, например, по тому, как единодушно этот вопрос, и притом в утвер-

дительном смысле, в последнее время дебатировался на разных педагогических съездах и собраниях» [3, с. 325].

Однако сколь ни привлекательной в глазах приверженцев «подлинно научного языкознания» в его тогдашнем понимании выглядела подобная программа, очевидным было понимание того, что одной историзацией основную задачу – выработку отвечающей научным требованиям системы описания грамматики *современного* языка – решить невозможно. Об этом напоминала и педагогическая общественность, на плечи которой и должна была лечь предполагаемая реформа. «Дайте нам, – призывал своих коллег-лингвистов П.О. Потапов (в советские годы – профессор Одесского государственного университета, занимавший должности декана факультета языка и литературы ОГУ и заведующего кафедрой русского языка), – пока грамматику русского литературного языка, о которой мы ещё пока ничего не знаем <...> а тогда, быть может, мы справимся и с настоящей историей русского языка <...> Сюда и только сюда должны быть направлены усилия и педагогов, и учёных-специалистов» [7, с. 26]. Чрезмерное увлечение историзмом может, по мысли автора, помешать процессу создания научной описательной грамматики, поскольку оно будет носить явно бессистемный характер: «Вся история сведётся к перечню отдельных фактов, лишённых какого-то бы ни было освещения, какой бы то ни было связи <...> Если же всё дело сведётся к зазубриванию неосмысленных фактов, к тому же не подлежащих проверке учащихся, то какой же смысл, какое значение может иметь такая 'история'?» [7, с. 4].

Отметим, что «исторический скептицизм» отечественных педагогов мог опираться и на опыт зарубежных, в частности, немецких коллег. Несколько десятилетий спустя швейцарский языковед Г. Глинц отмечал, что учителя немецкого языка, не отрицая пользы внесения элементов историзма при преподавании языка в старших классах, подчёркивали, что удовлетвориться чистой «историзацией» школа не может, поскольку её задача, в первую очередь, заключается в установлении системы современного языкового употребления: «Die Schule kann sich <...> nicht mit der Kenntnis historischer Entwicklung begnügen. Auf höherer Stufe kann sie diese freilich mit Nutzen einbeziehen, aber zuerst hat sie etwas anderes nötig, nämlich die Gesetze des gegenwärtigen Gebrauchs, zusammengefaßt in einem lehr- und lernbaren System» [12, S. 67].

Более перспективным поэтому представлялся другой путь «онаучивания» преподавания языка, заключавшийся в переходе от логико-грамматической системы, восходящей к античности, к формально-грамматической. Фундаментом для её построения считались труды А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунатова. Антилогизм (т. е. отрицание прямого выведения грамматических категорий из логических) был действительно присущ обоим указанным течениям, поэтому мысль о возможности синтезировать обе традиции для создания единой грамматической концепции могла представляться в тот период вполне правомерной. Более того, как уже в 30-е годы заметил С.И. Бернштейн, «скудные сходства между ними были в то время заметнее, чем разделяющая их пропасть»

[2, с. 13–14]. Наиболее известным в этом отношении является первое издание книги А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», в которой автор ставил своей задачей «приспособить систему Потебни <...> в таком направлении, чтобы она <...> не стояла в противоречии с усвоенными <...> на университетской скамье основными положениями Фортунатовской школы...» [6, с. 78].

Однако становление формально-грамматического направления в качестве ведущего течения отечественной науки сталкивалось и с рядом серьёзных препятствий.

Сторонники логико-грамматического подхода, полемизируя со своими оппонентами, подчёркивали, что их претензии на научность несостоятельны, так как на основе только формальных моментов невозможно выявить присущие языку внутренние законы, опирающиеся на законы мышления. Указанную позицию последовательно отстаивал известный в те годы филолог-классик П.Д. Первов, отмечавший: «Что между словами есть 'отношения' и есть 'связь' – это каждый замечает с первого разу и без всякой научной грамматики. Всё дело в том, каковы эти отношения и в чём эта связь. Если бы грамматика ответила на эти вопросы, она, может быть, и стала бы настоящей наукой, а ответить на них она может лишь опираясь на другую науку, совершенно точную – на логику» [5, с. 20].

Сложно говорить и о единстве среди представителей научной грамматики, даже причислявших себя к одной научной школе. Например, «Синтаксис русского языка» Д.Н. Овсяннико-Куликовского, написанный, как считал сам автор, с потебнианских позиций

вызвал резкую критику со стороны другого потебнианца – Д.Н. Кудрявского, а упомянутый выше «Русский синтаксис в научном освещении» А.М. Пешковского был отвергнут призывавшим к фортуноватовской школе Е.Ф. Будде (подробнее см. [10]).

Тем не менее, несмотря на указанные сложности, можно констатировать, что в начале XX в. влияние формальной грамматики неуклонно усиливалось. Закономерным итогом стал Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка 1916–1917 гг. Отметим, что наряду с такими лингвистами, как Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, А.М. Пешковский, в его работе принимал участие и П.Д. Первов. В принятой ими резолюции подчёркивалось: «Не следует препятствовать осуществлению в средней школе курса грамматики, построенного на основе формально-грамматической точки зрения, как наиболее отвечающей современному состоянию науки о языке» (цит. по: [10, с. 112]).

Таким образом, казалось, что под спором между логико-грамматическим и формально-грамматическим подходами была окончательно подведена черта. Но, как показали последующие события, торжество грамматического формализма несло в себе зародыш кризиса, десятилетие с лишним спустя фактически приведшего к его ликвидации. Причём этот процесс был тесно связан с именем Л.В. Щербы, выступление которого на съезде 1903 г. стало своеобразной точкой отсчёта начала борьбы за научную грамматику.

Помимо собственно историко-лингвистического аспекта, изучение дискуссии о принципах построения

научной грамматики и её прикладного аспекта – внедрения соответствующего курса в практику средней и высшей школы – имеет и значительный актуальный интерес, поскольку исследование данного вопроса может быть полезным при рассмотрении возможных путей реформирования преподавания языковых дисциплин, обсуждаемых в наши дни научной и педагогической общественностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Бернштейн С.И. Основные понятия грамматики в освещении А.М. Пешковского // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. С. 7–42.
3. Державин Н.С. Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе. Пг.: Тип. “Науч. дело”, 1917. 510 с.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 500 с.
5. Первов П. Грамматика и логика // Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа. 1915. № 5–6. С. 3–20.
6. Пешковский А.М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.: Госиздат, 1925. 190 с.
7. Потапов П.О. К вопросу о введении в курс средней школы истории русского языка (по поводу Руководства по истории русского языка, Е.С. Истриной). Одесса: Типография Техник, 1916. 26 с.
8. Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (22-31 декабря 1903 г.) / Под редакцией секретаря съезда П.В. Петрова. СПб.: Типография П.В. Петрова, 1904. 434 с.
9. Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. [Электронный ресурс]. URL: <http://sci-book.com/russkiy-yazyik/prepodavanii-grammatiki-russkogo-yazyika-59333.html> (дата обращения: 03.10.2014).
10. Хухуни Г.Т. Основные тенденции развития русской лингвистической мысли конца XIX – первой трети XX века (описательная грамматика и история языка): дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1984. 342 с.
11. Щерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba15.htm> (дата обращения: 03.10.2014).
12. Glinz H. Geschichte und Kritik der Lehre von den Satzgliedern in der deutschen Grammatik. Bern: Francke AG, 1947. 83 S.

УДК 81'322.2

Максименко О.И., Хлебучина В.Ю.*Московский государственный областной университет***ОППОЗИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)**

Аннотация. Лингвокультурологический феномен современного спортивного дискурса пронизан оппозициями, свойственными другим типам дискурса, но обладает и своими характерными особенностями. В статье приводятся примеры частотного анализа на базе конкорданса терминологии спортивных танцев с целью доказательства присутствия идеи особой оппозитивности в одном из неигровых видов спорта. Особое внимание уделяется изучению отдельных тематических частей проанализированной выборки танцевальной лексики. По результатам анализа языкового материала сделаны выводы относительно частоты использования значимых слов изучаемого дискурса, в том числе терминов, формирующих фундаментальную оппозицию «свой – чужой».

Ключевые слова: спортивный дискурс, танцевальная терминология, оппозиции, выборка, текстовый массив.

O. Maksimenko, V. Khlebutina*Moscow State Regional University***SPORTS DISCOURSE OPPOSITIONS (IN DANCING TERMINOLOGY)**

Abstract. Oppositions are typical for any type of discourse, but in linguoculturological phenomenon of modern sports discourse they have specific characteristics. The article is devoted to the frequency analysis on the concordance base of sports dances terminology with the purpose to prove the presence of the special opposition idea in this kind of sports. Particular attention is paid to thematic parts of data selection results of dancesport terminology. The results allowed to make certain conclusions about frequency of certain terms, including the terms forming the fundamental opposition “us – them”.

Key words: sport discourse, terminology of dancing, opposition, data selection, text corpus.

Спортивный дискурс как особый вид коммуникации обладает рядом свойственных именно ему характеристик. С точки зрения Е.Г. Малышевой, изучая сферу спортивной коммуникации, нельзя говорить только о спортивных терминах, об описании экспликации в текстах спортивного дискурса, собственно спортивной составляющей соревнований или тренировок [4]. По

© Максименко О.И., Хлебучина В.Ю., 2015.

мнению английских исследователей Н. Блейна и Р. Бойла, за последнее время и отношение социума к спорту, и сам спорт настолько изменились, что «разговор о спорте есть на самом деле разговор о нашей культуре» [1, с. 465]. Поддерживая мнение этих исследователей, можно сказать, что изучение спортивного дискурса и отдельных его видов, по сути, превращается в исследование лингвокультурологических

особенностей как отдельных культур, так и фундаментальных основ, присутствующих культуре человечества в целом.

Именно в спортивной среде можно наглядно наблюдать один из фундаментальных семиотических принципов (архетип «свой – чужой»), уходящий корнями в глубокую древность: членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далёкое» и многих других. Типичной является также интерпретация основного (базового) противопоставления в ценностном плане в виде оппозиции «хороший – плохой» с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [2]. В большинстве случаев границы этой оппозиции расставляются неосознанно, на подсознательном уровне. Противопоставление «свой – чужой» в разных вариациях пронизывает всю культуру человечества (и спорта в частности) и является одним из базовых компонентов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [6].

Однако стоит отметить, что одной из главных особенностей спортивного дискурса является не только бинарная оппозиция «свой – чужой», т. е. победитель и проигравший, но и ранжирование, по сути, появление градуальных оппозиций. Как правило, в экстралингвистической составляющей спортивного дискурса предполагается единственный победитель. Но известен случай, когда на соревнованиях по фигурному катанию (парная категория) зимних Олимпийских игр 2002 г. было принято решение, не имеющее аналогов за всю историю этого вида спорта: победите-

лями одновременно стали две танцевальные пары – из России и Канады.

Особый вид оппозиции существует в борьбе за третье место в игровых видах спорта (хоккей, волейбол, бадминтон, гандбол и др.), где используется олимпийская система (то есть проигравший выбывает из соревнований) для ранжирования игроков или команд. Спортсмены, проигравшие в полуфиналах, разыгрывают третье место. При этом позиционирование самих атлетов в этой ситуации иное: спортсмен, выигравший игру за третье место, является «победителем», а тот, кто проиграл финал – «проигравшим», однако номинально «проигравший» в финале занимает более высокую позицию, чем «победитель» игры за третье место. Многие спортсмены отмечали, что, заняв второе место, ощущали большую досаду от показанного результата, чем выиграв третье.

Присутствие оппозиции «свой – чужой» в таких видах спорта, как футбол, бокс, борьба, хоккей, воспринимается как само собой разумеющееся и наглядно проявляется в терминосистемах данных видов спорта. Международные спортивные соревнования, по сути, представляют собой состояние прямого противостояния не только между спортсменами, но и между болельщиками, а нередко и соотечественниками выступающих спортсменов. При этом неважно, кто именно выступает за страну (это может быть так называемый «легионер»), главное, что он «свой».

В танцевальном спорте ситуация иная. В связи с отсутствием чёткой дефиниции термина «танцевальный спорт», следует уточнить, что мы будем понимать под этим термином вид спорта, который известен в России под

такими названиями, как «бальные танцы», «спортивные танцы», «спортивные бальные танцы» и непосредственно «танцевальный спорт».

Описание спортивных танцев как вида спорта не удастся ограничить простой инвентаризацией терминологии, поскольку экстралингвистический компонент в этом виде спортивного дискурса характеризуется сочетанием физических, интеллектуальных и артистических способностей участников соревнования.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, данный вид спорта выглядит неконфликтным, в его терминологии также присутствуют следы оппозиции «свой – чужой». На любых соревнованиях, как мировой классификации (WDSF (World Dance Sport Federation): WDSF Open, WDSF International, WDSF International Open), так и российских турнирах, ведётся ожесточённая борьба не только за первое место, но и за рейтинговые очки, количество которых зависит от занятого места. Если говорить о лексическом компоненте данного дискурса, то этот фактор проявляется в номинациях пары в речи участников соревнований и болельщиков, таких как «призёры», «финалисты», «полуфиналисты» и т. д. Статус пар, входящих в каждую из этих групп, различен, но все они входят в особую группу элиты. Кроме того, существуют пары, которые, благодаря своему высокому рейтингу, могут участвовать в соревнованиях не с первого тура, а со второго и третьего. О таких спортсменах говорят, что они «под звездой» или «под звёздами», так как в общем списке пар для их обозначения используется маркировка в виде «*» или «**», в зависимости от того, один или два тура пара может пропустить.

Если же рассматривать дискурс танцевального спорта более широко, то проявление разнообразных оппозиций можно увидеть везде, например, при номинации танцевальных категорий или, как их называют, танцевальных программ. На данный момент существуют *европейская программа*, *латиноамериканская программа*, *двоеборье* (или *десять танцев*), *европейский секвей*, *латиноамериканский секвей*, *европейский формейшн* (соревнования ансамблей из восьми пар), *латиноамериканский формейшн*. Несмотря на то, что программ немало, всех танцоров можно разделить на «*латинистов*» (предпочитающих выступать в латиноамериканской программе) и «*стандартистов*» (предпочитающих выступать в европейской программе). Танцоров, выступающих в двоеборье, называют «*десяточниками*», при этом чаще всего у них есть ведущая программа, в которой они показывают результат лучше, чем в другой. Открытого противостояния между латинистами и стандартистами нет, что, однако, не мешает им подшучивать друг над другом, причём не только вербально. В последнее время в тематических группах в социальных сетях можно встретить интернет-мемы, отражающие данный вид противоборства. Например, используя широко известный интернет-мем с фотографией В.В. Жириновского «Хватит это терпеть», танцоры создали свой – с текстом «Латинисты снова налили касторки? Хватит это терпеть!». Смысл, который автор вложил в этот интернет-мем, сможет понять только человек, имеющий хорошее представление об экстралингвистических особенностях танцевального дискурса. Но даже тому, кто далёк от него, сразу

становится ясно, что автор не принадлежит группе «латинистов», а скорее другой, противостоящей ей.

Пара, состоящая из партнёра и партнёрши (для обозначения пары часто используют термин «союз»), противопоставляется другим парам. И для обозначения результатов этой оппозиции используются слова «борьба», «дуэль», «поединок», «победитель», «проигравший», «победа», понимаемые одинаково в разных видах спортивного дискурса.

Для терминологии танцевального спорта характерна определённая оценочность. К оценочным терминам в первую очередь можно отнести те, что используются для выявления признака, на основании которого происходит деление или противопоставление спортсменов. В танцевальной терминологии это разряды или танцевальные классы, например:

– *разряды – первый, второй, третий, кандидат в мастера спорта, мастер спорта, мастер спорта международного класса;*

– *танцевальные классы – N (начинающие), E, D, C, B, A, S (зондер), M (международный).*

Кроме того, существует деление по возрастным категориям: *Дети-1, Дети-2, Юниоры-1, Юниоры-2, Молодёжь, Взрослые, Сеньоры, Грандсеньоры.*

Различные сочетания разрядов и возрастных категорий создают целый ряд групп, объединённых общим уровнем исполнения танцев и, как правило, танцевальными предпочтениями.

Ещё одним фактором, отражающим оппозиционный характер танцевальной лексики, можно считать использование таких терминов, как «судья», «судейская бригада», «кресты» или «крестики», «критерии оценки», «скей-

тинговая система», «оценки», «места» (в контексте «судья поставил нам N место») и др. Данные языковые единицы используются для того, чтобы ранжировать участников соревнований.

Для подтверждения гипотезы о тенденции к оппозитивности танцевальной терминологии был проведён анализ случайной выборки текстов танцевальной тематики на основе книг У. Лайреда «Техника латинских танцев» (перевод и редакция Л.Д. Весновского) [5] и А. Мура «Пересмотренная техника европейских танцев» (перевод и редакция Ю. Пина) [7], а также статей на сайте «<http://dancesport.ru/>» и форума на сайте «<http://forum.dancesport.ru/>». Общий объём выборки составил более 2000 единиц, и мы пришли к выводу, что как минимум от 20 % до 40 % из каждой сотни танцевальных терминов (будь то общие спортивные, либо узкоспециальные термины) поддерживают гипотезу об оппозиционном характере рассматриваемой терминосистемы.

Если же проанализировать статистику текстового массива по жанрам отдельно, т. е. **книги, статьи и форум**, то наблюдается несколько иная картина. Так как книги У. Лайреда и А. Мура направлены на описание техники латиноамериканских и европейских танцев, в них не так много языковых единиц, характеризующих оппозиционность данного типа дискурса. Из 1484 терминов лишь 256 (то есть 23,7 %) можно рассматривать как те, что используются для ранжирования, либо противопоставления различных категорий. Причём некоторые из них обладают такими свойствами только при употреблении в определённом контексте. Таким образом, можно отметить, что процентное соотноше-

ние языковых единиц, проявляющих оппозиционный характер, в данных книгах динамично и может варьироваться от 17,5 % до 23,7 % в зависимости от того, насколько жёсткие рамки мы будем использовать для определения данных терминов.

Если же рассматривать термины, используемые при написании новостных статей на сайте <http://dancesport.ru/>, а также на форуме (раздел «турниры») этого сайта, то картина иная. Так как в большинстве своём рассматриваемые нами статьи являются либо новостями о результатах турниров, либо о создании новой пары, отмечается значительное увеличение использования терминологической оппозиционной лексики.

Разнообразные количественные методы для анализа терминологий разных отраслей знания использовались не раз [3]. Для нашего исследования анализ текстового массива проводился программой TextSTAT 2.9, в результате чего были получены конкорданс и ранжированный частотный список. Анализ данных показал, что 229 значимых слов, использованных в тексте в общей сложности 2996 раз, можно разделить на тематические подгруппы, которые имеют относительно оппозиционный характер, а именно:

- языковые единицы, которые явно проявляют оппозиционный характер;
- занятые места;
- категории Международной федерации танцевального спорта (WDSF);
- имена, фамилии, названия коллективов;
- географические названия, страны, которые пары представляют;
- общие танцевальные термины.

К языковым единицам, в которых

очевиден оппозиционный характер, относятся такие слова, как «выиграли», «финал», «турнир», «соревнования», «сильнейшие», «место» и др. Всего в тексте используется 71 слово (794 раза), что составляет более 30 % от всех значимых слов анализируемой выборки.

Название занятых мест также можно отнести к терминам, проявляющим оценочный характер, то есть противопоставляющим пары друг другу – «первое», «второе», «четвёртое», «призёры», «финалисты» и т. д. Всего в тексте используется 15 слов (466 раз), что составляет около 6,5 % от всех значимых слов данной выборки. Стоит, однако, отметить, что данные слова употребляются значительно чаще, чем слова других категорий.

К категориям Международной федерации танцевального спорта (WDSF) относятся: «WDSF», «WDC», «Open», «Slam» и др. Всего в тексте используется 16 слов (390 раз), что составляет около 7 % от всех значимых слов данной выборки. Несмотря на то, что количество слов данной категории фактически больше, стоит обратить внимание на то, что они употребляются реже слов из категории, описанной выше. Кроме того, данный фактор указывает на то, что следует анализировать и сравнивать не только количество значимых слов в тексте, но и частоту их употребления.

Следующую категорию составляют имена, фамилии, названия коллективов, таких как «Джокер», «ДЮСШ», «Динамо», «Фаворит», «Юлия», «Ксения» и т. д. Всего – 85 слов (почти 37 %), частота употребления – 814.

Географические названия, страны, которые пары представляют, вынесе-

ны в отдельную категорию, поскольку в контексте соревнований пары (и страны) противопоставляются друг другу, т. е. находятся в оппозиции. Всего – 27 стран (чуть меньше 12 %), частота употребления – 394 раза; напри-

мер: «*Lithuania*», «*Украина*», «*Россия*», «*Germany*» и др.

К общим танцевальным терминам относятся «*танец*», «*пары*», «*балльные*» и т. д. Всего – 15 слов (6,5 %), частота употребления – 138 раза.

Таблица 1

Частота употребления значимых единиц танцевальной терминологии разных тематических групп в текстах спортивного дискурса

Категория	Количество значимых слов	Частота употребления значимых слов	% значимых слов от общего количества	% частота употребления от общего количества	Среднее количество употреблений слова
Языковые единицы с явным оппозиционным характером (I)	71	794	31,00	26,50	11,18
Занятые места (II)	15	466	6,55	15,55	31,06
Категории WDSF (III)	16	390	6,89	13,01	24,37
Имена, фамилии, названия коллективов (IV)	85	814	37,11	27,16	9,57
Географические названия, страны (V)	27	394	11,79	13,15	14,59
Общие танцевальные термины (VI)	15	138	6,55	4,60	9,2
Всего	229	2996	100	100	13,08

Таким образом, проанализировав количество значимых слов и частоту их использования в выборке, можно сделать следующие выводы:

1. Для получения достоверных данных необходимо учитывать не только количество слов в группе, но и частоту их использования. Данные величины могут быть сходны, как в I, IV, V и VI категориях, либо быть отличными, как во II и III категориях.

2. Чем больше разница между процентом значимых слов от общего количества слов и процентом частоты употребления от общего количества, тем чаще используется слово в тексте.

Анализ данных, полученных методом текстовой выборки, позволяет

заключить, что термины, имеющие оппозиционный характер (I, II и V категории), составляют около 50 % от общего числа значимых слов. При этом они употребляются чаще, чем языковые единицы других категорий, что хорошо видно, если сравнить среднее количество употребления слова по группам и по тексту в целом.

Следовательно, можно сделать вывод, что хотя на первый взгляд терминосистема спортивных танцев, в отличие от терминосистем иных видов спорта, не содержит терминов, отражающих конкурентные характеристики, тем не менее обладает значимыми признаками для выявления фундаментальной оппозиции «свой – чужой».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блейн Н., Бойл Р. Спорт как жизнь: СМИ, спорт и культура // Медиа. Введение: Учебник / под ред. А. Бриггза, П. Кобли; пер. с англ. Ю.В. Никуличева. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 464–475.
2. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 62–72.
3. Максименко О.И. Терминология систем связи и управления: опыт количественного анализа // Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов. № 54. М.: МГИМО(У) МИД России, 2014. С. 6–21.
4. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. [Электронный ресурс]. – URL: http://modernlib.ru/books/e_g_malisheva/russkiy_sportivnyy_diskurs_lingvokognitivnoe_issledovanie/read/ (дата обращения: 15.12.2014).
5. Laird W. Technique of Latin dancing / пер. и ред. Л.Д. Весновского. Brighton: International Dance Publications, 2004. 178 с.
6. Loland S., McNamee M. Fair Play and the Ethos of Sports: An Eclectic Philosophical Framework // Journal of the Philosophy of Sport. 27 (1). 2000. С. 63–80.
7. Moore A. The Ballroom Technique / пер. и ред. Ю. Пина. London: Imperial Society of Teachers of Dancing, 1994. 274 с.
8. TextSTAT 2.9 [Электронный ресурс]. URL: <http://neon.niederlandistik.fu-berlin.de/en/textstat/> (дата обращения: 15.12.2014).

УДК 811.111-26

Мамаев М.М.*Московский государственный областной университет***ГЕНДЕРНАЯ АТРИБУЦИЯ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ АВТОРА**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности гендерной атрибуции переводов романа «Анна Каренина» на английский язык. Анализ проводится при помощи разработанного автором статьи алгоритма. Проведённое исследование убеждает, что языковое сознание переводчика, адаптирующего перевод произведения к манере автора противоположного пола, представляет особый интерес для гендерного анализа текстов. Являясь вторичным текстом, текст перевода, тем не менее, обладает всеми признаками текста, и все характеристики исходного литературного текста сохраняются в тексте перевода. Одной из таких характеристик является отражение в тексте гендерной принадлежности её автора. Сохранение этой характеристики – необходимое условие достижения эквивалентности при переводе.

Ключевые слова: алгоритм, текст, гендерная принадлежность автора текста, гендерная атрибуция текста, качество перевода.

M. Mamaev*Moscow Region State University***GENDER ATTRIBUTION OF TRANSLATED TEXTS AS A SPECIFIC CASE OF STUDY OF AN AUTHOR'S LINGUISTIC CONSCIOUSNESS**

Abstract. The article dwells on the peculiarities of gender attribution of translations of the novel “Anna Karenina” into English. The analysis is held in accordance with the algorithm developed by the author of the article. The research shows that linguistic consciousness of a translator who adapts his / her translation to the manner of the author of the opposite sex is of the utmost interest for gender text analysis. Being in fact a secondary text, the text of translation nevertheless possesses all features of a text and all characteristics of an original literary text are preserved in the text of translation. One of such characteristics is an author's gender attribution reflected in the text. Preserving this characteristic is an essential condition for achieving equivalence in translation.

Key words: algorithm, text, gender attribution of the author of the text, text gender attribution, translation quality.

Язык как полифункциональное явление служит отражением окружающего мира и созданной человеком культуры, формирует образ жизни, мировоззрение, национальный характер человека, выступает орудием по-

© Мамаев М.М., 2015.

знания, играя важнейшую роль в осуществлении ментальных процессов мужчин и женщин – участников коммуникации. Гендерный анализ языка как метод исследования позволяет выявить и описать различия в тактике и стратегии порождения и понимания

речи, в усвоении языковых фактов, в оценке языковых явлений мужчинами и женщинами – носителями определённого языка. При этом учитывается, что «за каждым текстом стоит языковая личность, выраженная в языке (текстах) и через язык» [4, с. 38]. Разделяя точку зрения Ю.Н. Караулова, мы полагаем, что языковая личность в качестве объекта лингвистического анализа позволяет интегрировать четыре основополагающих аспекта языка: социальный, исторический, психологический и системно-конструктивный [4, с. 42–43].

В структуре языковой личности обычно выделяют следующие компоненты [7, с. 53]:

- система ценностей или жизненных смыслов;
- культурологический компонент, т. е. освоение культуры как эффективного средства повышения интереса к языку;
- личностный компонент.

Мы разработали и апробировали алгоритм гендерной атрибуции текста, основанный на сопоставлении частотности использования служебных слов. Этот алгоритм был апробирован на материале англоязычной и русскоязычной литературы. В ходе исследования было проанализировано двадцать два текста авторов-мужчин и авторов-женщин XIX–XX вв. [2]. Анализ позволил нам выявить коэффициент маскулинности **M** отдельно для оригинальных англоязычных и русскоязычных текстов. По результатам анализа для каждого автора был получен статистический показатель степени «маскулинности», который позволяет дифференцировать авторов внутри заданной гендерной группы и сопоставить

величину гендерных различий для авторов разных эпох.

Как убеждают многочисленные исследования, гендерная принадлежность автора неизменно «проступает» в тексте произведения. Так, гендерная принадлежность великого писателя Л.Н. Толстого в полной мере обнаруживается в романе «Анна Каренина», несмотря на то, что повествование ведётся от лица героини. Более того, в переводе обнаруживается гендерная принадлежность переводчика. Вместе с тем, как известно из теории перевода, профессиональный переводчик должен максимально приблизиться к манере автора оригинала. Как утверждают Л.Л. Нелюбин и Г.Т. Хухуни, для эффективной межъязыковой передачи произведений художественной литературы необходим адекватный (эквивалентный) перевод, определяемый как сохранение единства формы и содержания подлинника при воссоздании их средствами переводящего языка. Этот тип перевода признаётся современными теоретиками художественного перевода наиболее корректным, потому что «плохой переводчик тянет к себе, хороший стремится к автору» [8, с. 10]. В связи с этим возникает вопрос: способен ли переводчик воспроизвести в тексте перевода гендерную сущность оригинала, особенно в тех случаях, когда его собственная гендерная принадлежность не совпадает с гендером автора оригинала.

Ещё раз подчеркнём наличие тесной связи между переводом и литературой и, следовательно, переводом и культурой. Перевод представляет собой орудие, средство, при помощи которого литературное наследие и литература современности передаётся другим на-

родам. Литература при этом является объектом, стимулом развития литературоведческой теории перевода. На ней основана теория перевода, она служит полем деятельности, на котором определились типы и формы перевода, реализовались переводческие умения и навыки, методика и техника перевода. В свою очередь, история литературы и переводоведения интегрированы: литература как объект перевода, а перевод как путь передачи литературного наследия, литературных стилей и жанров, способствующий становлению литературных норм языка, обогащения словарного фонда [8, с. 65].

Стремление переводчика полнее передать оригинал, отразить все его характерные черты встречает сопротивление не только самого оригинала, но и принимающей культуры и её языка [6]. По справедливому утверждению Э.А. Сорокиной и С.В. Гринева-Гриневича, в любом языке более ёмкий (большой по объёму) и многомерный по структурной организации план содержания не имеет однозначного соответствия более простому по форме и меньшему по числу единиц плану выражения. При этом знаки языка соотносятся друг с другом по следующей пропорции: «одно : несколько» (одно означающее : несколько означаемых) или «несколько : одно» (несколько означающих : одно означаемое) [3, с. 166]. Недооценка гендерного фактора при переводе может иметь самые неприятные последствия, вплоть до отторжения текста перевода культурой языка и неприятия его носителями.

Следует отметить, что явлению гендера в переводе уделялось недостаточно внимания. Одно из немногих исследований в этой области осуществлено

О.А. Бурукиной [1, с. 99–108]. В нём исследователь, анализируя переводы любовных романов английской писательницы Б. Картленд, подчёркивает необходимость соблюдения переводчиком гендерно-культурологических особенностей языка перевода посредством лексико-грамматических трансформаций. Среди них: полная замена лексической единицы, выражающей гендерную специфику оригинала; частичная замена (например, на синоним); использование таких известных переводческих приёмов, как генерализация или конкретизация. В любом случае имеет место изменение словарного эквивалента в языке перевода в силу языковых, гендерных и культурных особенностей исходного языка и языка перевода.

Как показало наше исследование особенностей взаимодействия пола, гендера и языковой личности автора при англо-русском переводе на материале текста романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891) и текстов трёх вариантов его перевода на русский язык переводчиков различной гендерной принадлежности, для всех вариантов перевода были получены положительные значения показателя маскулинности. Заслуживает внимания то, что коэффициент маскулинности текста женщины-переводчицы М оказался довольно высоким (+ 0,884), хотя он и ниже коэффициента маскулинности текстов обоих переводчиков-мужчин. Наибольший показатель маскулинности в группе (+ 1,654) имеет текст перевода, осуществлённый совместно мужчиной и женщиной – переводчиками.

Как показал анализ текстов О. Уайльда и их переводов, уровень маскулинности его текстов очень высок

[2]. По всей вероятности, у переводчиков, на основании изученных произведений писателя, сформировался образ писателя с высокими маскулинными показателями. Можно утверждать, что результаты исследования свидетельствуют о высоком профессиональном уровне переводчиков.

В настоящей работе наша задача – выявить, каким образом соотносятся характеристики текста, созданного на русском языке, и его переводов на английский язык. Был проанализирован текст романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1877) и три варианта его перевода на английский язык, выполненные переводчиком-женщиной, переводчиком-мужчиной и выполненный совместно двумя переводчиками – мужчиной и женщиной:

- 1) Натан Хаскелл Доул, переводчик-мужчина – 1887 г.;
- 2) Констанс Гарнетт, переводчица – 1901 г.;
- 3) совместная работа переводчи-

ка-американца Ричарда Пивера и переводчицы русского происхождения Ларисы Волохонской – 2000 г.

Результаты анализа оказались довольно неожиданными: объём всех трёх текстов перевода существенно превосходил объём текста оригинала (см. Табл. 1). Ожидалось, что в связи с аналитическим характером английского языка, в отличие от синтетического характера русского языка, при переводе текста с русского языка на английский, объём текста сократится. Возможно, увеличение объёма текста объясняется тем, что переводчики использовали приёмы комментирования и компенсации при переводе, что вызвано необходимостью дать иноязычному и инокультурному читателю более полное представление о реалиях русской жизни конца XIX в. В помещённой ниже таблице даны сопоставительные данные об объёме одного из фрагментов текста в оригинале и в каждом из трёх переводов (табл. 1):

Таблица 1

**Объём фрагмента текста романа «Анна Каренина» в оригинале
и переводе на английский язык**

Исследуемые тексты		Гендер	Объём выбранного фрагмента (количество слов)
Оригинал Л.Н. Толстого		муж.	9141
Авторы перевода	1 Н.Х. Доул	муж.	11912
	2 К. Гарнетт	жен.	11920
	3 Р. Пивер, Л. Волохонская	муж., жен.	11536

Далее мы использовали авторскую методику измерения коэффициента маскулинности M [2] и получили значение M оригинала и каждого варианта перевода. Напомним, что чем выше значение показателя M , тем более вы-

сокое место занимает автор на «шкале маскулинности». По полученным ранее данным, к наиболее «маскулинным» мы относили тексты О. Уайльда ($M = +0,832$), а к наиболее «фемининным» – А. Бронте ($M = -0,763$).

Затем мы выявили коэффициенты маскулинности оригинальных текстов О. Уайльда и Л.Н. Толстого, определили коэффициент маскулинности каж-

дого из трёх переводов обоих авторов (на английский и русский языки соответственно), обобщили результаты анализа и представили в табл. 2:

Таблица 2

Результаты сопоставительного анализа коэффициента маскулинности текстов О. Уайльда и Л.Н. Толстого и их переводов

	О. Уайльд			Л.Н. Толстой		
		Гендер	М		Гендер	М
Авторы переводов	В. Чухно	муж.	+ 1,209	Н.Х. Доул	муж.	+ 0,004
	М. Абкина	жен.	+ 0,884	К. Гарнетт	жен.	- 0,437
	А. Грызунова, М. Немцов	жен. + муж.	+ 1,654	Р. Пивер, Л. Волохонская	муж. + жен.	- 0,515
Оригинал		муж.	- 0,343		муж.	+ 0,343

Как показывает анализ материала, коэффициент маскулинности перевода, как правило, отличается от коэффициента маскулинности оригинала. Особенно существенно отличается этот коэффициент в оригинале и переводах произведения О. Уайльда. В то же время оказалось, что наименьшие расхождения в величине коэффициента маскулинности между текстом О. Уайльда и его переводом на русский язык выявлены в переводе, осуществлённом переводчиком-женщиной. Анализ выявил, что наименьшие расхождения коэффициента маскулинности наблюдаются между оригиналом текста Л.Н. Толстого и его переводом на английский язык, выполненным переводчиком-мужчиной. Эти наблюдения позволяют предположить, что эквивалентность перевода зависит не столько от гендерной принадлежности переводчика, сколько от его / её профессионализма.

Необходимо отметить, что переводы текстов обоих писателей, выполненные совместно переводчиком-мужчиной и переводчиком-женщиной,

наиболее существенно отличались по коэффициентам маскулинности **М текстов на исходном языке**. Более того, оба смешанных варианта имеют ярко выраженную гендерную атрибуцию (+ 1,654) и (- 0,515), а не стремятся к среднему показателю на шкале маскулинности. Можно предположить, что такой результат объясняется тем, что при совместной работе переводчики разных полов распределяют обязанности, и один из них осуществляет общий приблизительный перевод, а другой детализирует и корректирует текст перевода. Возможно также, что один из переводчиков более авторитетен и авторитарен, чем другой. Особый интерес представляет перевод Р. Пивера и Л. Волохонской, поскольку эти переводчики, во-первых, супружеская пара, а, во-вторых, относятся к двум разным лингвокультурам.

Проиллюстрируем качество работы переводчиков текстов Л.Н. Толстого и О. Уайльда при помощи таблицы. Для удобства присвоим отрицательным значениям показателя маскулинности

М знак «минус», а положительным значениям – знак «плюс»; близкие к нулю значения примем за «0». В таком случае, полученные результаты показателя **М** в оригиналах и переводах предстанут в следующем виде (табл. 3):

Таблица 3

**Изменения коэффициента маскулинности исходного текста
и текста перевода**

Автор	Гендер автора	Переводчик	Гендер переводчика	Гендер перевода (показатель М)
Уайльд	М	В. Чухно	м	+
		М. Абкина	ж	+
		А. Грызунова, М. Немцов	м + ж	+
Толстой	М	Н.Х. Доул	м	0
		К. Гарнетт	ж	-
		Р. Пивер, Л. Волохонская	м + ж	-

Проведённый анализ убеждает, что переводчики романа Л.Н. Толстого на английский язык оказались более квалифицированными, чем отечественные переводчики произведения текста О. Уайльда на русский язык, и коэффициент маскулинности текста оригинала и текстов перевода отличается незначительно.

В отечественной школе перевода выработано определение качества перевода, выявлены и систематизированы его многочисленные параметры, в том числе степень смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистическая принадлежность текстов оригинала и перевода, прагматические факторы, влияющие на выбор варианта перевода [5, с. 119–151]. Проведённое исследование убеждает в необходимости расширить список параметров качества перевода за счёт такого параметра, как сохранение коэффициента маскулинности текста оригинала при переводе.

Разумеется, полученные нами результаты предварительны и требуют дополнительной проверки и более детального рассмотрения. Как известно, в процессе перевода переводчик учитывает особенности потенциального читателя, такие как уровень образования, знание собственной и иной культуры. В связи с этим сохранение коэффициента маскулинности исходного и переводного текста – весьма интересная и сложная переводческая проблема, решать которую переводчик художественной литературы обязан при создании эквивалентного по содержанию и равному по ценности оригиналу литературного произведения на языке перевода. В перспективе исследование процесса гендерной атрибуции переводов различной гендерной принадлежности может способствовать более глубокому пониманию взаимодействия языковой личности автора и языковой личности переводчика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурукина О.А. Гендерный аспект перевода // Гендер как интрига познания. Сб. статей. М.: Изд-во Рудомино, 2000. С. 99–108.
2. Василевич А.П., Мамаев М.М. Проблема выделения гендерно значимых параметров текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 17–24.
3. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. Основы семиотики: учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. 256 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Изд. 2-е. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
6. Мамаев М.М. Исследование языкового сознания переводчика // Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка: сб. материалов международной науч. конф. (26-27 сентября 2014 г., Москва). М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 130–132.
7. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: монография. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
8. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён): учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 416 с.

УДК: 811.111-26

Шустилова Т.А.*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова***КОНЦЕПТЫ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЯ В ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «БУРЯ»**

Аннотация. Реализация концептов власти и подчинения в пьесе У. Шекспира «Буря» рассматривается в данной статье в контексте представлений о соотношении власти земной и небесной в Библии и в английском обществе эпохи Возрождения. Автор проводит анализ параллельных сюжетных линий и символических деталей, подчёркивающих контраст между Просперо и другими правителями, изображёнными в пьесе. Особое внимание уделяется тому, как в противопоставлении правителей реализуется укоренённая в сознании человека шекспировской эпохи оппозиция Божественной и дьявольской власти и как эта оппозиция отражается в семантике и коннотациях слов, объективирующих концепты власти и подчинения.

Ключевые слова: английская литература, Возрождение, Шекспир, пьеса «Буря», концепт, власть, подчинение, иерархия, правитель.

T. Shustilova*Lomonosov Moscow State University***THE CONCEPTS OF AUTHORITY AND SUBORDINATION
IN “THE TEMPEST” BY W. SHAKESPEARE**

Abstract. The way the concepts of authority and subordination are realized in Shakespeare's piece “The Tempest”, is considered in the article against the background of the ideas of correlation of God's power and earthly authority in the Bible and the culture of English Renaissance. The author analyzes parallel subplots and symbolic details of the play “Tempest”, bringing out a marked contrast between Prospero and other characters endowed with power. Special attention is paid to the way these subplots and details reflect the opposition between God's and the Devil's power over humans, deeply rooted in the mindset of Shakespeare's contemporaries, and how this opposition is reflected in the meaning and connotations of the words in which the concepts of authority and subordination are realized.

Key words: English literature, Renaissance, Shakespeare, piece “The Tempest”, concept, power, authority, subordination, hierarchy, governor.

В Англии эпохи Возрождения было принято соотносить любые иерархические отношения с отношениями между Богом и его Творением, раскрывающимися в Библии. С одной стороны, господство Бога над человеком и всем созданным им миром осмыслялось через земные образы вла-

сти (*король, господин, хозяин, учитель, отец*)¹, с другой стороны, земные вла-

© Шустилова Т.А., 2015.

¹ См., например, начало одной из молитв о королеве в «Книге общей молитвы» (1559 г.): “O LORD our heavenly father, high and mighty king of kynges, Lorde of lordes, the onely ruler of princes...” (Litany // The Book of Common Prayer. London. – 1559 [6]).

дыки были призваны являть в своей жизни образ божественной власти [13, с. 11; 3, с. 134]. Принимая во внимание множество параллелей между Просперо и библейским образом Бога, можно предположить, что в своих образах и сюжетах Шекспир стремится одновременно отразить идеал правителя, достигшего высокой степени богоподобия, и выразить ряд представлений о власти самого Бога, о том, как реализуется Его воля в человеческой истории. Это означает, что тема власти и подчинения требует нашего пристального внимания.

Цель статьи – рассмотреть использованные в пьесе «Буря» лексические единицы, связанные с обозначением иерархических отношений, очертить круг ассоциаций, которыми они обладают в Библии, и определить, какие из этих ассоциаций актуализируются в пьесе, обогащая и углубляя смысл отдельных высказываний, образов и эпизодов.

Представление о соотношении власти земной и небесной в Библии и в английском обществе эпохи Возрождения

Согласно представлениям эпохи, отношения власти и подчинения пронизывают и скрепляют всё сущее, сообщая Божьему творению целостность и единство. Центр всех иерархических структур – сам Бог, и в его мире царит порядок, если правители – монархи, священнослужители, главы семей, наставники, получившие от него власть законным путём, – стремятся подчинить свою волю Его воле, а их слуги, в свою очередь, повинуются вышестоящим инстанциям. Поэтому одна из важнейших составляющих

богослужения – молитва о монархе, а в «Катехизисе», в ответе на вопрос «В чём состоит твой долг по отношению к ближнему?», содержатся следующие слова:

Оказывать почести (honour) и повиноваться (obey) королю и его министрам. Подчиняться (submitte my selfe) всем моим руководителям (governours), учителям, духовным наставникам и преподавателям. Обходиться со всеми, кто поставлен надо мной, со смиренном и почтением (To order my selfe lowly and reverently to all my betters) [1].

Иерархической представляется и внутренняя организация личности: потребности, чувства, эмоции, стремления должны быть подчинены в ней разуму как духовному, божественному началу. «Воцарение» божественного начала в душе человека, наделённого властью, является непременным условием порядка и гармонии среди его подданных. Это представление отражено в одной из молитв о монархе, вошедшей в «Книгу общей молитвы» (1559 г.):

«Всемогущий Господи, <...> господствуй в сердце (rule the heart) Твоей слуги и нашей королевы и правительницы (governoure) Елизаветы таким образом, чтобы она (помятуя о том, Кому она служит (whose minister she is)) могла прежде всего искать Твоей чести (honoure) и славы (glory) и чтобы мы, её подданные (subjects), (понимая, Чьей властью она исполнена (whose auctority she hath)) почитали (honour) её, преданно служили (serve) и смиренно подчинялись (humbly obey) ей...» (здесь и далее курсив и перевод по умолчанию наш. – Т. III.) [4].

Эту же идею подчёркивает сэр Томас Элиот в трактате «Правитель».

По его словам, государь должен быть наделён двумя типами власти – «внутренней» ('interior or inward governance') и «внешней» ('exterior or outward governance'): первая позволяет ему подчинять свои страсти разуму, а вторая – своих детей, слуг и других подданных – собственной воле. По мнению Х. Брукса, эти представления последовательно реализуются Шекспиром в образе Просперо: «Благодаря своему образованию, занятию науками, размышлению и испытаниям, которые он преодолел с помощью Провидения, он [Просперо] *возвёл на престол* в собственной душе (has *enthroned* in himself) те качества, которые должны *господствовать* (should *be sovereign*) в человеке и *править* (*rule*) им. Он способен сохранять, хотя и не без внутренней борьбы, *самообладание* (*self-mastery*), которое не свойственно Калибану и Стефано, и которое даёт право истинному *господину управлять* другими людьми (which is the true *sovereign's* true title to *exercise command*)» [11, с. 39].

В английском обществе эпохи Возрождения было принято соотносить различные иерархические структуры между собой [9, с. 5], а главное – с той, которая рассматривалась как их прототип, эталон – с Царствием Небесным и его земным воплощением – христианской церковью, глава которой – сам Христос. Эта особенность мышления отражается, в том числе, в многочисленных высказываниях короля Иакова: «Я – муж, а весь остров – моя законная жена; я – голова, а он – моё тело, я пастырь, а он – моё стадо» [5, с. 142-149]. Король характеризует здесь свою власть при помощи тех же метафор, которые использует Христос

для выражения отношений между Собой и Своей Церковью; таким образом, в конечном итоге, король соотносит себя с самим Христом.

Однако в Библии содержится также указание и на другую власть, противопоставленную власти Божией по природе и цели. Для её образного описания в Библии часто используются те же метафоры, что и для характеристики власти Бога: обозначения правителей (king, prince) и их подданных (servant, slave), отца (father) и детей (children, son) и связывающих их отношений (to obey, to rule, to govern, to honour, to serve и их производные) наполняются в этих контекстах противоположным содержанием. Так, в разных книгах Библии грешники характеризуются как «рабы греха»¹ ('servant of sinne'; Ин. 8:34),² «сыны противления» ('children of disobedience'), «чада гнева» ('children of wrath'), живущие «по воле князя, господствующего в воздухе» ("after the gouernour that ruleth in the ayre"), «исполняя желания плоти и помыслов» ("fulfylling the wyll of the flesshe, and of the mynde"; Еф. 2:1-3). Обращаясь к иудеям, ищущим возможности убить Его, Иисус Христос говорит им: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» ("Ye are of your father the deuyll, and the lustes of your father wyll ye do"; Ин. 8:44). Как дьявольской считается любая власть,

¹ Здесь и далее все русскоязычные цитаты из Библии приводятся по Синодальному переводу.

² По мнению ряда учёных [13, с. 64-69], Шекспир использовал два перевода Священного Писания – Женевскую Библию (The Geneva Bible) и Епископскую Библию (The Bishop's Bible) [13; 14]. В данной работе при цитировании Священного Писания будет использоваться текст последней [8].

не исходящая от Бога и не согласная с Его волей, так, например, господство эмоций над разумом или ненависть к законному правителю приводят к восстанию подданных. Противостояние Божией и дьявольской власти происходит на протяжении всей истории мироздания и достигает кульминации в финальной битве между Небесными силами и воинством Зверя, описанной в Откровении Иоанна Богослова.

Таким образом, земная власть, согласно представлениям современников Шекспира, может быть проекцией как Божественной власти, так и дьявольской. Первая направлена на созидание космоса из хаоса и поддержание установленного порядка. Вторая – на разрушение порядка и обращение космоса в хаос.

Земная власть как проекция Божественной или дьявольской власти: отражение данного представления в пьесе «Буря»

Два типа власти отчётливо противопоставлены в пьесе У. Шекспира «Буря» [7], как убеждает анализ системы персонажей и параллельных сюжетных линий, пронизывающих произведение. Очевидно, что в системе персонажей центральное место занимает образ Просперо: как законный миланский герцог, отец семьи, повелитель духов и прочих существ, обитающих на острове, он противопоставляется другим правителям, реальным (Алонзо, Антонио, Сикоракса) и мнимым (Стефано), одновременно выступая в качестве одного из полюсов нескольких «бинарных оппозиций». Контраст между Просперо и каждым другим «господином» подчёркивается благодаря образу слуги, который,

будучи не в состоянии «служить двум господам» одновременно, переходит от одного из них на службу к другому.

Благодаря контрасту между Просперо и другими правителями наше внимание обращается к разным аспектам власти, как истинной (то есть исходящей от Бога), так и ложной (противостоящей Его воле и соотносимой с дьявольской). Рассмотрим несколько пар противопоставленных друг другу правителей.

Просперо и Антонио

Два брата – Просперо и Антонио – противопоставлены друг другу как законный герцог Милана и узурпатор власти, принадлежавшей брату.

В рассказе Просперо о судьбе его подданных, оказавшихся на долгий срок под властью Антонио, мы находим интересный образ правителя как «создателя» своих подданных, отсылающий нас к библейскому образу Бога. По словам героя, Антонио «пересоздал (new created)», «изменил (changed)», «сформировал заново (new formed)» «создания» самого Просперо ('the creatures that were mine') и «себе по вкусу все сердца настроил»¹ (I,1). В этих словах находит отражение представление о том, что истинный правитель в некотором отношении «творит» своих подданных по собственному образу и подобию, как это делает сам Бог; в то же время правитель ложный, подобно дьяволу, меняет их, искажает их души, так же, как его образ искажила «пронувшаяся» в нём и вышедшая из-под контроля разума «злая природа» ('in my false brother / Awaked an evil nature'; I,1).

¹ Перевод М. Кузмина.

Представление о том, что слуги следуют примеру своих господ, было очень распространённым в Англии в эпоху Возрождения, и восходит оно, несомненно, к Священному Писанию. Так, сэр Томас Элиот, выражая эту мысль в своём трактате, ссылается на одну из второканонических книг Библии: «по словам Иисуса, сына Сирахова, каков Судья народа, таковы и его подчинённые, и каковы правители городов, таковы и [живущие в них] люди» [2, с. 16].

Просперо и Сикоракса

Просперо и Сикоракса противопоставлены друг другу как правители острова и повелители обитающих на нём духов, в том числе Ариэля.

Сикоракса вынуждала духов «помогать [её] делам земным и гнусным» (“to act her earthy and abhorr'd commands”)¹,

... Thy [Ariel's] groans
Did make wolves howl and penetrate the breasts
Of ever angry bears. (I,2)

По словам Просперо, до его прибытия остров «не был удостоен присутствия человека (was... not honoured with a human shape)». В этой фразе выражается библейское представление о человеке как о «венце творения», важнейшем «звене» в «великой цепи бытия» [15, с. 34] между Богом и

I am Prospero <...> who most strangely
Upon this shore, where you were wreck'd, was landed,
To be the lord on't. (V,1)

Инфинитив глагола с частицей ‘to’

¹ Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

² Здесь и далее по умолчанию текст «Бури» приводится в переводе М. Донского.

а в случае их неповиновения, охваченная «неукротимой злобой» (“most unmitigable rage”), подвергала их жестоким пыткам. Так, Ариэля она заточила (‘confine’) в щель сосны за нежелание быть причастным к её злодеяниям и не смогла освободить его (“...it was a torment... which Sycorax / Could not again undo”), в результате чего тот оставался невольником (‘imprisoned’) в течение пятнадцати лет, вплоть до прибытия Просперо на остров. Таким образом, лишение свободы, пытки становятся орудиями мести в руках Сикораксы. Благодаря колдовским чарам она способна причинять боль, разрушать, но её магическая власть не дает ей возможности исцелять и восстанавливать разрушенное. После себя она оставляет на острове лишь хаос, кратко и ёмко описанный Просперо при помощи звуковых образов и образов диких зверей:

*Твоим стенам вторя, выли волки,
Внушал ты жалость яростным медведям.²*

природным миром. Библейское представление Просперо об особом месте человека, как «соратника» Бога, в мироздании и о его собственной миссии – привнести гармонию в разрушающийся мир посредством санкционированной Богом власти – отражено во фразе, обращённой к Алонзо:

*На этот берег, так же как и вы,
Был выброшен я чудом и остался
Владыкой острова.*

выражает в этом предложении значение цели. Таким образом, Просперо осмысляет своё господство над миром острова как призвание, как проявление

ние воли божественного Провидения ('Providence divine').

Контраст между Просперо и Сикораксой тем разительнее, чем явственнее существующие между ними сходства. Подобно Сикораксе, Просперо в некоторых случаях ограничивает свободу непокорных ему персонажей: он заключает ('confine') Калибана в скалу за попытку обесчестить Миранду, обращается с Фердинандом столь сурово, что тот ощущает себя узником ('prisoner'); при помощи тех же слов – 'prisoner' и 'confine' – Ариэль описывает душевное смятение Алонзо, Антонио и их свиты, в которое они погружаются по воле Просперо. Посредством слова 'torment' описываются муки, которым подвергает Сикоракса Ариэля, а Просперо – Калибана.

Но если действия Сикораксы направлены на принуждение к выполнению её прихотей, то аналогичные, на первый взгляд, действия Просперо направлены на воспитание, т. е. наказание ('punishment') в библейском смысле этого слова. Действия Сикораксы обусловлены аффектом, неконтролируемой злобой. Просперо, напротив, подавляет в себе порывы злобы и ненависти ("... With my nobler reason 'gaitist my fury / Do I take part") и подчиняет каждое своё действие заранее поставленной цели. Наконец, в отличие от Сикораксы, Просперо умеет исцелять и восстанавливать разрушенное, и поэтому те испытания и наказания, иногда – весьма мучительные, которым он подвергает других персонажей, не только не причиняют им вреда, но, напротив, приносят пользу, помогают подняться над слабостями, осознать глубину собственных заблуждений и тяжесть своего греха, и научиться самообладанию.

Обобщая сказанное, отметим, что Сикоракса при помощи волшебных чар обращает исходный порядок в хаос и не имеет ни желания, ни возможности что-либо создать или восстановить разрушенное. Просперо, напротив, прибегает к волшебству с целью преобразить поражённый злом мир и наполнить его божественной гармонией, символом которой является «небесная музыка» ('heavenly music').

Просперо и Алонзо

В отличие от других правителей, противопоставленных в пьесе Просперо, Алонзо – наследный герцог Неаполя, а значит, в восприятии человека шекспировской эпохи его власть над подданными имеет божественное происхождение.

Однако Алонзо, будучи истинным правителем Неаполя, является одновременно ложным правителем Милана, а значит, в некотором смысле, узурпатором: из рассказа Просперо мы узнаём, что именно Алонзо помог Антонио взойти на престол, и за это Милан, прежде независимый, был подчинён неаполитанской короне. Действия персонажа, приводящие к нарушению исходных отношений власти и подчинения, становятся проекцией смещения, произошедшего в его внутренней «иерархии»: поведение Алонзо на острове показывает, что герою не присуще то важнейшее качество, которое, как было упомянуто выше, считается неперемнным свойством правителя, – самообладание, то есть способность подчинять чувства и мысли божественному началу – разуму. Погружённый в уныние, он не замечает происходящих вокруг чудес, забывает об обязанностях по отношению к под-

данным, не видит подстерегающей их опасности. В этом контексте слова, которые произносит Гонзало, желая приободрить Алонзо, обретают символическое значение: «Во всех нас – скверная погода, господин, когда Вы пасмурны» (“It is foul weather in us all, good sir, / When you are cloudy”; II,1). Так как образ «скверной погоды» вызывает в пьесе устойчивые ассоциации с силами тьмы, приносящими хаос в божественный миропорядок, эта фраза в очередной раз отсылает нас к представлению о том, что внутренний разлад в человеке, наделённом властью, приводит к нарушению порядка среди его подданных и членов семьи.

Неудивительно, что в начале действия пьесы отсутствие самообладания свойственно всем подчинённым Алонзо и его сыну Фердинанду, о чём свидетельствует их поведение во время бури.

Самообладанию учит будущего правителя Милана и Неаполя Просперо. Он даёт Фердинанду тяжёлое и унижительное поручение, и тот, смиря гордыню и преодолевая усталость, душевную и физическую, приступает к его исполнению, чтобы иметь возможность хотя бы изредка видеть Мирранду. Позднее, давая своё согласие влюблённым на их брак, Просперо несколько раз призывает юношу обузывать собственную страсть до совершения брачного обряда. Так, повинувшись Просперо, Фердинанд обретает те качества, которые не мог воспитать в нём его родной отец.

Просперо и Стефано

Власть Просперо противопоставляется власти пьяницы Стефано, как «во-человечивающая» – «расчеловечиваю-

щей». Эта оппозиция раскрывается в их взаимоотношениях с Калибаном.

Просперо на протяжении пьесы неоднократно подчёркивает, что Калибан – наполовину дьявол по происхождению (‘devil, a born devil’, ‘demi-devil’) и что «злая природа», заложенная в нём от рождения, делает особенно мучительным процесс его воспитания (“...on whose nature/ Nurture can never stick”). В понимании гуманистов эпохи Возрождения главная цель воспитания (‘nurture’) – способствовать тому, чтобы человек в большей степени соответствовал своему предназначению, то есть являл в себе образ Божий. О том, что именно такую цель ставит перед собой Просперо в воспитании Калибана, свидетельствуют следующие слова: “Abhorred slave, Which any print of goodness wilt not take...” (дословно: «Отвратительный раб, не желающий принять на себя печать божества...»). Таким образом, несмотря на происхождение Калибана и на его уродство, Просперо стремится воспитать в нём человека вопреки желанию самого дикаря. Двойственное отношение к Калибану как к «недочеловеку», с одной стороны, и как к «потенциальному» человеку – с другой, имплицитно выражается во фразе Просперо, обращённой к Ариэлю: “Then was this island- / Save for the son that she did litter here... / not honour’d with / A human shape” (дословно: «Тогда этот остров, не считая сына, которого она прижила здесь, не был удостоен присутствия человека»).

В этом контексте слово «раб» (slave), которое неоднократно произносит Просперо в адрес Калибана, звучит вовсе не так унижительно, как представляется многим современным

читателям и критикам.¹ Положение Калибана как раба волшебника Просперо отчётливо противопоставляется его положению как раба пьяницы Стефано. Первый господин видит в нём человека и пользуется своей вла-

стью, чтобы развить в дикаре человеческое начало. Второй воспринимает его как «чудище» ('monster', а также 'man-monster', 'monster-servant', 'fish', 'cat') и рассчитывает извлечь выгоду из его уродства:

If I can recover him and keep him tame and get to Naples with him, he's a present for any emperor that ever trod on neat's leather. (II,2)

Если бы мне удалось вылечить его, да приручить, да вернуться с ним вместе в Неаполь – ни один император не отказался бы от такого подарка.

Таким образом, за словом 'slave' в пьесе Шекспира стоят две противопоставленные друг другу модели взаимоотношений между господином и подчинённым, которые типологически восходят к двум библейским моделям – рабство Богу и рабство дьяволу.²

Эта оппозиция подчёркивается при помощи символических деталей. Из рассказа Просперо мы узнаём, что волшебник научил Калибана человеческому языку; Стефано, спаивая Калибана вином, иронически замечает, что эта жидкость развяжет ему язык: "... Here is that which will give language to you"

(буквальный перевод: «...Вот то, что научит тебя языку»; II, 2). Таким образом, просвещённая и «просвещающая» власть Просперо противопоставляется развращающему воздействию его антипода на душу слуги.

Показательно, что Стефано не только лишается возможности видеть человека в другой личности и оказывает «расчеловечивающее» воздействие на своего раба, но и сам утрачивает человеческий облик к концу пьесы и перестаёт видеть человека в самом себе, о чём свидетельствует следующая фраза:

O, touch me not; I am not Stephano, but a cramp. (V,1)

Ой, не трогайте меня! Я не Стефано, а сплошная судорога.

Итак, Просперо, как правитель, в котором разумное, божественное начало господствует над чувствами, эмоциями и определяет поступки, противопоставляется Стефано – человеку, лишив-

шемуся способности самоконтроля, но претендующего на роль правителя. Благодаря образу Калибана, раба Просперо, переходящего на сторону Стефано, но в конце пьесы вновь возвращающегося к своему господину, мы видим, что подчинение истинному господину способствует развитию в слуге человеческой природы, в то время как преданность узурпатору и глупцу приводит к умственной и душевной деградации.

¹ См., например, в [10, с. 40]: «... приобретение благодаря порабощению Калибана средств производства пищи и рабочей силы, которые жизненно необходимы для него самого и для Миранды» ("...acquisition, through Caliban's enslavement, of the means of supplying food and labour on which he and Miranda are completely dependent").

² См., например, в работе современного американского кальвиниста [12, с. 200]: «По сути дела, в Библии все люди в мире разделены на

две категории: рабы греха и рабы праведности» ("In fact, the Bible denotes only two categories of people in this world: those who are slaves to sin and those who are slaves to righteousness").

В заключение отметим, что явный контраст между Просперо и другими правителями, изображёнными в пьесе, позволяет актуализировать в сознании зрителя и читателя оппозицию между божественной властью и дьявольской, как созидающей и искажающей, преобразующей хаос в космос и обращающей космос в хаос, вочеловечивающей и расчеловечивающей, приносящей свободу и лишаящей свободы, основанной на доброй воле и основанной на насилии. Это противопоставление реализуется при помощи параллельных сюжетных линий, символических деталей, а также на уровне семантики отдельных слов: как и в Библии, в пьесе одно и то же слово, характеризующее отношения власти и подчинения, может выражать противоположные смыслы в зависимости от того, по отношению к чьей власти — Божией или дьявольской — оно используется.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. A Catechisme // The Book of Common Prayer. L., 1559. [Электронный ресурс]. URL: http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Confirmation_1559.htm (дата обращения: 17.07.2014).
2. Elyot T. The Boke named The Governour. New York: J.M. Dent & Co., 1907. 308 p.
3. Erasmus D. The Education of a Christian Prince. Translated by Lester K. Born [p. 1936] // Columbia University Records of Civilization. New York: Octagon Books, 1963. 258 p.
4. Holy Communion // The Book of Common Prayer. L., 1559. [Электронный ресурс]. URL: http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Communion_1559.htm (дата обращения: 17.07.2014).
5. House of Commons Journal Volume 1: 22 March 1604 // Journal of the House of Commons: volume 1: 1547-1629. London, 1802. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=8962> (дата обращения: 17.07.2014).
6. Litany // The Book of Common Prayer. – L., 1559. [Электронный ресурс]. URL: http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Litany_1559.htm (дата обращения: 17.07.2014).
7. Shakespeare W. The Tempest (The New Cambridge Shakespeare). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 302 p.
8. The Bishop's Bible [1572]. [Электронный ресурс]. URL: <http://studybible.info/version/Bishops> (дата обращения: 17.07.2014).

Литература:

9. Александренко М.В. Проблема поколений в трагикомедиях У. Шекспира. Отцы и дочери: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 300 с.
10. Barker F, Hulme P. Nymphs and Reapers Heavily Vanish: the Discursive Contexts of The Tempest // The Tempest (New Casebook). Ed. White R.S. Basingstoke: Macmillan, 1999. 212 p.
11. Brooks H.F. Shakespeare lecture 1978. The Tempest: What Sort of Play? Oxford, 1980. 54 p.
12. MacArthur J. Slave: the Hidden Truth about your Identity in Christ. Nashville, 2010. 227 p.
13. Marx S. Shakespeare and the Bible. Oxford: Oxford University Press, 2000. 165 p.
14. Noble R. Shakespeare's Biblical Knowledge and Use of the Book of Common Prayer as Exemplified in the Plays of the First Folio. L., 1935. 303 p.
15. Tillyard E.M. The Elizabethan World Picture. New York: Macmillan, 1944. 108 p.

РАЗДЕЛ II. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111

Анурова О.М.¹, Смыслов С.П.²

¹Московский авиационный институт

(Национальный исследовательский университет)

²Московский государственный областной университет

МОДЕРНИЗИРОВАННАЯ АНТИЧНОСТЬ В РОМАНАХ Р. ГРЕЙВЗА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Аннотация. В центре внимания автора статьи – модернизированный художественный текст и встречающиеся в нём анахронизмы, а также специфика их перевода с английского языка на русский. Рассмотрены лингвостилистические особенности таких текстов и их межъязыковой передачи. За основу взяты анахронизмы в сфере юриспруденции, встречающиеся в романе Р. Грейвза «Божественный Клавдий и его жена Мессалина». Исследуется репрезентация данной лексики на переводном языке и способы передачи, используемые в тексте для достижения адекватности подлиннику.

Ключевые слова: анахронизм, лексика, юридический, художественный, перевод, текст.

O. Anurova¹, S. Smyslov²

¹Moscow Aviation Institute (National Research University)

²Moscow State Regional University

MODERNIZED ANTIQUITY IN R. GRAVES'S NOVELS AND ITS RUSSIAN TRANSLATION (IN SPHERE OF JURIDICAL TERMINOLOGY)

Abstract. The article deals with the concept “modernized fiction text”, anachronisms used in it and ways of translating them from English into Russian. Linguostylistic features of this type of texts and their translation are also described. As the basis for our research we use juridical anachronisms from R. Graves' novel “Claudius the God and his wife Messalina”. The article presents the results of translation analysis and methods to achieve the adequate translation.

Key words: anachronism, lexical, juridical, fiction, translation, text.

© Анурова О.М.¹, Смыслов С.П., 2015.

Перевод, по определению В.Н. Комиссарова, – это «сложный и многогранный вид человеческой деятельности» [6, с. 11]. Исследователь справедливо отмечает: «В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [6, с. 11]. Действительно, в наш век всеобщей глобализации, когда ни одна наука, по сути, не может существовать сама по себе, изолированно от влияния других наук и взаимодействия с ними, можем ли мы говорить о переводе как о простом «переложении» лексем одного языка на другой? Что должен учитывать переводчик, делая свою работу и сталкиваясь часто с весьма неоднозначными лексическими ситуациями? К. Чуковский, который сам создавал непревзойдённые переводы таких произведений классической художественной литературы, как «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и др., отмечал: «В том-то и дело, что мы от художественного перевода требуем, чтобы он воспроизвёл перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль. Если эта задача не выполнена, перевод никуда не годится... Ибо горе не в том, что плохой переводчик исказит ту или иную строку Чиковани, а в том, что исказит самого Чиковани, придаст ему другое лицо» [10, с. 47]. Сам же грузинский поэт С.И. Чиковани прокомментировал перевод своих стихов в «Литературной газете»: «Я <...> выступал против экзотизма, против осахаривания грузин-

ской литературы, против «шашлыков» и «кинжалов». А в переводе оказались шашлыки, вина, бурдюки, которых у меня не было и не могло быть, потому что, во-первых, этого не требовал материал, а во-вторых, шашлыки и бурдюки не моя установка» (цит. по: [10, с. 47]). Безусловно, переводчик должен учитывать, какая задача перед ним ставится, и какая ответственность за автора, за его облик в глазах читателя возлагается на его плечи. Конечно, невозможно объять необъятное, и здесь трудно поспорить, что любой язык со всеми его красками и особенностями и есть то «необъятное», к тому же, живущее своей собственной жизнью и постоянно изменяющееся. Но всё же переводчик должен стремиться соблюдать стиль автора, грамматические особенности, хотя это не всегда возможно. Так, если автор использует инверсию, хотелось бы увидеть её и в переводе, метафоры должны остаться на своём месте, а лингвокультурные особенности – на своём.

Аналогично обстоит дело и с той или иной совокупностью лексических и фразеологических единиц, которая отражает соответствующие сферы общественной жизни, среди них традиционно выделяют единицы терминологического и профессионального характера. При этом, рассматривая данную проблему в диахроническом аспекте, необходимо принимать во внимание фактор исторического развития (сравним, например, лексику, относящуюся к церковно-религиозной жизни в XVII–XVIII и XX–XXI веках). Применительно к древнеримской эпохе особую важность приобретает область, связанная с юриспруденцией, так как именно в неё римлянами был

внесён наиболее крупный вклад. Сказанное относится и к случаям, когда Древний Рим становится объектом художественного описания, причём нередко как своего рода опрокинутая в прошлое современность. Именно так обстоит дело с романами Р. Грейвза (напр.: «Божественный Клавдий и его жена Мессалина»), считающимися своего рода образцами модернизированных текстов.

Когда мы говорим о модернизации и модернизированном тексте, то акцентируем внимание прежде всего на лексемах, т. е. терминах, реалиях, именах существительных и их производных. Что в первую очередь отличает одно время от другого? Наше время от советской эпохи или Древнего Рима? Одно из главных отличий – это вещи, которые нас окружают: предметы обихода, виды транспорта, названия профессий и государственных институтов, способы людей обращаться друг к другу. Услышав фразу «Товарищ, послушайте!», мы можем представить себе Советский Союз, а такое обращение, как «милостивый государь», может перенести нас, например, в XIX век. Об остальном можно сказать, как говорил М. Булгаков от лица своего персонажа Воланда: «... Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было <...> Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних...». Во все времена людей волнуют одни и те же вопросы: деньги, власть, любовь, дружба, предательство, только в разные времена и эпохи эти вопросы «одеты» в разные одежды времён. Одежды разные, а чувства и эмоции всё те же, те же горести и радости. Когда мы говорим о модернизации, это значит, что «лексические

одежды» из одной эпохи попали в другую. Автор мог это сделать преднамеренно, преследуя те или иные цели (мы уже писали об этом в одной из статей), или непреднамеренно – в силу недостатка определённых фоновых знаний или необходимой информации. Задача же переводчика – оценить, насколько уместно смотрится эта модернизация в переводе, и в то же время не забывать о том, что главное – не исказить авторский замысел и стиль.

Возвращаясь к творчеству Р. Грейвза, можно прежде всего отметить, что он как бы притягивал целый исторический слой к эпохе читателя, то есть в данном случае – к первой половине XX в. Так, мы встречаем на его страницах капитанов, гвардейцев, солдат и даже пехотинцев во времена правления императора Клавдия. Другие же авторы берут читателя с собой и погружают его в ту глубокую древность, заставляя не только «увидеть», но и почувствовать дыхание тех дней. Если мы откроем один из романов Д. Балашова (например, «Младший сын»), то у стен Кремника нас встретит *ратник*, а не *солдат*, городом будет управлять *тысяцкий*, а не *городовой* или *мэр*. Автор свободен в своём выборе, это его право. У переводчика такого выбора нет. Он может лишь следить, чтобы «гвардейцы» гармонично вписались в эпоху римских цезарей, хотя до их появления – ещё почти 15 столетий <...> Речь идёт о случаях, когда «описывая явления прошлого (как своего, так и инокультурного), автор сознательно прибегает к анахронизмам, придавая тем самым своему повествованию современно-злободневное звучание» [9, с. 87–89].

В романе Р. Грейвза «Божественный Клавдий и его жена Мессалина» есть

много упоминаний о процессе судопроизводства в то время. Так как сам император в начале своего правления уделял достаточно много внимания тому, как и за что осуждают его подданных, и даже сам выступал в роли судьи, мы постоянно встречаем в тексте модернизированные лексемы. Сейчас мы уже привыкли, что область юриспруденции – это область, где глобализация проявилась наиболее заметно. Существует международное право, Международный уголовный суд в Гааге, а также Европейский суд по правам человека и т. д. Юристы во всех странах мира говорят на «одном языке», и практически во всех развитых странах мира этот процесс унифицирован. Везде есть понятия уголовного и гражданского права, понятия *судья* и *суд присяжных*, *адвокат*, *прокурор*, *обвиняемый*, *права и свободы*, *уголовное дело*, *иск*, *приговор*. Сейчас мы иногда не задумываемся о том, что даже столетия назад во всех странах были существенные различия в этом процессе, не говоря уже об эпохе римских цезарей. «Как известно перевод является одновременно средством межъязыковой и межкультурной коммуникации. Это сложный и многоаспектный процесс, включающий в себя процесс и результат перевода, факторы, влияющие на них и участников коммуникации» [7, с. 100]. В данном случае в этой роли выступают Р. Грейвз с его авторским замыслом и наш российский читатель.

Рассмотрим примеры модернизированных терминов из романа Роберта Грейвза «Божественный Клавдий и его жена Мессалина»:

«The *lawyers* did not like me for that and told each other that I was ridiculing justice».

«*Адвокатам* это очень не понравилось, и они сказали, что я высмеиваю правосудие» [5, с. 105].

Что касается термина «адвокат», здесь мы, безусловно, можем говорить о модернизации (хотя сам термин относится к словам латинского происхождения), так как древний Рим внёс значительный вклад в развитие прав и свобод граждан. Там были и свободные защитники – патроны. В лице их совмещались две профессии: юрисконсульты и адвокаты. В России первые профессиональные защитники упоминаются только в XV в., и восприятие данного термина реципиентом на Западе и в России будет разным. Мы наблюдаем модернизированный эквивалент, как в оригинале, так и в переводе. Причём можно отметить, что английское «*lawyer*» имеет более общее значение, чем термин «адвокат», охватывая широкий спектр представителей юридической профессии.

Вот ещё один пример: «That was a punishment ordained for forgery by Caligula and had not yet been removed from the *penal code*». «Таково было высшее наказание за подлог, назначенное Калигулой и ещё не исключённое из *уголовного кодекса*» [5, с. 109].

Понятно, что применительно к Древнему Риму не приходится говорить об уголовном кодексе в собственном смысле слова (подробнее об этом – несколько ниже). Г. Островская также перевела реалию калькированием [4], и модернизированной реалии в оригинале соответствует такой же модернизированный эквивалент в переводе. Что касается России, то впервые слово «уголовный» в русском языке появляется только в 1845 г. в словосочетании «наказания уголовные и исправитель-

ные», позже возникают «уголовное уложение» и «уголовное законодательство», и только в 1922 году впервые появится словосочетание «уголовный кодекс» [2]. Что касается Древнего Рима, то там речь может идти о различных законах, охватываемых понятием римского права, нарушение которых влекло за собой ответственность, обозначавшуюся латинским словом «*sanctio*». Сам же закон имел постоянную структуру и состоял из:

1) *praescriptio* – вводной части, описывавшей мотивы принятия, имя составившего закон магистрата и дату принятия;

2) *rogatio* – основной части, содержавшей функциональную часть закона;

3) *sanctio* – санкции, указывавшей ответственность за нарушение норм, установленных законом.

Обратимся к следующему примеру:

«Telegonius gives instruction and advice to all who have become involved in financial or personal difficulties necessitating their appearance in *Civil* or *Criminal courts*».

«Телегоний даёт инструкции и советы всем, кто столкнулся с финансовыми и персональными трудностями и вынужден вследствие этого явиться в *гражданский* или *уголовный суд*» [5, с. 102].

Что касается Древнего Рима, то там не было государственной структуры «уголовный суд», в том виде, как мы привыкли его представлять. Так, уже в раннем принципате при императоре Августе народного собрания римских граждан фактически не существовало. Уголовным процессом занимался сенат и суд присяжных. А уже в I в. эти функции отошли к городскому пре-

фекту (*praefectus urbanus*). Что касается гражданского суда, то в Древнем Риме не было постоянных органов, отвечающих за эту процедуру. Эти функции возлагались на магистратов, преторов, а также третейских судей. Правом же законодательной инициативы (создание эдиктов) также обладал каждый магистрат. Таким образом, перед нами классический пример использования модернизированной лексики и, собственно, модернизации, а также её модернизированные эквиваленты в переводе. Как и в предыдущих примерах, переводчица предпочла калькирование.

«I tried the case, *took sworn evidence* (overruling the objection of the defending lawyer that prostitutes' oaths were both proverbially and actually worth nothing) and had this put in writing by the court recorder» [11, p. 173].

«Я вёл этот процесс; я велел *привести к присяге* свидетельниц, игнорировав возражение защитника относительно того, что лживость проституток вошла в поговорку и клятва их ничего не стоит, и стал слушать их показания, велел судебному регистратору всё заносить в протокол».

Что касается термина «to swear», то помимо значения «приводить к присяге» существует и более нейтральное «клясться», «клятвенно заявлять». «Самая власть государственная опиралась на религиозное чувство, как на глубочайшее свое основание <...> каждый важный шаг скреплялся религиозным актом – клятвой (*sacramentum*). Судьи тоже обыкновенно клялись, когда приступали к совещанию о деле. Дача свидетельских показаний на суде была соединена существенным образом с принесением клятвы. Выражение

«сказать что-нибудь с клятвой» было равносильно выражению «быть свидетелем» [1, с. 186]. У нашего же читателя словосочетание «привести к присяге» скорее ассоциируется с военной отраслью, армией, хотя в британском судопроизводстве указанная процедура играет весьма важную роль.

Остановимся ещё на одном примере: “The Crown Prosecutor was a man called Afr, engaged for his eloquence” [11, p. 205]. В большинстве найденных нами определений данного понятия подчёркивается, что “Crown Prosecutor is the title given in number of jurisdictions to the state prosecutor – a legal party responsible for presenting the case against an individual in a criminal trial” [2]; в частности, “In Britain, a crown prosecutor is a lawyer, who works for the state and who prosecutes people who are accused for crimes” [12]. Таким образом, подчёркивается *государственный (state)* характер обвинительной функции, но «в Риме не было государственных прокуроров» [3, с. 452]. Это вытекало из принципа, согласно которому «инициатива обвинения принадлежит только отдельным гражданам – частным лицам; это так называемый *принцип частной accusatio* <...> если не находилось частных лиц, готовых взять на себя роль обвинителя, преступление оставалось безнаказанным... Уголовный процесс, таким образом, построен в значительной степени по началам гражданского <...>» [8, с. 154–155]. Изменено было подобное положение дел уже значительно позже – в период абсолютной монархии, когда «частная *accusatio* не изменяется, но перестаёт быть исключительной; рядом с ней допускается и преследование по почину власти...» [8, с. 206].

Как мы уже говорили, область юриспруденции наиболее подвержена глобализации и унификации своей структуры в различных государствах, к тому же правовая база Древнего Рима, а также её судебная система стала основой для возникновения и развития судебных систем Европы, её образцом и прообразом. Оценивая в целом текст перевода в его отношении к оригиналу, можно констатировать, что передача рассматриваемого аспекта может быть квалифицирована как отвечающая требованиям адекватности. Как правило, анахронизму в оригинале соответствует анахронизм в переводе, его модернизированный эквивалент. Случаи деанахронизации либо опущение анахронизма, существующего в переводе, нам в области юриспруденции в романе Р. Грейвза не встречались, так как в русской версии практически отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердников И. Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т 1. Государственное положение религии в римской империи (до Константина В.). Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 580 с.
2. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.06.2014).
3. Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск: Русич, 2000. 576 с.
4. Грейвз Р. Я, Клавдий: роман / Пер. с англ. Г. Островской. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 608 с.
5. Грейвс Р. Божественный Клавдий и его жена Мессалина [Электронный ресурс]. URL: http://ruslib.org/books/greyvs_r/bozhestvenniy_klavdiy_i_ego_zhena_messalina-read.html (дата обращения: 20.03.2015).

6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000. 188 с.
7. Коротчаева И.Э. Особенности перевода безэквивалентной лексики транспортной тематики с английского языка на русский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 99–104.
8. Покровский И.А. История римского права. Минск: Харвест, 2002. 528 с.
9. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 172 с.
10. Чуковский К.И. Высокое искусство // Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. Т. 3.
11. Graves R. Claudius the God and His Wife Messalina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goodreads.com/book/show/52251> (дата обращения: 03.06.2014).
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Bloomsbury Publishing Plc. & Macmillan Publishers Ltd., 2002. 1692 p.

УДК 81`23

Евтухова Е.В.*Московский государственный областной университет***ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НЕКОТОРЫХ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ
И НОМЕНОВ В ПЕРЕВОДАХ ТРУДА Ч. ДАРВИНА
«ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ»**

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей естественнонаучного текста и трудностей, связанных с переводом соответствующих номенов и терминов на примере труда «Происхождение видов» Ч. Дарвина. В основе исследования лежит анализ существующих переводов XIX-XX веков. Автор рассматривает корректировки, вносимые в переводы этого труда с точки зрения изменений в естественнонаучной терминологии. Проведённый анализ показал, что перевод научного текста, содержащего новую для науки информацию, может не только терминологически проиллюстрировать состояние науки на момент перевода, подчеркнуть отношение известных учёных к затронутой в переводе проблеме, передать состояние номенклатуры в той или иной области, но и стимулировать появление в языке перевода новых терминов.

Ключевые слова: естественнонаучный текст, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, термин, номен.

E. Evtukhova*Moscow State Regional University***PECULIARITIES OF INTERPRITING SOME SCIENTIFIC
TERMS AND NOMENS IN TRANSLATIONS
OF “THE ORIGIN OF SPECIES” BY CH. DARWIN**

Abstract. The article focuses on the analysis of characteristics of texts on natural science and problems connected with translating nomens and terms. The basis of the research is the analysis of Ch. Darwin’s “The Origin of Species” translations made in XIX-XX centuries. The author examines the corrections in the translations of this work, namely the changes in natural scientific terms. The analysis has shown that translation of a scientific text, containing new information, new scientific concepts, can not only illustrate the state of the science at the moment of translation, express the attitude of prominent scientists to the problem, show the state of the nomenclature of the discussed area, but also stimulate emergence of some new terms in the language of translation.

Key words: natural scientific text, “The Origin of Species” by Ch. Darwin, term, nomen.

С появлением в науке новых фундаментальных трудов нередко забывается, что почвой для их появления стали социальные, исторические, культур-

© Евтухова Е.В., 2015.

ные изменения. И перевод их в таком случае – не сухая интерпретация, а живое толкование новых идей в свете происходящего в современном переводчику государстве [1; 11]. Таким об-

разом, терминология, вводимая при работе над таким трудом, не только отражает отношение самих переводчиков к затрагиваемым вопросам, их компетентность в данной области, но и обрисовывает историческую эволюцию термина в языке перевода [2]. Кроме того, решение использовать ли тот или иной термин или заменить его сходным по смыслу словом принимает также сам переводчик.

Особенно показательны здесь первые попытки перевести заглавие книги Дарвина на различные языки. Начал Бронн: в своей рецензии на «Происхождение видов» (январь 1860 г.) он перевёл *natural selection* странно – как *Wahl der Lebens-Weise*, т. е. *выбор образа жизни*. Поскольку этот термин не передавал смысл, вложенный в него автором, после изумления, высказанного самим Дарвином, в апреле Бронн предложил сразу два варианта: *naturliche Zuchtung* (*естественное разведение*) и *naturliche Zuchtwahl* (приблизительно: *естественный выбор для спаривания*). Последний термин, как ни странно, и удержался в науке. Бронн увидел в основной идее Дарвина не то, что видел сам её автор. Какой вариант ни взять, в нём нет и намёка на идею вытеснения лучшим худшего за счёт избыточного размножения. То же повторилось во всех ранних переводах термина на западные языки: все понимали естественный отбор как *активный выбор*, а не *selection*, при переводе на французский, и *selezione* – на итальянский [15].

В 1864–1865 годах в Москве и Санкт-Петербурге почти одновременно издаётся первый фундаментальный перевод «Происхождения видов». Поскольку до этого все попытки донести основные постулаты этого труда Дар-

вина до студентов естественнонаучных факультетов и интересующейся публики сводились преимущественно к прочтению лекций и публикации статей на данную тему, то этот перевод по праву можно считать прорывом в переводах естественнонаучных текстов.

Столкнувшись со столь новаторской работой, профессор ботаники С.А. Рачинский подошёл к переводу не только профессионально, но и с осторожностью. Первое русское издание использовало термин *естественный подбор родичей*, что близко к переводу Бронна. Имели тогда хождение и *естественный выбор*, и *естественное разведение*. Современный термин *естественный отбор* предложен поздно – в 1896 г., К.А. Тимирязевым [15].

В 1895 г. в Санкт-Петербурге в свет выходит труд Дарвина в переводе известного учёного-философа, химика и математика М.М. Филиппова. Почти следом за ним в 1897 г. в популярной серии «Библиотечки Мыслителей» выходит «Происхождение видов» в изложении А. Трачевской.

Необходимо отметить, что эти три варианта изложения «Происхождения видов» имеют общую терминологию, характерную для естественных наук того времени и одинаково осторожны в трактовках отдельных фраз (см. табл. 1).

Между тем переводы К.А. Тимирязева, Н.И. Вавилова, Б.Л. Комарова, Ф.А. Дворянкина, А.Л. Тахтаджяна вследствие исторических причин и пристального внимания к работам Ч. Дарвина значительно отличаются по использованной терминологии (см. Табл. 2). Особенно примечателен в этом плане перевод А.Л. Тахтаджяна.

Таблица 1

**Передача на русский язык естественнонаучных терминов,
используемых Ч. Дарвином в труде «Происхождение видов»,
в переводах С.А. Рачинского, М.М. Филиппова, А. Трачевской**

Ч. Дарвин, 1859 [16]	Ч. Дарвин, 1872 [17]	С.А. Рачинский [3]	М.М. Филиппов [8]	А. Трачевская [9]
Variation Under Domestication [16, c. 7]	Variation Under Domestica-tion	Изменения животных и растений в прирученном состоянии [3, с. 6]	Изменения под влиянием приручения [8, с. 16]	Изменения под влиянием приручения
Correlation of Growth [16, c. 7]	Correlated Variation	Соотношения в развитии [3, с. 6]	Соотносительное изменение [8, с. III]	Соотносительные изменения
Domestic Varieties [16, c. 7]	Domestic Varieties	Прирученные разновидности [3, с. 6]	Домашних разновидностей [8, с. III]	Домашних разновидностей
Methodical and Unconscious Selection [16, c. 7]	Methodical and Uncons-cious Selection	Выбор методический и бессознательный [3, с. 6]	Методический и бессознательный подбор [8, с. III]	Бессознательный подбор
Sub-variety [16, c. 7]	Sub-variety	Порода [3, с. 6]	Разновидности или породы [8, с. 16]	Разновидности или породы [9, с. 1]
Cultivation [16, c. 8]	Cultivation	Приручение	Возделывание [8, с. 16]	
Modification [16, c. 8]	Modifica-tion	Способность изменяться и совершенствоваться [3, с. 6]	Способность к быстрому улучшению или изменению [8, с. 16]	Изменение [9, с. 2]
Vitiated instincts [16, c. 8]	Vitiated instincts	Порча инстинкта [3, с. 7]	Извращённые инстинкты [8, с. 18]	
“Sporting plants;” by this term gardeners mean a single bud or offset, which suddenly assumes a new and sometimes very different character from that of the rest of the plant [16, c. 9].	“Sporting plants;” as they are called by gardeners that is, of plants which have suddenly produced a single bud with a new and sometimes widely different character from that of the other buds on the same plant.	«Играющие растения» sporting plants под этим выражением садовники разумеют отдельную почку или отрпыск, внезапно принимающий характер новый, нередко очень отличный от характера произведшего его растения [3, с. 8].	«Игра природы» т. е. растение, внезапно произведшее одну почку с новым признаком, нередко резко отличающим её от других почек того же растения [8, с. 19]	Растения, которые садовники называют «играющими». У них при одних и тех же условиях внезапно появляется почка, иногда носящая совершенно другой характер, чем остальные [9, с. 4].
Reversion [16, c. 14]	Reversion	Возвращение потомков к типу предков [3, с. 12]	Возвращение в некоторых чертах к деду, бабке... более отдалённым предкам [8, с. 22].	Возвращение в некоторых чертах к деду, бабке... более отдалённым предкам [9, с. 6].
Abortion of the oil-gland [16, c. 22]	Abortion of the oil-gland	Аборт масляной железы [3, с. 18]	Масляная железа выродилась [8, с. 29].	
	A spot, which is a white bird with a red tail and red spot on the forehead	А spot негу, вместо него: получились птицы в чёрных и коричневых пятнах, их я снова скрестил между собой... [3, с. 20]	Крапчатый [8, с. 33]	
Reversion to ancestral characters [16, c. 25]	There might be a tendency to revert to the very same colours and markings	Возвращение к прадедовскому типу [3, с. 21]	Стремление породы возвратиться к признаку, утраченному в каком-либо предыдущем поколении [8, с. 33]	Возврат к типу предков [9, с. 12]

Ч. Дарвин, 1859 [16]	Ч. Дарвин, 1872 [17]	С.А. Рачинский [3]	М.М. Филиппов [8]	А. Трачевская [9]
Eliminates this strong tendency to sterility [16, с. 26]	Eliminates this strong tendency to sterility	Устраняет эту сильную наклонность к бесплодию [3, с. 21]	Исключает это сильное стремление к бесплодию [8, с. 33]	
The laws of correlation of growth [16, с. 33]	The law of correlated variation	Законы соотношений развития [3, с. 27]	Общее правило [8, с. 39]	
“Roguing” of plants [16, с. 34]	“Roguing” of plants	Выпалывание неудовлетворительных растений [3, с. 27]	Выпалывание неудавшихся растений [8, с. 40]	
Facility in preventing crosses [16, с. 42]	Facility in preventing crosses	Возможность устранить всякое смещение [3, с. 34]	Лёгкость предупреждения скрещиваний [8, с. 46]	
Correlation of growth [16, с. 43]	Correlated growth	Закон соотношений развития [3, с. 34]	Закон соотношения роста [8, с. 48]	

Термины, используемые этим автором, не только по смыслу, но и по звучанию максимально приближены к авторским (*доместикация, вариация, культивация, модификация* и т. д.)

Таблица 2

Передача на русский язык естественнонаучных терминов, используемых Ч. Дарвином в труде «Происхождение видов», в переводах К.А. Тимирязева, Н.И. Вавилова, Б.Л. Комарова, Ф.А. Дворянкина, А.Л. Тахтаджян

К.А. Тимирязев [5]	Н.И. Вавилов [6]	Б.Л. Комаров [10]	Ф.А.Дворянкин [4]	А.Л.Тахтаджян [7]
Изменчивость в прирученном состоянии [5, с. 12]	Изменчивость в прирученном состоянии [6, с. 117]	Изменения под влиянием одомашнения [10, с. 35]	Изменчивость в прирученном состоянии [4, с. 89]	Вариации при доместикации
Соотношения изменчивости [5, с. 12]	Корреляционная изменчивость [6, с. 117]	Коррелятивные изменения [10, с. 35]	Соотношения изменчивости [4, с. 89]	Коррелятивная вариация
Прирученные разновидности [5, с. 12]	Прирученные разновидности [6, с. 117]	Домашние разновидности [10, с. 35]	Прирученные разновидности [4, с. 89]	Домашние разновидности
Отбор методический и бессознательный [5, с. 12]	Отбор методический и бессознательный [6, с. 117]	Отбор методический и бессознательный [10, с. 35]	Отбор методический и бессознательный [4, с. 89]	Методический и бессознательный отбор
Разновидности или полуразновидности [5, с. 12]	Разновидности или полуразновидности [6, с. 119]	Разновидность или подразновидность [10, с. 35]	Разновидность или подразновидность [4, с. 89]	Подразновидности
Прирученное состояние [5, с. 12]	Прирученное состояние [6, с. 119]	Культура [10, с. 36]	Прирученное состояние [4, с. 89]	Культивации
Наклонность к быстрому изменению и совершенствованию [5, с. 12]	Наклонность к быстрому изменению и совершенствованию [6, с. 119]	Способны быстро совершенствоваться или изменяться [10, с. 36]	Способность к быстрому изменению и совершенствованию [4, с. 89]	Модификации
Неопределённые воздействия условий существования [5, с. 13]	Посредственное или косвенное действие измененных условий [6, с. 121]	Неопределённые воздействия условий существования [10, с. 37]	Неопределённые воздействия условий существования [4, с. 90]	Косвенное действие измененных условий

К.А. Тимирязев [5]	Н.И. Вавилов [6]	Б.Л. Комаров [10]	Ф.А.Дворянkin [4]	А.Л.Тахтаджян [7]
«Игра природы», т. е. случаи, когда растения внезапно производили почку с совершенно новыми особенностями, отличными от всех других почек на том же растении [5, с. 14]	«Игра природы», т. е. случаи, когда растения внезапно производили почку с совершенно новыми особенностями, отличными от всех остальных почек на том же растении [6, с. 122]	«Скачкообразно уклоняющиеся» растения [10, с. 40]	«Игры природы», т. е. случаи, когда растения внезапно производили почку с совершенно новыми особенностями, отличными от всех остальных почек на том же растении [4, с. 91]	«Спортов у растений» т. е. случаев, когда растения внезапно производили единственную почку с новым признаком, иногда весьма отличающимся от признаков всех остальных почек на том же растении.
Таинственный закон соотношения [5, с. 15]	Таинственный закон соотношения (корреляции) [6, с. 123]	Таинственных законов корреляции [10, с. 42]	Таинственный закон соотношения (корреляции) [4, с. 91]	Таинственных законов корреляции
Возвращение к признакам своих находившихся в естественном состоянии предков [5, с. 16]	Возвращение к прежним признакам [6, с. 125]	Реверсия [10, с. 44]	Возвращение к прежним признакам [4, с. 92]	Реверсии утрате своих приобретенных признаков
Сальная железа совершенно атрофирована [5, с. 20]	Сальная железа совершенно атрофирована [6, с. 130]	Атрофирование копчиковой железы [10, с. 54]	Сальная железа совершенно атрофирована [4, с. 99]	Атрофирование копчиковой железы
Возврат к прародительским признакам [5, с. 22]	Стремление возвратиться к признаку, утраченному в каком-либо предшествовавшем поколении [6, с. 134]	Прародительские признаки [10, с. 57]	Возврат к прародительским признакам [4, с. 101]	Анцестральным признакам
Уменьшает стремление видов к бесплодию [5, с. 23]	Плодовиты [6, с. 58]	Исключает эту сильную тенденцию к бесплодию [10, с. 58]	Уменьшает это стремление видов к бесплодию [4, с. 102]	Элиминируется тенденция к стерильности
Ворсильные шишки [5, с. 23]	Ворсильные шишки [6, с. 136]	Ворсильные шишки [10, с. 63]	Ворсильные шишки [4, с. 104]	Ворсильные шишки
Власть человека накоплять изменения путём отбора [5, с. 25]	Власть человека накоплять изменения путём отбора [6, с. 137]	Власть человека накоплять изменения путём отбора [10, с. 63]	Власть человека накоплять изменения путём отбора [4, с. 104]	Кумулирующему отбору
Порода растения [5, с. 26]	Порода растения [8, с. 138]	Раса растения [10, с. 65]	Порода растения [4, с. 105]	Раса растения
«Разбойники» – растения, уклоняющиеся от их образца [5, с. 26]	«Мутанты» [6, с. 138]			Примеси («бродяг»)
Закон соотношений изменчивости [5, с. 26]	Закон корреляционной (связной) изменчивости [6, с. 139]	Закон коррелятивных изменений [10, с. 66]	Закон корреляционной (связной) изменчивости [4, с. 106]	Закон коррелятивных вариаций
Выпалывание «разбойников» [5, с. 26]	Выпалывание «мутантов» [6, с. 139]	Выпалывание «бродяг» [10, с. 65]	Выпалывают на грядах «бездельников» [4, с. 105]	Выпалыванием уклоняющихся растений («roguing»)
Постепенно накапливающееся действие отбора [5, с. 26]	Процесс постепенного усовершенствования [6, с. 141]	Постепенный процесс улучшения посредством случайного сохранения лучших особей [10, с. 70]	Процесс постепенного усовершенствования [4, с. 108]	Градуальный процесс улучшения

Как видно из таблицы, в трактовке терминов, имевших широкое хождение в науке, авторы переводов единодушны (*reversion* – возвращение к типу предков, *modification* – способность изменяться, *fertile eggs* – оплодотворённые яйца и т. д.) То же мы видим в отношении терминов, переводимых однозначно (*high degree of variability* везде дана как *высокая степень изменчивости*).

Что касается термина «изменчивость» (в оригинале «*Variation under Domestication*» [16, с. 4]), то и в настоящее время (согласно словарю «Термины и определения, используемые в селекции, генетике и воспроизводстве сельскохозяйственных животных» [14], «Словарю ботанических терминов» [12]) существует немало синонимичных понятий: *вариабельность, изменяемость, непостоянность, неустойчивость, переменчивость, подверженность изменениям, превратность, смена* и т. д. Поэтому неудивительно, что в ранних переводах мы встречаем разные варианты его толкования: «изменчивость под влиянием «одомашнения» (С.А. Рачинский [3, с. 3], М.М. Филиппов [8, с. 13]); «изменчивость под влиянием приручения» (А. Трачевская [9, XXIV]). Нет единодушия и у более поздних авторов: К.А. Тимирязев – «изменчивость» [5, с. 10], Н.И. Вавилов [6, с. 115] – «изменчивость в приручённом состоянии», Б.Л. Комаров [10, с. 32] – «изменения, путём одомашнения», Ф.А. Дворянкин [4, с. 87] – «изменчивость». А.Л. Тахтаджян использовал термин, наиболее близкий по звучанию предложенному Дарвином, – «*вариация при доместикации*» [7, с. 23].

Кроме того, в трёх первых вариантах перевода употреблён термин «подбор» («*selection*» [16, с. 5]) вместо со-

временного «*отбор*», появляющегося впервые в переводе К.А. Тимирязева [5, с. 10] и употребляемого во всех последующих переводах уже в качестве устоявшегося термина.

Так же аккуратны и единодушны первые переводчики и в трактовке «*вопроса о естественном подборе*» («*Natural Selection*»), тогда как у К.А. Тимирязева впервые появляется термин «*Теория естественного отбора*» [5, с. 11], который, однако, больше ни у кого не встречается.

Оборот «*difficulties of transitions*», когда речь идёт о превращении более простого существа или органа в более сложный, С.А. Рачинский трактует как «*загадочность*» [3, с. 4], а у М.М. Филиппова он заменён на «*трудность превращения*» [8, с. 14], «*затруднительность*» – у К.А. Тимирязева [5, с. 11], Н.И. Вавилова [6, с. 116], Б.Л. Комарова [10, с. 33], Ф.А. Дворянкина [4, с. 87]. У А.Л. Тахтаджяна этот оборот отсутствует. Но при этом использован термин «*дивергенция признака*» [7, с. 23], который в оригинале звучит как «*divergence of character*» [16, с. 5] и в таком виде более ни у кого не встречается.

Термин «*Hybridism*» [16, с. 5] в трактовке «*гибридизация*» появляется в более поздних переводах у Б.Л. Комарова [10, с. 33], у Ф.А. Дворянкина [4, с. 87] и у А.Л. Тахтаджяна [7, с. 23]. У М.М. Филиппова [8, с. 14], К.А. Тимирязева [5, с. 11], Н.И. Вавилова [6, с. 116] – «*гибридизм*», тогда как у С.А. Рачинского – «*помеси*» [3, с. 4].

Однако, встречались в труде Ч. Дарвина и термины, вызвавшие затруднения не только у первых переводчиков его работ, но и у других авторов. Так, термин «*игры природы*» или «*играющие растения*», которым заменено

соответствующее “*sporting plants*”, не существует, тогда как предложенный А.Л. Тахтаджяном вариант «*спорты у растений*» (*спорт* – ‘растение, претерпевшее мутацию при размножении, потерявшее сортовые признаки’ [13]) есть и активно используется растениеводами. Термин “*rogues*” в первых вариантах перевода передан с помощью объяснения *экземпляры, которые не соответствуют их требованиям* или «негодные», т. е. *растения, уклоняющиеся от требуемой нормы*. У более поздних авторов находим самые разнообразные варианты: «*разбойники*» – *растения, уклоняющиеся от их образца*; «*мутанты*»; *примеси («бродяг»)*.

Таким образом, проанализировав 79 терминов и номенов (часть из которых не вошли в представленные здесь таблицы), использованных Ч. Дарвином в своём труде, мы можем говорить о том, что процент совпадений (37 %) достаточно мал для такого «рада» переводов. Несмотря на то, что термины, используемые Дарвином, в большинстве своём уже существовали в науке, тем не менее, некоторые понятия появились именно благодаря переводам «Происхождения видов Ч. Дарвина».

Переводы труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» не только терминологически иллюстрируют состояние биологических наук на момент выполнения перевода, но и раскрывают отношение величайших учёных к вопросам, поднимаемым в этой работе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авербух К.Я., Карпова О.М. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 176 с.
2. Гринёв С.В. Основы лексикографического описания терминосистем: автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/osnovy-leksikograficheskogo-opisaniya-terminosistem> (дата обращения: 19.10.2012).
3. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. С.А. Рачинского. СПб.: Издание книгопродавца А.И. Глазунова, 1864. 399 с.
4. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. К.А. Тимирязева, под. общ. ред. проф. Ф.А. Дворянкина. М.: Сельхозгиз, 1952. 464 с.
5. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. К.А. Тимирязева. СПб.: О.Н. Попова, 1896. 327 с.
6. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей / Пер. К.А. Тимирязева, под. общ. ред. акад. Н.И. Вавилова. М.-Л.: Сельхозгиз, 1935. 630 с.
7. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Перевод с шестого издания (Лондон, 1872); Отв. редактор ак. А.Л. Тахтаджян. СПб.: Наука, С.-Петербургское отделение, 1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://charles-darwin.narod.ru/origin-content.html> (дата обращения: 24.10.2012).
8. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного подбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь / Полный перевод с последнего (6-го) англ. изд. М. Филиппова; в трёх выпусках. СПб.: Научное обозрение, 1895. Вып. 1-3.

9. Дарвин Ч. Происхождение видов / В изложении А. Трачевской. СПб.: О.К. Нотович, 1897. 337 с.
10. Дарвин Ч. Происхождение видов / Пер. с 6-го англ. изд. К.А. Тимирязева, М.А. Мензбира, А.П. Павлова и И.А. Петровского. Предисл. акад. В.Л. Комарова. М.-Л.: Наркомздрав СССР – Биомедгиз, 1937. 762 с.
11. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времён и до наших дней [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.ru> (дата обращения: 25.11.2012).
12. Словарь ботанических терминов [Электронный ресурс]. URL: http://botanical_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 12.12.2012).
13. Спорты у фиалок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dimetris.ru/news/articles/sporty-u-fialok> (дата обращения: 12.12.2012).
14. Термины и определения, используемые в селекции, генетике и воспроизводстве сельскохозяйственных животных» [Электронный ресурс]. URL: http://agricultural_terms.academic.ru/ (дата обращения: 12.12.2012).
15. Чайковский Ю.В. Эволюция. Вып. 22. М.: Центр системных исследований ИИЕТ РАН, 2003. 472 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aib.ru/~loki/hronik/homo/hom_002.htm (дата обращения: 10.11.2012).
16. Darwin Ch. On the Origin of Species by Means of Natural Selection Or the Preservation of Favourite Races in the Struggle for Life. London, 1859. [Электронный ресурс]. URL: <http://darwin-online.org.uk/content/frameset?itemID=F373&viewtype=text&pageseq=1> (дата обращения: 05.10.2014).
17. Darwin Ch. On the Origin of Species by Means of Natural Selection Or the Preservation of Favourite Races in the Struggle for Life. London, 1872. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.literature.org/authors/darwin-charles/the-origin-of-species-6th-edition/> (дата обращения: 05.10.2014).

УДК 81'27

Жаманова Ю.В.*Московский государственный областной университет*

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
КАК ОБЪЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЛЕКСИКИ КАБИННОГО ЭКИПАЖА В РОМАНЕ А. ХЕЙЛИ
«АЭРОПОРТ» И ЕГО РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема адекватности межъязыковой передачи терминологической и авиационной лексики по материалу романа А. Хейли «Аэропорт» в русском переводе. Проведён выборочный анализ адекватности переводческих решений с учётом синхронического и диахронического аспекта. Объектом исследования является лексика кабинного экипажа. Проведённый анализ позволяет утверждать о неточности перевода вследствие большого количества опущений оригинального текста, игнорирования и искажения данного пласта лексики при межъязыковой передаче. Обосновывается необходимость создания нового перевода специалистом, компетентным в области авиационной терминологии.

Ключевые слова: авиационная терминология, профессиональная лексика, адекватность перевода, синхронический и диахронический аспект перевода.

Y. Zhamanova*Moscow State Regional University*

**PROFESSIONAL VOCABULARY IN A LITERARY TEXT
AS AN OBJECT OF INTERLINGUISTIC TRANSFER (BASED ON THE
COMPARISON OF CABIN CREW VOCABULARY IN “AIRPORT”
BY A. HAILEY AND RUSSIAN TRANSLATION)**

Abstract. The paper tackles the problem of the degree of equivalence of terminology and aviation terms in the Russian translation of A. Hailey's "Airport". A selective analysis of precision of translation was conducted, with due regard to synchronic and diachronic aspects. On the basis of the analysis we can come to the conclusion that the translation is inaccurate because of a large number of omissions of the terms, used in the original text, neglect and distortion of this layer of lexis in the process of interlingual transfer. The necessity of a new translation by a specialist competent in aviation terminology is explained.

Key words: aviation terminology, professional vocabulary, precision of translation, for synchronic and diachronic aspects of translation.

Характеризуя тенденции языково-го развития во второй половине прошлого – начале нынешнего века, исследователи неоднократно отмечали:

«Своеобразной приметой нашего времени стало распространение терминов за пределами научных произведений. Это даёт основание говорить об общей терминологизации современной речи» [5, с. 91]. Этот процесс, естественно,

нашёл отражение и в художественной литературе, как отечественной (вспомним бытовавший в советское время, хотя и получивший несколько ироничную коннотацию термин «производственный роман»), так и зарубежной, в том числе в творчестве американского писателя Артура Хейли. Среди произведений интересующего нас жанра одним из наиболее известных стал роман «Аэропорт», изданный в 1968 г. и сразу же ставший бестселлером. В нём повествуется о «жизни» аэропорта большого мегаполиса и о людях, связанных с ним в силу специфики работы или места жительства. Основная сюжетная линия – процесс подготовки рейса номер два «Золотой Аргос», вылетающего в Рим, трагические происшествия, произошедшие на борту данного воздушного судна, относительно благополучное завершение рейса, обеспеченное героическими действиями экипажа и четкой и слаженной работой наземных служб.

При межъязыковой передаче текста романа одна из основных проблем – перевод широко представленной в ней терминологической и авиационной лексики. Отметим, что в отличие от специального текста, рассчитанного на соответствующую аудиторию, термины и профессионализмы в художественном тексте служат стилистическим средством, используемым автором для «погружения» читателя в соответствующую среду, и не предполагают наличия у читателя специальных знаний. В то же время недопустимо опускать или искажать значение такой лексики при межъязыковой передаче. Кроме того, относящаяся к данной сфере лексика с течением времени довольно существенно обновляется, что может привести к

определённой устарелости перевода с позиций сегодняшнего дня.

Первый и, как оказалось, единственный, перевод романа на русский язык датируется 1971 г., выполнен переводчиками Т. Кудрявцевой и Т. Озерской. С тех пор он неоднократно переиздавался в неизменном виде. Всего к 2015 году насчитывается более тридцати переизданий.

Авиационную лексику, представленную в романе, можно разделить на три большие группы: лексика кабинного экипажа, лексика лётного экипажа и спецлексика служб наземного обеспечения. Мы проведём сравнительный анализ перевода специальной лексики кабинного экипажа (бортпроводников) с точки зрения адекватности её передачи средствами переводящего языка, представим её классификацию, рассмотрим способы и приёмы её перевода. Помимо реалий¹, представляющих собой категорию средств выражения, значительную часть анализируемой лексики составляют профессионализмы², термины³, жаргонизмы⁴. Всего

¹ Реалии – ‘слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому’; «...не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [1, с. 47].

² Профессионализмы – ‘слова и выражения, свойственные речи людей различных профессий и обслуживающие различные сферы профессиональной деятельности, но не ставшие общеупотребительными’; «профессионализмы, в отличие от терминов, считаются полуофициальными словами (лексемами), не имеющими строгого научного характера» [6, с. 216].

³ Термины – ‘специальные слова, ограниченные своим особым назначением... стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей’ [4, с. 121].

⁴ Жаргонизмы – ‘разряд «пассивной» лексики, используемый обособленной группой людей,

нами отобрано 3246 лексических единиц. В работе мы будем опираться на классификацию реалий, предложенную С. Влаховым и С. Флориным [1], как наиболее полную и детальную, и дополним её, используя собственный профессиональный опыт. В результате общая схема классификации приобретёт следующий вид:

- 1) предметное деление;
- 2) временное деление;
- 3) переводческое деление.

Авиационная лексика, согласно **предметному делению**, может быть распределена по следующим группам:

1) Географические реалии (названия местности, городов)

Demerest's destination was a group of three-story apartment blocks, close to the airport, known colloquially to flying crews as Stewardess Row [9, с. 67].

Димирест направлялся к скоплению четырёхэтажных зданий неподалёку от аэропорта, известных среди лётчиков под названием «Квартал стюардесс» [8, с. 45].

В приведённом отрывке “flying crews” неточно переведено как «лётчики», а должно быть переведено как «лётные экипажи», то есть термином с более широким значением.

2) Названия служебных помещений, имеющих отношение к функционированию летных и наземных служб

In the crew room both captains inspected their mail slots, and there was a pile of mail as usual, some of it company bulletins which must be read before tonight's flight [9, с. 267].

объединённых по социальному признаку (категория, профессия, общественный класс); «определённое соотношение жаргонизмов и терминов характерно для профессионализмов» [2, с. 187].

В комнате для команды оба капитана проверили свои почтовые ящики, в которых, как всегда, лежала груда почты, в том числе предписания компании, которые надо прочесть, прежде чем они взлетят [8, с. 180].

Словосочетание “crew room” переводится в авиационной профессиональной лексике как «брифинговая», или «комната для брифинга», а не «комната для команды» (переводчик использовал буквальный перевод). Не очень удачно переведено «must be read before tonight's flight» с использованием глагола «взлетать», уместнее было бы перевести «с которыми необходимо ознакомиться до вылета» или «до выполнения полёта».

3) Реалии, связанные с наземным обслуживанием воздушного судна и функционированием аэропорта

Senior stewardess Gwen Meighen was pre-boarding several families with small children when the announcement echoed down the boarding walkway [9, с. 316].

Объявление о посадке ещё продолжало звучать в галерее-гармошке, когда старшая стюардесса Гвен Мейген уже принимала на борт первую партию пассажиров – несколько семей с маленькими детьми [8, с. 214].

Словосочетание “the boarding walkway” следует перевести, используя термин «телетрап»¹. “Senior stewardess” имеет эквивалент «старший бортпроводник экипажа», а “pre-boarding” означает «предварительную посадку (определённой категории пассажиров)»; выражение «принимать на борт (пассажиров)» уместнее заменить на «помогать с размещением в салоне».

¹ Телескопический трап, изменяющий длину в зависимости от удалённости стоянки воздушного судна (*перевод наш. – Ю. Ж.*)

The aircraft parking areas, he observed, were as fully occupied as when he left, and there was still a line of arriving aircraft waiting for gate positions to be vacated [9, с. 95].

Стоянки для самолётов были по-прежнему забиты, а у галерей-гармошек, дожидаясь своей очереди, вытянулись вереницей прибывшие самолёты [8, с. 63].

Переводчик искажил смысл оригинала: “gate positions” переводится как «стоянка», в настоящее время используется неологизм-калька «гейт». В оригинале отсутствует словосочетание, переведённое как «галерея-гармошка».

4) Техническое оснащение воздушного судна (средства связи, аварийно-спасательное оборудование)

She used the flight deck interphone to notify Captain Anson Harris and prepared herself for an influx of passengers within the next few minutes [9, с. 316].

Она оповестила об этом по внутреннему телефону капитана Энсона Хэрриса и приготовилась к предстоящему через несколько минут наплыву пассажиров [8, с. 214].

На момент перевода текста современный профессионализм-калька «интерфон» в русском языке отсутствовал из-за отсутствия реалии, поэтому “the flight deck interphone” был переведён описательно как «внутренний телефон» (в настоящее время этот вид связи используется на всех типах ВС для коммуникации между кабинам и лётным экипажем).

5) Этапы выполнения полёта

More essential were the announcements about emergency exits, oxygen masks, and ditching. With two of other stewardesses demonstrating, she accomplished them quickly [9, с. 356].

Гораздо важнее были объявления относительно кислородных масок, запасных выходов и поведения при вынужденной посадке. С помощью двух других стюардесс, проводивших демонстрацию, Гвен быстро справилась с этой задачей [8, с. 243].

Словосочетание “the announcements about emergency exits, oxygen masks, and ditching” следует перевести профессионализмом «демонстрация аварийно-спасательного оборудования», так как это общепринятый термин для обозначения данного этапа предполётной подготовки.

6) Сервисные процедуры

A minute or two later, in response to the telephoned order, Gwen Meighen brought three plates of aromatic hors d'oeuvres, and coffee [9, с. 401].

Несколько минут спустя Гвен Мейген, получив распоряжение по телефону, принесла три тарелочки с аппетитной горячей закуской и кофе [8, с. 274].

При переводе лучше было употребить профессионализмы «интерфон», «касалетки», так как изменились реалии: лётчики уже многие годы не едят все одновременно, так как это запрещено по соображениям авиационной безопасности.

7) Обеспечение авиационной безопасности

The trick was to distribute weight correctly through the airplane so that its fulcrum point and center of gravity were at predetermined places; hence, the aircraft would be balanced, and stable in the air [9, с. 267].

Вся хитрость заключалась в том, чтобы правильно распределить груз в самолёте и таким образом обеспечить его балансировку и устойчивость в воздухе [8, с. 178].

При переводе опущены словосочетания “fulcrum point” / «точка опоры» и “center of gravity” / «центр тяжести», которые должны находиться “at predetermined places” – «на определённых местах»; речь идёт о центровке самолёта.

8) Форменная одежда и аксессуары

Obtainable through company sources, the official shirts cost nine dollars each, and were often ill fitting, their material of dubious quality [9, с. 75].

Рубашки эти приобретались у поставщиков авиакомпаний и стоили девять долларов; они были плохо сшиты, притом из материала весьма сомнительного качества [8, с. 50].

Выражение «the official shirts» следует перевести как «форменные рубашки».

9) Документация

“I want to check you’re your flight manuals” [9, с. 74].

– Я хочу проверить, в порядке ли у вас бортовой журнал и на месте ли все инструкции [8, с. 49].

Переводчик ошибочно перевёл flight manuals как бортовой журнал TLB (Technical Log Book) или CLB (Cabin Log Book), в котором записывают все технические неисправности определённого ВС в процессе предполётной подготовки, для последующей проверки и заполнения техническим составом, и который всегда находится на борту ВС. Речь идёт о персональной документации лётчика (Flight Operation Manual), в которой регламентирован основной кодекс правил по управлению данным типом ВС, которую он берёт с собой в рейс и без которой он не имеет права приступить к выполнению полёта. Адекватный перевод “flight manuals” – «руководство по лётной эксплуатации», РЛЭ.

10) Социальные организации, административные учреждения, органы власти

The FAA, Mel pointed out, had made a study of airport insurance and subsequently opposed any ban on airport sales [9, с. 237].

Федеральное управление авиации, подчеркнул Мел, специально изучало вопрос о продаже страховок в аэропортах и выступило против запрещения их продажи [8, с. 160].

FAA следует перевести как «Федеральное авиационное агентство США» (данный термин зафиксирован в Большом англо-русском и русско-английском авиационном словаре) [7, с. 150], а не «Федеральное управление авиации».

11) Должности

The agent would reason that he might have made a mistake anyway; moreover, unless he could show good reason for a delay, he would get a roasting later on from his District Transportation Manager [9, с. 206].

Да к тому же, если он не докажет, что у него были достаточно веские основания для задержки самолёта, ему грозит «баня» от управляющего перевозками [8, с. 138].

При переводе лучше было бы перевести District Transportation Manager как Диспетчер по организации обслуживания ВС на перроне (ДООП).

12) Меры веса, меры длины

All were miniature bottles of liquor – the ounce-and-half size which airlines served to passengers in flight [9, с. 155].

Это были маленькие бутылочки вместимостью в полторы унции, какие авиакомпании выдают пассажирам в полёте [8, с. 103].

Вероятно, более точно было бы перевести All were miniature bottles of

liquor – the ounce-and-half size как «это были «шкалики» – маленькие бутылочки крепких алкогольных напитков объёмом 50 миллилитров»; при переводе опущено слово liquor.

При переводе мер веса и длины на русский язык переводчик прибегает к кальке, не используя понятную рецепиенту систему мер и не давая пояснений, что негативно отражается на качестве текста перевода.

13) Специфические термины (профессионализмы)

That way, Gwen could fly deadhead on a Trans-America flight to Paris, then go by Air France to Stockholm on a reciprocal employee pass [9, с. 161].

Тогда Гвен сможет полететь на самолёте «Транс-Америки» в Париж, а оттуда «Эр Франс» доставит её в Стокгольм – по служебному билету, на основе взаимных услуг [8, с. 108].

Словосочетание “a reciprocal employee pass” следовало бы передать на русский язык профессионализмом «мильный билет»; это более точный вариант перевода.

14) Названия авиакомпаний

Even before that, that must be new courses for two TWAs – one higher, the other lower – plus a Lake Central Convair, an Air Canada Vanguard, and a Swissair just coming on the screen [9, с. 108].

Но прежде надо дать новый курс двум самолётам «ТВА» – тому, что летит выше, и тому, что летит чуть ниже, – а кроме того, самолётам «Лейк-Сентрал», «Эйр Канада» и «Свиссэр», только что появившимся на экране [8, с. 73].

При переводе аббревиатуры TWA на русский желательно было бы дать переводческий комментарий (например: TWA, Trans World Airlines — ави-

акомпания США; основана в 1925 году, являлась одной из крупнейших внутренних авиакомпаний в стране). Не переведено словосочетание «Convair, an Air Canada Vanguard».

15) Марки воздушных судов

The National Guard T-33 was at the bottom of its dive. Lieutenant Neel pulled the control column back and, with full power on, began a fast, steep climb. Immediately above was the tiny Beech Bonanza, containing Irving Redfern and his family, cruising steadily on Airway V44 [9, с. 191].

T-33 достиг самой нижней точки «петли». Лейтенант Нил взял штурвал на себя и, дав полный газ, стремительно пошёл вверх. А как раз над ним по авиатрассе В-44 летел крошечный «бич-бонанза» с Ирвингом Редферном и его семьёй [8, с. 128].

Здесь переводчик использует опущение словосочетания “The National Guard”, что делает перевод неточным.

16) Аэронавигация

The pilots, aided by constant air route control surveillance, did what little navigation was needed [9, с. 404].

Пилоты вели самолёт, пользуясь указаниями, поступающими с земли, с контрольно-диспетчерских пунктов [8, с. 276].

При переводе опущена часть предложения “did what little navigation was needed”: «выполняли минимальный объём необходимой навигации».

The man on her left, though, scribbled notes on the back of an envelope and afterward got out one of those *Chart Your Own Position* maps, which the airline supplied, spreading it on top of his attaché case [9, с. 403].

Пассажир же слева тотчас же сделал какие-то пометки на обороте конверта, а затем достал одну из карт

«Установите ваше местонахождение», какими снабжает пассажиров авиакомпания, и расстелил её на своём чемоданчике [8, с. 275].

Приведённый выше отрывок и его перевод – один из ярких примеров **перехода лексической единицы в ряд историзмов**. В настоящее время большинство авиалайнеров, выполняющих среднемагистральные и дальнемагистральные полёты, оснащены маршрутной картой, которая в режиме он-лайн через связь со спутником выводит на мониторы пассажиров всю необходимую информацию о рейсе. Пассажирам больше не нужно использовать линейку и калькулятор для определения своего местонахождения.

17) Корпоративные традиции

All airline stewardesses, he was aware, discovered early in their careers that a little husbandry in airplane galleys could relieve their cost of living at home [9, с. 158].

Он знал, что все стюардессы довольно быстро обнаруживают, что экономное расходование припасов в самолётных подсобках может существенно облегчить им жизнь дома [8, с. 106].

Airplane galleys не следует переводить как «самолётные подсобки», в данном случае уместнее использовать «кухни воздушного судна», что и имелось в виду автором. Слово «подсобка» в профессиональной лексике бортпроводников отсутствует, в необходимом контексте может быть использовано «сток», «юнит», «бардачок», «дог-хаус».

... Vernon Demerest had been in stewardesses nests where most items used in daily living seemed to have come from airline sources [9, с. 158].

... Вернону Димиресту доводилось посещать «гнездышки», где почти все

предметы повседневного обихода явно прибыли из кладовых авиакомпаний [8, с. 106].

Airline sources следует перевести не «кладовые авиакомпаний», а как «склад авиакомпании», либо, что более правильно в данном контексте, «с борта ВС».

По результатам проведённого сравнительного переводческого анализа можно сделать следующие выводы:

1) В переводе, выполненном Т. Кудрявцевой и Т. Озерской, выявлено 384 случая опущения оригинального текста, что, безусловно, ухудшает и искажает смысл оригинала. Так, предисловие книги –

«Oh! I have slipped the surly bonds of earth
And dance the skies on laughter-silvered wings
From High Flight by John Gillespie Magee, Jr.
(1922-1941)

sometime Flight Lieutenant,
Royal Canadian Air Force» [9, с. 5] –

в переводе полностью отсутствует. В русском переводе опущено словосочетание “on Trans-America Flight Two”:

Later tonight, the two of them would leave for Rome on Trans-America Flight Two. On the flight deck, Captain Demerest would command. In the passenger cabins, aft, Gwen Meighen would be senior stewardess [9, с. 69].

Через несколько часов оба они полетят в Рим – капитан Димирест в пилотской кабине в качестве командира экипажа, а Гвен Мейген – в пассажирском салоне в качестве старшей стюардессы [8, с. 46].

В переводе опущено словосочетание on Trans-America Flight Two.

2) Перевод содержит большой процент устаревшей лексики и неточной передачи слов-реалий.

3) В тексте перевода часто используются не авиационные профессионализмы и термины, лексика кабинного экипажа, а приблизительные аналоги, ухудшающие и искажающие смысл текста оригинала; ср.:

“What happened”, Gwen said calmly, “is perfectly simple. On that layover we had in San Francisco...you remember? – we stayed at that gorgeous hotel on Nob Hill; the one with the view [9, с. 159].

– *Всё очень просто, – спокойно сказала Гвен. – Это произошло во время «пересыпа» в Сан-Франциско... Помнишь, мы ещё ночевали в этом роскошном отеле на Ноб-Хилле, где открывается такой вид из окон...* [8, с. 107].

Слову “layover” в русском языке соответствует термин «эстафета». Если переводчик не знает этого авиационного термина, можно было бы использовать какое-нибудь более нейтральное слово, например, «ночёвка» или «отдых».

Curtains tore away [9, с. 493].

Портьеры слетели с колец [8, с. 339].

“Curtains” в данном контексте следовало бы перевести как «шторки» и никак иначе.

All were miniature bottles of liquor – the ounce-and-half size which airlines served to passengers in flight <...> He had seen airline liquor in stewardesses’ apartments before, but never quite so much at one time [9, с. 155].

Это были маленькие бутылочки вместимостью в полторы унции, какие авиакомпании выдают пассажирам в полете <...> Он и раньше видел казенное вино в квартирах стюардесс. Но никогда не видел в таком количестве [8, с. 104].

Для перевода “miniature bottles of liquor” существует профессиона-

лизм «шкалики»; “liquor” переводится как «спиртной напиток», и речь идёт именно о крепких спиртных напитках, перевод «вино» ошибочный. Кроме того, прилагательное “airline” следовало бы перевести как «бортовой», а не «казённый».

Таким образом, сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показал, что единственный перевод романа Артура Хейли «Аэропорт» на русский язык, выполненный переводчицами Т. Кудрявцевой и Т. Озерской, не может (исходя из современных требований) считаться в полной мере полным, точным и адекватным, передающим полностью смысл текста оригинала.

Всё вышеизложенное позволяет утверждать, что существует необходимость создания нового перевода. Одно из неперемных условий создания такого перевода – наличие у переводчика романа знаний в области авиации, работы наземных и лётных служб, как гласил указ Петра I: «никакой переводчик, не зная того художества, о котором переводит, перевесть то не может» (цит. по: [3, с. 205]).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 349 с.
2. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под редакцией проф. Горкина А.П. М.: Росмэн-Пресс, 2006. 584 с.
3. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе: история и теория с древнейших времён до наших дней. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 1996. 536 с.
5. Розенталь Д.Э., Голуб Н.Б., Теленкова

- М.А. Современный русский язык. М.: Рольф, 2001. 448 с.
6. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова (авт.-сост.). М.: Паритет, 2005. 320 с.
7. Great English-Russian and Russian-English aviation dictionary / под ред. акад. Павловца И.И. М.: Живой язык, 2011. 512 с.
- Источники языкового материала:*
8. Хейли А. Аэропорт. М.: Астрель, 2010. 413 с.
9. Hailey Arthur. Airport. СПб.: Каро, 2013. 640 с.

УДК 81'42

Левченко М.Н., Скрыльник А.В.*Московский государственный областной университет***ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР
И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»**

Аннотация. Цель данной статьи – показать специфику создания авторских неологизмов, а также представить возможные решения их перевода на русский и немецкий языки. Авторские неологизмы придают тексту эмоциональную экспрессивность и выразительность, поэтому авторы статьи ставят перед собой задачу исследовать способы перевода авторских неологизмов, обосновать выбор каждого из них. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов произведения Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» способствует выявлению структурно-типологических и лексико-семантических особенностей неологизмов, а также установлению индивидуальных признаков каждого переводного варианта.

Ключевые слова: авторский неологизм, словотворчество, перевод, аббревиация, транслитерация, транскрипция, калькирование.

M. Levchenko, A. Skrylnik*Moscow State Regional University***THE PECULIARITIES OF TRANSLATION
OF THE AUTHOR'S NEOLOGISMS IN "HARRY POTTER
AND THE PHILOSOPHER'S STONE" BY J. K. ROWLING**

Abstract. The purpose of this article is to show the specific characteristics of the author's neologisms and the possible ways of their translation from English into Russian and German languages. The author's neologisms increase the emotional expressiveness of the text, so the aim of the authors of the article is to analyse ways of interpretation of the author's neologisms and explain the choice of every one of them. The comparative analysis of J. K. Rowling's "Harry Potter and the Philosopher's Stone" contributes to defining the structural-typological and lexical-semantic peculiarities of the neologisms and the individual features of every translated version.

Key words: author's neologism, word creation, abbreviation, transliteration, transcription, replication.

Настоящая статья посвящена проблеме перевода авторских неологизмов, введённых Джоан Роулинг для того, чтобы подчеркнуть индивидуальные особенности собственного

© Левченко М. Н., Скрыльник А. В., 2015.

стиля. Авторские неологизмы придают тексту эмоциональную экспрессивность и выразительность. Именно поэтому мы ставим перед собой задачу исследовать способы их перевода на немецкий и русский языки, способ-

ствующие сохранению указанных качеств художественного текста.

Материалом к исследованию служит роман Дж. Роулинг "Harry Potter and the Philosopher's Stone" [13]; материалом переводных произведений – "Harry Potter und der Stein der Weisen" Клауса Фритца [14], «Гарри Поттер и волшебный камень» Марии Спивак [12], «Гарри Поттер и философский камень» Игоря Оранского [11], т. е. один вариант немецкого переводного текста и два варианта русского.

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего необходимостью разработки рациональных переводческих стратегий, которые могли бы применяться при переводе текстов в жанре фэнтези. Сравнительно-сопоставительный анализ произведения Дж. Роулинг с его переводами на русский и немецкий языки позволяет выявить структурно-типологические и лексико-семантические особенности неологизмов и рассмотреть способы их реализации при переводе.

Объектом исследования в настоящей статье выступают авторские неологизмы, намеренно созданные автором для номинации объектов сказочной действительности в произведении Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень».

Общий объём литературного исследования составил 1456 страниц: роман Дж. Роулинг "Harry Potter and the Philosopher's Stone" объёмом 332 страницы, перевод Клаус Фритц "Harry Potter und der Stein der Weisen" объёмом 335 страниц, переводной текст Марии Спивак «Гарри Поттер и волшебный камень» объёмом 390 страниц и перевод Игоря Оранского «Гарри Поттер и философский камень» объёмом 399

страниц. Всего проанализировано 67 неологизмов.

Предметом исследования является многообразие вариантов перевода неологизмов с английского на немецкий и русский языки путём их сравнительно-сопоставительного анализа.

Основная цель нашего анализа – представить специфику создания авторских неологизмов, а также варианты их перевода на русский и немецкий языки.

Прежде чем говорить об авторских неологизмах, следует дать более широкое определение понятию **неологизм**. До сих пор не существует однозначного решения, за какими словами можно закрепить дефиницию неологизма. Установить новизну таких слов тяжело: об этом свидетельствуют те разногласия языковедов, которые отмечаются при определении понятия неологизма.

Традиционно неологизмы считаются атрибутом словесно-художественного творчества. Русский филолог М.Б. Томашевский дал следующее определение: «Неологизмы – это такие слова, которые образует сам художник, поэт, писатель не для того, чтобы дать им общее распространение, а для того, чтобы читатель ощущал в процессе восприятия художественного произведения, как перед ним рождается новое слово. Неологизм должен всегда восприниматься как некое изобретение именно данного художника, он неповторим» [10, с. 288].

Согласно точке зрения Брагиной А.А., неологизмы – это «новые единицы лексической системы языка, которые возникли в силу общественной потребности дать имя новому предмету или выразить новое поня-

тие и которые функционируют в речи в качестве готовых, воспроизводимых единиц» [1, с. 218].

В Словаре-справочнике лингвистических терминов Розенталя Д.Э. и Теленковой М.А. предложено следующее определение:

Неологизм (*нео...* + др.-греч. *λογος* слово) – «слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия. После того как слово входит в широкое употребление, оно перестаёт быть неологизмом» [9, с. 253]. Неологизм, созданный автором литературного произведения с определённой стилистической целью, обычно не получает широкого распространения и не входит в словарный состав языка. В широком смысле слова неологизм может быть лексическим, словообразовательным. В узком смысле неологизмом называют лексическое или семантическое новообразование [9, с. 253].

Р.Ю. Намитокова различает неологизмы языка и авторские новообразования (индивидуальные неологизмы) [8, с. 72]. Последние называют также окказионализмами (эгологизмами). Авторские новообразования не употребляются безлично, они используются как цитата: «Я влюблён, я очарован, словом, я огончарован» (А.С. Пушкин). Следует отметить, что, согласно Жеребило Т.В., окказионализмы остаются фактами авторской речи, не становясь при этом нормой литературного языка, в то время как неологизмы прочно закрепляются в словарном составе [5, с. 358].

Доказано, что неологизмы не являются «из ниоткуда» [2, с. 58]. Они возникают на базе уже существующих в языке слов и морфем, знания кото-

рых могут оказать переводчику серьёзную помощь. Согласно утверждению Головнина И.В., для этого необходимо хорошо знать способы словообразования относительно английского языка, как исходного для перевода [4, с. 161–167]. Современная лингвистика традиционно рассматривает следующие способы словообразования: придание ещё одного значения уже существующему слову, словосложение, аффиксация, заимствования, аббревиация.

1. *Придание ещё одного значения уже существующему слову.* В данном романе есть такие слова, как *galleon* и *sickle*, которые переводятся с английского языка как «галлеон» (парусное судно) и «серп». Но, исходя из контекста, переводчики интерпретировали их посредством транскрипции как *галлеон* (*галеон*) и *сикль* (в значении «золотая» и «серебряная монеты» соответственно). В таких случаях о значении новых слов можно догадаться только из контекста:

Inside were mounds of gold coins. Columns of silver. Heaps of little bronze Knuts [13]. – *Внутри, в ячейке, лежали горы золотых монет. Колонны серебряных. Груды маленьких бронзовых нутов* [12].

2. *Словосложение.* Сложное слово *Secret-Keeper* (хранитель тайны, единственный человек, который обладает какой-либо секретной информацией) состоит из основ *secret* – «тайна, секрет», *keep* – «хранить» и суффикса *-er*.

3. *Аффиксация.* Слово *tuggle* обозначает человека, не имеющего магической силы, т. е. обычного человека. Оно происходит от слова *tug* – «протак, простофиля» и несёт следующую стилистическую окраску: пренебрежительное (и даже уничижительное) отношение к людям-невольшебникам.

Сама Дж. Роулинг признаётся, что добавила к слову ещё один слог только для того, чтобы оно звучало мягче [3].

4. *Заимствования.* В данном романе особое место занимают латинские слова. Возможно, Дж. Роулинг выбрала этот язык потому, что он всегда считался языком учёных и алхимии. Огромное количество латинских слов Дж. Роулинг использует в магических словах. Например, *Mobilicorpus* (заклинание, поднимающее человека в воздух) образовано от латинских слов *mobilis* – «подвижный» и *corpus* – «тело». Однако нередко можно встретить и псевдолатинские слова. В подобных словосочетаниях окончания подобраны таким образом, чтобы заклинания напоминали латынь. В *Petrificus Totalus* (заклинание, которое обращает в камень) за основу взяты следующие английские слова – *petrify* в значении «обращать в камень» и *total* – «полный, абсолютный». В *Expelliarmus* (разрушающее заклинание) можно выявить латинские основы *expello* – «выгонять, выбрасывать» и *armo* – «вооружать». Смысл заклинания, возможно, станет более очевидным, если разложить слово на английские, а не на латинские составляющие: *expel* + *arms* (*expel* в значении «выбивать, выбрасывать» и *arm, arms* – «оружие») [3].

5. *Аббревиация.* Аббревиация *O.W.L.* – экзамен, который сдают пятикурсники, являющийся омонимом к английскому слову *owl* – «сова». Расшифровывается как *Ordinary Wizarding Level: Ordinary* – «обычный, заурядный, банальный, посредственный», *Wizarding* – «волшебный, магический, колдовской», *Level* – «степень, ступень, уровень». «СОВ» расшифровывается как «Супер Отменное Волшебство»

(перевод И. Оранского), в переводе Марии Спивак — *С.О.В.У. — Совершенно Обычный Волшебный Уровень* [11; 12].

Одной из причин необычайной привлекательности и популярности данного романа являются ироничные и шуточные слова, придуманные Дж. Роулинг. Именно поэтому основной трудностью, с которой столкнулись переводчики всего мира, была задача нахождения равнозначных эквивалентов. И сложнее всего было передать смысл «говорящих» имён, ведь **если имя собственное – реальное, то пишется его точный эквивалент**; если нет, то максимально близкая по произношению калька; если есть дополнительный смысл, то смысл раскрывается только в сноске. Очень часто, когда не было возможности подобрать адекватный эквивалент, переводчики создавали свою игру слов, близкую к оригиналу, которая напоминала бы по тем или иным показателям авторский каламбур [6, с. 56].

Говоря об оригинальном тексте, нельзя не отметить доминирующие стилистические приёмы, используемые Дж. Роулинг – аллитерацию и приём единоначатия, примеры которых мы приведём в табл. 1. Чаще всего они встречаются в именах, где могут повторяться начальные звуки – *Severus Snape*, может быть аллитерация от одного слова – *Padma Patil* до нескольких *Parvati Patil, Poppy Pomfrey*, полное звуковое повторение первого антропонима в другом – *Rowena Ravenclaw*, многочисленные совпадения морфем – *Godric Griffindor, Salazar Slytherin, Helga Hufflepuff*.

Анализируя данные примеры (табл. 1), можно сделать вывод, что

Таблица 1

Перевод имён собственных приёмом аллитерации

Английский	Немецкий	Русский	
Дж. К. Роулинг	К. Фритц	И. Оранский	М. Спивак
Bathilda Bagshot	Bathilda Bagshot	Батильда Бэгшот	Миссис Жукпук
Snape. Severus	Snape. Severus	Северус Снегг	Злодеус Злей
Professor Vindictus Viridian	Professor Vindictus Viridian	Профессор Виндиктус Виридиан	Профессор Мститтус Вирусиан
Godric Griffindor	Godric Griffindor	Годрик Гриффиндор	Годрик Гриффиндор

И. Оранский опирался в большей мере на транскрипцию и транслитерацию. Он ориентировался в первую очередь на своё субъективное мнение и выбрал тот способ транскрипции, который казался наиболее подходящим. М. Спивак переводит имена собственные тогда, когда ей кажется необходимым передать оттенки смысла, которые Роулинг вкладывала в то или иное имя, или же для того, чтобы адекватно передать каламбуры и игру слов. Немецкому переводчику Клаусу Фритцу легче было справиться с задачей в силу особенностей графики латинского алфавита (языки, которые используют в письменной речи латинский алфавит, своего написания

не меняют). Следовательно, многие имена собственные он оставил без изменений.

По замыслу автора, люди боятся произносить вслух имя главного злодея, и поэтому зашифровывают его. На немецкий и русский языки зашифрованное имя «He-Who-Must-Not-Be-Named» переводится посредством калькирования «Er-dessen-Name-nicht-genannt-werden-darf», что и означает «Тот-Кого-Нельзя-Называть». В таблице 2 представлены два имени, которые переведены методом калькирования. Однако, этот способ используется только в том случае, если имя собственное имеет определённое семантическое значение.

Таблица 2

Перевод имени собственного приёмом калькирования

Английский	Немецкий	Русский	
Дж. К. Роулинг	К. Фритц	И. Оранский	М. Спивак
Lavender	Lavender	Лаванда	Лаванда
He - Who - Must -Not - Be - Named	Er - dessen - Name - nicht - genannt -werden - darf	Тот - Кого -Нельзя -Называть	Тот - Кто - Не - Должен - Быть - Помянут

Имена сказочных животных – весьма сложный материал для перевода. У

многих авторов зоонимы построены на игре слов, созвучиях, ассоциациях

или подтекстах. Переводчику в этих случаях следует руководствоваться теми же принципами, что и при переводе имён собственных: либо перевести соответствующим эквивалентом, либо, если хочется сохранить звучание, предоставлять перевод в сноске. При толковании зоонимов очень важно стремиться к тому, чтобы эквивалент

языка перевода отражал или указывал на те же признаки своего носителя, что и подлинное наименование [7, с. 63].

В данном романе упоминаются зоонимы четырёх кошек. Из табл. 3 видно, что немецкий переводчик Клаус Фритц перевёл их как *Tibbies, Snowy, Putty und Tuffy* – кличками, которые в Германии являются типичными кошачьими.

Таблица 3

Варианты переводов зоонимов

Английский	Немецкий	Русский	
		И. Оранский	М. Спивак
Дж. К. Роулинг	К. Фритц	И. Оранский	М. Спивак
Tibbles	Tibbles	Тибблс	Пуфик
Snowy	Snowy	Снежок	Снежинка
Mr Paws	Putty	Мистер Лапка	дядя Лапка
Tuffy	Tuffy	Хохолка	Туфти

Романы о Гарри Поттере написаны с очевидной опорой на классическую английскую литературу. Скрытое цитирование деталей, мотивов, эпизодов – своеобразная подсказка читателю для понимания романа. Одним из таких примеров традиционной английской литературы является кличка кошки мистера Филча – *Mrs Norris* (аллюзия на персонажа романа Джейн Остен «Мэнсфилд-парк»). Несмотря на то, что при переводе на русский и немецкий языки её имя было сохранено посредством транслитерации, у большинства читателей оно не вызывает никаких ассоциаций, связанных с особенностями характера данного персонажа. Чтобы почувствовать весь юмор, надо знать, что представляла из себя Миссис Норрис. Читатель не обязан знать это, поэтому задача переводчика – найти эквивалентное имя или

прозвище. Таким образом, культурное пространство произведения «Гарри Поттера» чрезвычайно многообразно: мировая классика, тонкие, но весьма прочные связи с традиционной классической английской литературой [3].

Нельзя говорить о Гарри Поттере и не затронуть тему заклинаний. Латинские заимствования занимают важное место во всём произведении. Мы можем только предполагать, почему этот язык привлёк внимание автора. Вероятно, потому что всегда считался языком алхимии, таинственной науки, которая самым непосредственным образом связана с волшебством. Использование этого языка в качестве основы для образования терминов придаёт определённую таинственность для ребёнка, который не всегда сможет понять, что подразумевается под тем или иным заклинанием (см. табл. 4).

Таблица 4

Перевод заклинаний

Английский	Немецкий	Русский	
		И. Оранский	М. Спивак
Дж. К. Роулинг	К. Фритц	И. Оранский	М. Спивак
Alohomora	Alohomora	Алохомора	Алоомора
Wingardium Leviosa	Wingardium Leviosa	Вингардиум Левиоса	Вингардиум Левиоза
Leg-Locker Curse	Beinklammer-Fluch	Специальное заклятие	Кандальное Проклятие
Locomotor Mortis	Locomotor Mortis	Локомотор Мортис	Локомотор Мортис
Petrificus Totalus (body-Bind)	Petrificus Totalus (Ganzkörperklammer)	Петрификус Тоталус (парализация тела)	Петрификус Тоталус (парализация тела)

Приведённые примеры демонстрируют (табл. 4), что немецкий переводчик в основном оставил заклинания без изменений, кроме *Leg-Locker Curse*, что он перевёл посредством кальки. Русские же переводчики использовали приёмы транскрипции и транслитерации. Но в переводе И. Оранского нет точного эквивалента для заклинания *Leg-Locker Curse*: вместо перевода он описал, что происходит с человеком, находящимся под действием этого заклинания.

Анализ авторских неологизмов Дж. Роулинг позволил выделить переводческие стратегии, которыми пользовались указанные в статье переводчики:

1) в переводе произведения «Гарри Поттер и философский камень» на русский язык переводчика И. Оранского, прежде всего, доминируют приёмы транслитерации и транскрибирования. Транскрибированные названия не несут никакой смысловой нагрузки, поскольку теряются намёки, аллюзии и ассоциации, которые важны для ребёнка, на которого и рассчитано данное произведение;

2) в переводе М. Спивак, напро-

тив, преобладает принцип создания окказиональных слов на основе словообразовательных элементов, что существенно отличает его от других переводов; он очень нагляден и более привычен русскоязычному читателю;

3) немецкому переводчику К. Фритц удалось лишь частично сохранить идентичность авторской речи. Он часто использует нейтральную лексику или стилистически сниженные единицы, доминирующим приёмом его перевода является транслитерация. Таким образом, К. Фритц не в полной мере передал смысловую и эмоциональную информацию, которая заключена в авторских неологизмах данного произведения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Литература:

1. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 347 с.
2. Власов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Просвещение, 1978. 174 с.
3. Волкодав Т.В. Структурно-типологические и лексико-семантические параметры литературной сказки Дж. Роу-

- линг и ресурсы их передачи на русский и немецкий языки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006 // Человек и наука [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/strukturno-tipologicheskie-i-leksiko-semanticheskie-parametry-literaturnoy-skazki-dzhrouling-i-resursy-ih-peredachi-na-r#2> (дата обращения: 25.03.2015).
4. Головнин И.В. Грамматическая категория социально-личностных отношений. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 325 с.
 5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
 6. Казакова Т.А. Практические основы перевода: учебное пособие. СПб.: Лениздат; Изд-во "Союз", 2000. 320 с.
 7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
 8. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. 253 с.
 9. Словарь-справочник лингвистических терминов / Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 399 с.
 10. Томашевский Б.В. Стилистика. Л.: Просвещение, 1983. 184 с.
- Источники языкового материала:*
11. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень: Роман / Пер. с англ. И.В. Оранского. М.: ООО "Изд-во "РОСМЭН-ПРЕСС", 2002. 399 с.
 12. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и волшебный камень / Перевод М. Спивак // Библиотека OCR Альдебаран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aldebaran.com.ru/> (дата обращения: 25.03.2015).
 13. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury, 1997. 332 p.
 14. Rowling J.K. Harry Potter und der Stein der Weisen. Hamburg: Carlsen Verlag, 2000. 335 s.

УДК 72:81

Овакимян А.Д.*Московский государственный областной университет***ТЕРМИНОСИСТЕМА НАИМЕНОВАНИЙ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ
В РУССКОМ, АРМЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Культурные сооружения всегда играли и продолжают играть важную роль в обществе. Рассмотрение и сопоставление наименований христианских культовых сооружений необходимо для установления специфических и общих черт, присущих русскому, армянскому и английскому языкам. Исследуемые термины каждого языка представлены разными количествами, отличаются по происхождению, но, тем не менее, имеют некоторые «точки соприкосновения». В статье также приводятся наиболее адекватные способы перевода терминов, относящихся к изучаемой сфере.

Ключевые слова: культовые сооружения, перевод, суффикс, этимология.

A. Novakimyan*Moscow State Regional University***TERM SYSTEM OF RELIGIOUS ARCHITECTURE DENOMINATIONS
IN RUSSIAN, ARMENIAN AND ENGLISH**

Abstract. The places of worship have always played an important role in society. Review and comparison of ecclesiastical building denominations are necessary for the specification of general and different features in Russian, Armenian and English. The terms of each language are represented in different quantities, they are of different origin, but nevertheless they have certain common points. The article presents the most appropriate ways of translating terms relating to the study area.

Key words: ecclesiastical buildings, translation, suffix, origin.

Монастыри, обители, лавры, святилица, скиты, пустыни, соборы, церкви, храмы, часовни, капеллы и аббатства являются христианскими религиозными сооружениями. Такое разнообразие слов, обозначающих культовые здания, обнаруживается только в русском языке. Чаще всего различия между вышеперечисленными словами, имеющими, в свою очередь, много синонимов, непонятны. В этой связи будет целесообразным дать объяснение этих слов и различий между ними, а

© Овакимян А.Д., 2015.

также найти наиболее адекватный вариант их перевода в русском, английском и армянском языках.

Если проверить перевод основных наименований христианских культовых сооружений в наиболее современных источниках, на сайтах «<https://translate.google.com/#ru/hy/>» [2] (здесь мы можем увидеть наиболее часто употребляемый термин) и «<http://www.lingvo.com>» [4], то становится очевидно, что он должен выглядеть следующим образом: *монастырь* – վանք [vanq], monastery; *собор* – լիցքը [licq]

[mayr tatwar], cathedral; *церковь* – եկեղեցի [ekegheci], church; *храм* – տաճար [tatwar], temple; *часовня* – մատուռ [matur’], chapel; *капелла* – մատուռ [matur’], choir (chapel); *аббатство* – վանք [vanq], abbey (abbacy).

На первый взгляд всё представляется простым и понятным, но английское слово *temple* не применимо к христианским культовым сооружениям. *Аббатство* и *монастырь* при переводе на армянский язык имеют один и тот же вариант – *վանք* [vanq]. То же самое можно сказать и о *часовне* и *капелле*, которые передаются на армянский язык одним словом – *մատուռ* [matur’]. Целью настоящей работы является установление сходств и отличий в значениях сопоставляемых номинаций христианских культовых сооружений.

Монастырь предназначен для людей, решивших отделиться от мирской жизни, называемых монахами или монахинями. Если это мужской монастырь, то принято говорить о **лавре**. Если же это старообрядческий монастырь, тогда он называется **скитом**. **Пустынь** – это «монастырь, расположенный в безлюдной местности» [3]. **Обитель** может обозначать как монастырь, так и место пребывания кого-либо.

Если мы используем в своей речи русское слово «монастырь», то имеем в виду церковь, жилые помещения и территорию, принадлежащие религиозной общине. Армянское слово *վանք* [vanq] подразумевает не только вышеперечисленные владения, но и семинарию и книгохранилище.

Монастырь на армянский язык может быть передан как վանք [vanq], տաճարաբնակարան [abeghayaran], տաճարան [abeghanoc], միաբնակարան [miaynanoc], մենարան [menaran],

միանձնակարան [miand’nanoc], կրոնաստան [kronastan], կրոնավորանոց [kronavoranoc], կրոնավորաստան [kronavorastan], կրոնարան [kronaran], monastery.

В английском языке термину **monastery** соответствуют 5 синонимов, касающихся христианских культовых сооружений – *cloister, abbey, convent, friary, priory*. Укажем случаи, в которых употребляется тот или иной термин. **Monastery** определим как наиболее адекватный способ перевода слова **монастырь**. Слово **cloister**, которое на русский язык часто переводится как *клуатр*, то есть ‘открытое пространство, окружённое аркадами на территории, принадлежащей католическому религиозному сооружению’, может также обозначать женский или мужской монастыри. **Abbey, аббатство** – это монастырь, управляемый аббатом (почётный католический церковный титул) или аббатисой. Если монастырём управляет аббатиса, то на английский язык его следует передавать как **convent**. Термин **convent** был ранее применен по отношению и к женским, и к мужским монастырям, но в современном английском языке он чаще всего обозначает женский монастырь, женское аббатство.

Priory, приорат – небольшой монастырь, подчинённый аббатству. **Friary** – мужской монастырь, в котором живут члены нищенствующих орденов Римской католической церкви, существующих только благодаря милостыне (францисканцы, кармелиты, доминиканцы, августинцы) и основанных в XIII в. Согласно данному определению, мы не можем переводить русское *лавра*, применяемое только по отношению к некоторым крупным православным мужским монастырям, как

friary или *եղբայրանոց* [eghbayranoc], несмотря на то, что корни обоих слов имеют одно значение – ‘брат’. *Friary* происходит от старофранцузского *frairie* / *брат*, а *եղբայր* [eghbayr] является исконно армянским словом. Поэтому наиболее оптимальными вариантами перевода здесь выступают *lavra* или *laura*, *լավրա* [lavra]. *Friary* и *եղբայրանոց* [eghbayranoc] на русский язык стоит переводить как *мужской монастырь*, при необходимости указывая более детальную информацию о служителях церквей. Возможны вари-

анты транслитерации и транскрипции.

Интересно, что в армянском языке нет термина, обозначающего женский монастырь. Это связано с тем, что ещё до IV в. н. э. «царь Пап приказал закрыть их, считая, что женщины должны выходить замуж, а не уединяться от мира, посвящая свою жизнь Богу» [1].

Следует отметить, что среди синонимов армянского наименования, обозначающего монастырь (**վանք** [vanq]), часто встречаются слова, оканчивающиеся на суффиксы *-արան* [aran] и *-անոց* [anoc] (см. табл. 1).

Таблица 1

Синонимы армянского слова **վանք** [vanq], обозначающего монастырь, с суффиксами *-արան* [aran] и *-անոց* [anoc]

Слова с суффиксом <i>-արան</i>	Слова с суффиксом <i>-անոց</i>
աբեղայարան [abeghayaran]	աբեղանոց [abeghanoc]
աբբայարան [abbayaran]	միանձնանոց [mianďnanoc]
կրոնարան [kronaran]	կրոնավորանոց [kronavoranoc]
մենարան [menaran]	պարկեշտանոց [parkeshtanoc]

Значения английского *monastery* и русского *монастырь* почти полностью совпадают, но существует другое, устаревшее, значение слова *монастырь* – «закрытое учебное заведение при женском монастыре (для девушек). *Смольный м.* (привилегированное среднее женское закрытое учебное заведение, учреждённое в 18 в. в Петербурге; позднее – Смольный институт)» [3].

Статус собора / *cathedral* в англиканстве храм получает в зависимости от того, находится или находилась ли там кафедра епископа или архиерея. В православии, как и в ААЦ, собором может именоваться также главный христианский храм монастыря или города.

Укажем, что имеющийся на сайте «<https://translate.google.com/#ru/hy/>»

[2] (использованном в связи с тем, что в его списке переводимых языков есть армянский) перевод слова *собор* как *մայր տաճար* [mayr tatwar] на армянский язык не является правильным, поскольку данное словосочетание, так же, как и словосочетание *մայր տաճար* [mayr aťor’], у армян ассоциируется с одним-единственным собором в Армении – Эчмиадзинским. Таким образом, более точным переводом лексемы *собор* представляется *մայր եկեղեցի* [mayr ekegheci], *կաթողիկէ* [katoghike], *տաճարային եկեղեցի* [aťor’anist ekegheci] или *տաճար* [tatwar]. Термин *կաթողիկէ* [katoghike] применим также к католическим соборам.

И здесь вновь можно отметить частое присутствие суффиксов *-արան*

[aran] и -ւնց [anoc], служащих для обозначения места или помещения (см. Табл. 2). Эти суффиксы сино-

нимичны словам տուն [tun] / дом, սենյակ [senyak] / комната, սրահ [srah] / зал.

Таблица 2

Армянские слова, обозначающие религиозные сооружения, с суффиксами -արան [aran] и -ւնց [anoc]

Слова с суффиксом –արան	Слова с суффиксом –ւնց
սրբարան [srbaran] церковь, святое место	նվիրանց [nviranoc]
աղոթարան [aghot'aran] церковь, храм (досл. место для молитвы)	աղոթանց [aghot'anoc] церковь, храм
ժողովարան [jhoghovan] церковь (досл. место для собраний)	ժողովանց [jhoghovanoc]
խորհրդարան [xohrdaran] церковь (досл. место для советов)	
քահանայարան [qahanayan] церковь, священное место	
բաղարան [bagaran] часовня	

При обозначении сакрального сооружения в армянском языке часто к словам добавляется корень տեղ [tegh] / место и տուն [tun] / дом: նվիրատուն [nviratun], ժամ(ս)-տուն [jham(a)-tun] – часовня; սրբատուն [srbatun], ժողովատուն [jhoghovatun] – церковь; ժամատեղ [jhamategh] – церковь; ժամատեղի [jhamateghi], ուխտատեղ [uxtategh] – церковь (дословный перевод – место для паломничества). Встречаются также случаи аналитического (раздельноформленного) использования слова տուն [tun] / дом: աղոթքի տուն [aghot'qi tun] – молитвенный дом, աստճու տուն [ast'c'u tun] – Божий дом, տերունական տուն [terunakan tun] – Божий дом. Следует отметить, что данное явление свойственно и английскому, и русскому языкам: *Божий дом, молитвенный дом, house of God, house of prayer, house of worship, Lord's house.*

В конечном итоге, перевод исследуемых терминов должен выглядеть следующим образом: монастырь – վանք [vanq], արևանց [abeghanoc] – monastery; обитель – մենարան [menaran] – cloister; лавра – լավրա [lavra] – lavra, laura; святилище – սրբարան [srbaran], տաճար [tatwar] – sanctuary, holy place; скит – նգնարան [twgnaran] – skete; пустынь – անապատ [anapat] – proustinia; собор – մայր եկեղեցի [mayr ekegheci], աթոռանիստ եկեղեցի [at'or'anist ekegheci] – cathedral, bishop's seat; церковь – եկեղեցի [ekegheci] – church; храм – տաճար [tatwar] – temple; часовня – մատուռ [matur'] – chapel; капелла – կապելլա [kapella] – chapel; аббатство – արքայարան [abbayaran], արքայություն [abbayutyun] – abbey; мужской монастырь – եղբայրանց [eghbayranoc] – friary; женский монастырь – nunery.

Теперь перейдем к этимологическим характеристикам вышеперечисленных терминов.

Данные обозначения, должно быть, появились одними из первых в языке, поскольку для распространения религии необходимо строительство церквей.

Важно отметить, что среди анализируемых терминов наиболее подробную информацию об их этимологических данных можно обнаружить в английском языке: используя словарь-онлайн «<http://dictionary.reference.com/>» [5], мы можем проследить время и всю цепочку заимствований.

В английском языке первыми (до 900 года) появились термины *church*, *shrine*, *minster*, *house*, *God* (в словосочетании *house of God*) и *temple* (до 1000 года). В 1175–1225 – *chapel* и *convent*. В XIII в. – *abbey*, *cathedral*, *cloister*, *chancel*, *parish*, *tabernacle*, *priory*, *prayer* (*house of prayer*). К XIV в. относятся такие термины, как *monastery*, *friary*, *sanctuary*, *chantry*, *fold*. Слова *basilica*, *bethel*, *mission*, *oratory* датируются XVI–XVII вв.

Далее в тексте в скобках отмечается количество заимствованных или исконных слов.

Значительная часть слов (12), обозначающих христианские культовые сооружения в английском языке, были заимствованы из латинского: *monastery*, *convent*, *priory*, *cathedral*, *sanctuary*, *shrine*, *temple*, *basilica*, *fold*, *mission*, *oratory*, *tabernacle*. Заимствования из французского языка (8) также имеют место: *cloister*, *abbey*, *friary*, *chapel*, *chancel*, *parish*, *chantry*, *prayer*. Есть одно заимствование из греческого (1) – *church* и одно из иврита (1) – *bethel*, значащее *Божий дом*.

Слова *minster* / *монастырь*, *house* / *дом*, *God* / *Бог* происходят из староанглийского языка, и их можно назвать исконными.

Далее рассмотрим термины армянского языка, которых намного больше по сравнению с количеством терминов русского и английского языков [7].

Значительное количество терминов (8) армянского языка, происхождение которых удалось выяснить, являются исконными: *միայնանոց* [miaɣnanoc], *մայր* [mayr] (в словосочетании *մայր տաճար* [mayr tatwar]), *եղբայրանոց* [eghbayranoc], *միանձնանոց* [miand'nanoc], *տուն* [tun], *տեղ* [tegh], *կրոնաստան* [kronastan], *կրոնավորանոց* [kronavoranoc], *խաչդուր* [xachdur'], *սուրբ* [surb] (в словосочетании *սրբատուն* [srbatun]).

В армянском языке большая часть заимствований (6) произошла из семитских языков до VII века нашей эры: *անապատ* [anapat], *ծամ* [jham], *նիստ* [uxt] (в словосочетании *նիստատեղ* [uxtategh]), *մեհյան* [mehyan], *բաղարան* [bagaran], *բաղին* [bagin]. Слово *տաճար* [tatwar] (1) было заимствовано из древнеперсидского языка, соответственно, заимствование могло произойти до III в. до н. э.

Из иранских языков заимствованы (4) *վան* [van], *առուշան* [atrushan], *պաշտել* [pashtel] (в словосочетании *պաշտամունքաին շինություն* [pashtamunqain shinutiun]), *խորան* [xoran].

Из греческого языка имеются 3 заимствования (3) в исследуемой области: *կաթողիկե* [katoghike], *եկեղեցի* [ekegheci], *աբբայարան* [abbayaran].

Из ассирийского – одно слово (1): *աբեղայարան* [abeghayaran] от *ассир.* *abila*, *awila* – *грусть*, *печаль*.

Происхождение далеко не всех армянских слов удалось выяснить. В основном мы исходили из информации, содержащейся в «Этимологиче-

ском коренном слове армянского языка», т. 1–4, – Ер (автор Р.А. Ачарян, Издательство Ереванского университета, 1971–79 гг.) [6]. Происхождение таких слов, как *ժողով* – *собрание* (в терминах *ժողովաւոր* [jhoghovatur], *ժողովարան* [jhoghovaran], *ժողովանոց* [jhoghovanos]), *աղոթք* [aghot'q] – *молитва* (в терминах *աղոթարան* [aghot'aran], *աղոթանոց* [aghot'anoc], *աղոթատեղի* [aghot'ategh]), *դավանարան* [davanaran], *կրատան* [kr'atun], *տեր* [ter] (в словосочетании *տերունակարան* [terunakanaran] / *Божий дом*), *խորհրդատան* [xorhrdatun] – *церковь*, *վանարան* [vanaran] – *храм*, не было установлено.

Среди терминов русского языка тоже обнаружены исконные слова (4), берущие своё начало из старославянского: *обитель*, *пустынь*, *храм*, *часовня*.

Большая часть заимствований происходила из греческого языка (4): *монастырь*, *лавра*, *скит*, *собор*. Имеется одно заимствование из итальянского языка – *капелла*.

Обнаружено одно заимствование из церковнославянского словосочетания – *молитвенный дом* (в словосочетании *молитвенный дом*) и одно из латинского – *аббатство*. Общеславянскими являются слова *Бог* (в словосочетании *Божий дом*), *дом*, *храм*, *святилище*.

В заключение следует отметить, что большее количество терминов в данном пласте лексики было обнаружено в армянском языке: в целом анализе подверглись 102 слова и словосочетания, из которых 63 было обнаружено в армянском языке, 26 в английском и 13 в русском языке.

Терминология каждого языка имеет отличительные и схожие черты, которые были подробно описаны в

работе. Заимствования из греческого и латинского были обнаружены, но их количество сравнительно мало. Если быть точнее, то в английском языке было обнаружено 12 слов, заимствованных из латинского языка (*monastery* / *монастырь*, *convent* / *женский монастырь*, *priory* / *приорат*, *cathedral* / *собор*, *sanctuary* / *алтарь*, *shrine* / *церковь*, *temple* / *храм*, *basilica* / *церковь*, *fold* / *церковь*, *mission* / *церковь*, *oratory* / *церковь*, *tabernacle* / *церковь*) и 1 – из греческого *church* / *церковь*. В русском языке имеется 4 заимствования из греческого (*монастырь*, *лавра*, *скит*, *собор*), а в армянском – 3 заимствования из греческого (*կաթողիկէ* [katoghike] / *католическая церковь*, *եկեղեցի* [ekegheci] / *церковь*, *աբայարան* [abbayaran] / *аббатство*). В целом, из языков-эталон в данном лексическом пласте было обнаружено ровно 20 заимствований. Греческий язык является наиболее «популярным» при заимствовании исследуемых единиц в русском и армянском языках. В английском же преобладают заимствования из латинского языка, что объясняется историческими причинами: Армения и Россия имели более тесные связи с Византией, тогда как в Англию христианство пришло благодаря католическим миссионерам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнян Л.В. Догматико-культурные особенности Армянской Апостольской церкви. [Электронный ресурс]. URL: http://www.karabah88.ru/history/raznoe/09_dogmatiko-kultovye_osobennosti_armianskoy_apostolskoy_cerkvi.html (дата обращения: 01.09.2014).
2. Переводчик Google. [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.google.com/#ru/ru/>. (дата обращения: 20.07.2014).

3. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://formaslov.ru/> (дата обращения: 20.07.2014).
4. ABBYY Lingvo. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo.com/> (дата обращения: 20.07.2014).
5. Dictionary.com – Free Online English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения: 20.07.2014).
6. Աճառյան Հո. Հայերեն արմատական բառարան, 2 հատոր. Երևանի Համալսարանի Հրատարակչություն, Երևան, 1973. 688 էջ.
7. Թորամանյան Արշավիր: Ճարտարապետական պատկերազարդ բառարան. Երևան: Անահիտ, 2007. 276 էջ.

УДК 81`27

Осипова А.А.*Московский педагогический государственный университет***БИБЛИЯ КОРОЛЯ ИАКОВА И СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД:
ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка сопоставить некоторые особенности создания и функционирования двух наиболее значимых версий Священного Писания на английском и русском языках: Библии короля Иакова (1611 г.) и Синодального перевода (1876 г.). Сравнительный анализ текстов позволяет заключить, что, несмотря на хронологическую отдалённость обоих памятников друг от друга и отсутствие их непосредственной генетической связи, между ними можно выявить определённые типологические параллели в истории их создания и в лингвокультурных особенностях.

Ключевые слова: Библия короля Иакова, Синодальный перевод, Священное Писание, лингвокультурный, типологический, создание.

A. Osipova*Moscow State Pedagogical University***KING JAMES BIBLE AND SYNODAL TRANSLATION:
AN ATTEMPT OF LINGUOCULTURAL COMPARISON**

Abstract. The present paper aims to compare some aspects, connected with the history of creation and functioning of the two main versions of Holy Writ in English and Russian Languages: King James Bible (1611) and Synodal Translation (1876). Although chronologically these written monuments are far apart and there are no direct genetic links between them, some typological parallels may be postulated, both in the history of their creation and in their linguocultural characteristics.

Key words: King James Bible, Synodal Translation, Holy Writ, linguocultural, typological.

Оценивая роль Синодального перевода Библии, вышедшего в свет в 1876 г., отечественные исследователи нередко сравнивают его со знаменитой английской Библией короля Иакова (King James Bible / Authorized Version), появление которой относится к гораздо более раннему периоду (1611 г.). Причём, сравнение это может сопровождаться достаточно критическим отношением к основной русской версии Священного Писания. Показатель-

© Осипова А.А., 2015.

на в этой связи позиция известного современного библеиста М.Г. Селезнёва, руководившего работой над передачей книг Ветхого Завета в так называемом Современном русском переводе Библии (2011 г.), существенно отличающемся от Синодального. Отмечая ряд недостатков последнего («... проблемы с пониманием синодальной Библии, несомненно, есть. Особенно Ветхого Завета. В нашей Церкви исключительно редко встречаются люди, которые прочитали бы весь Ветхий

Завет. Отчасти это связано с объёмом ветхозаветного канона, отчасти – со сложностью текстов для понимания, но отчасти – с очень тяжёлым языком перевода, который безо всякой нужды затемняет то, что в оригинале сказано вполне ясно» [9]), он, тем не менее, констатирует: «Синодальный в России (не де-юре, а де-факто) имеет статус общенационального перевода, как Лютеровская Библия в Германии или King James Version для англоязычных стран. Этот статус – показатель того, что перевод вошёл в жизнь народа и Церкви. Такой статус переводу не могут присвоить ни переводчики, ни издатели» [9]. Аналогичное суждение находим и у другого автора Современного перевода – А.Э. Графова. Он весьма критично отзываясь о Синодальном переводе: «... Язык Синодального перевода очень скверный. Дело не в том, что он «устаревший», ничего подобного. Как говорили люди во второй половине XIX в., известно из русской классики. Язык Синодального перевода – это искусственно созданный «синадальный» язык, на нём не говорил никто никогда» [3]. Вместе с тем автор процитированных слов оговаривает: «... Это наша национальная Библия... Кстати, моя настольная Библия – синодальная [3]», – подчёркивая при этом: «Библия в России – это синодальный перевод 1876 года. Последние 120 лет синодальная Библия, как никакой другой текст на русском языке, формировала в России сознание поколений: её читали сорок лет до революции и, несмотря ни на что, – после революции. Учитывая скорость, развитую российской историей в XX в. – веке, в котором год можно засчитывать за три, было бы справедливо смотреть

на синодальную Библию как на литературный памятник не менее древний, чем четырёхсотлетняя Библия короля Иакова» [2]. Число таких высказываний можно легко умножить.

Однако, на наш взгляд, помимо такого – если можно так выразиться – «общекультурного» сходства между двумя упомянутыми версиями Священного Писания, есть основания утверждать о наличии более конкретных лингвокультурных параллелей между ними. Мы предприняли попытку осветить некоторые из них, не претендуя, конечно, ни на исчерпывающий характер предлагаемых сопоставлений, ни на их бесспорность.

Подчеркнём, что речь не идёт о какой-либо прямой генетической связи между Синодальным переводом и Библией короля Иакова, хотя бы потому, что последняя, естественно, никак не может считаться источником первой. В то же время в специальной литературе неоднократно отмечалась преемственность между Синодальным переводом и деятельностью Российского Библейского Общества начала XIX столетия: «Сравнительный анализ переводов Нового Завета РБО и Синодального позволяет исследователям утверждать их генетическую связь. Переводной Комитет Санкт-Петербургской Академии в своих трудах по переводу Ветхого Завета имел возможность опираться на Восьмикнижие РБО <...> Во всяком случае, в Синодальном Ветхом Завете был использован тот же принцип перевода, что и в Восьмикнижии РБО» [11]. Не углубляясь в вопрос о том, насколько тесно связаны первый и второй друг с другом, напомним только, что создавалось Российское Библейское Обще-

ство при непосредственном участии и по образцу британского, а следовательно, едва ли можно исключить, что и при создании русской Библии опыт работы над Библией английской мог в определённой степени учитываться. Более того, как раз в период создания Библии РБО М.М. Сперанский, отрицательно относившийся к самой идее использования русского языка при переводе Священного Писания и рекомендовавший дочери читать его по-церковнославянски, оговаривал: «В местах или словах затруднительных тебе легко определять их значение по-английскому» [7, с. 248] (то есть всё по тому же тексту Библии короля Иакова).

Особенно значимым, на наш взгляд, представляется изучение некоторых аспектов истории создания каждого из названных переводов. По замечанию О.В. Сушковой, «можно сопоставить появление классического общепризнанного перевода Библии на английский язык (AV/KJV) и Синодального перевода. Безусловный авторитет первого, правда, едва ли сравним с влиятельностью второго. Но аналогию между двумя главными переводами Писания на английский и русский языки всё же можно провести» [10]. Указанные моменты в определённой степени должны были сказаться на языковых и стилистических особенностях текста.

Во-первых, оба труда носили подчеркнuto *коллективный* характер. Разумеется, в той или иной степени большинство переводчиков библейских книг пользовались трудами предшественников (если таковые наличествовали) и консультациями помощников-современников. Но если

немецкая Библия в Германии прочно ассоциируется с именем Мартина Лютера (Lutherbibel), то имена сорока семи создателей текста Библии короля Иакова относительно мало известны даже большинству специалистов – в отличие от имён таких их предшественников, как У. Тиндейл или Томас Кранмер. Даже цитируя предисловие к Authorized Version, содержащее изложение теоретических принципов, которыми руководствовались её создатели, мало кто вспоминает, что у этого документа был и вполне конкретный составитель – Майлс Смит (Miles Smith), впоследствии – епископ Глостерский (сопоставим с историей создания Синодального перевода). Персоналии Герасима Павского или архимандрита Макария (в миру – Михаила Яковлевича Глухарёва), не говоря уже о прославленном митрополите Московском святителе Филарете, знакомы всем, в той или иной степени соприкасавшимся с историей русской Библии. Однако, например, о сыгравшем весьма большую роль в создании ветхозаветной части Синодального перевода Д.А. Хвольсоне широкой публике (даже имеющей филологическое образование) известно гораздо меньше.

Во-вторых, создателями памятников были не только (а во многих случаях – даже, возможно, не столько) переводчики в собственном смысле слова, а те, кого в старину именовали «справщиками», т. е. редакторами и «исправителями» предыдущих версий. О создателях Синодального перевода мы упоминали выше. Кроме того, некоторые современные представители Российского Библейского Общества склонны отрицать какой бы то ни было

самостоятельный характер Синодального перевода, о чём свидетельствуют слова нынешнего исполнительного директора РБО: «Если сравнить перевод РБО с Синодальным, то эти тексты совпадают примерно на 98 %. Синодальный перевод фактически является неглубокой редакцией перевода РБО, во всяком случае, был создан на его основе» [1]. Такая оценка перевода представляется излишне односторонней, на что обратил внимание А.С. Десницкий: «За основу были приняты уже существующий перевод Нового Завета и подготовленные тексты Ветхого, но все они подвергались самым серьёзным исправлениям, так что фактически нужно говорить о появлении нового перевода, а не просто о редакции старых» [5]. Что касается Библии короля Иакова, в предисловии к ней подчёркивается преемственность с предшественниками – и более того, её создатели вообще расценивают свой труд лишь как улучшение того, что было создано ранее (вероятно, не без иронии отмечая, что отрицание заслуг предшественников свидетельствует в пользу утверждений папы римского о том, что «их соотечественникам давали драконью желчь вместо вина и сыворотку вместо молока»): «... say we, that we are so far off from condemning any of their labors that travailed before us in this kind, either in this land or beyond sea, either in King Henry's time or King Edward's (if there were any translation or correction of a translation in his time), or Queen Elizabeth's of ever renowned memory, that we acknowledge them to have been raised up of God, for the building and furnishing of his church, and that they deserve to be had of us and of posterity in everlasting remembrance... Truly,

good Christian reader, we never thought from the beginning, that we should need to make a new translation, nor yet to make of a bad one a good one (for then the imputation of Sixtus had been true in some sort, that our people had been fed with gall of dragons instead of wine, with whey instead of milk); but to make a good one better, or out of many good ones, one principal good one, not justly to be excepted against. That hath been our endeavor, that our mark» [15].

Отсюда вытекает ещё одна – с нашей точки зрения, наиболее важная параллель между Библией короля Иакова и Синодальным переводом. Мы уже отмечали выше, что хронологически они отстоят друг от друга более чем на два с половиной столетия. В то же время оба памятника, опиравшиеся на предыдущие версии, в ряде моментов отражали предшествующий период развития соответствующего языка: Authorized Version, в основу которой легли, в первую очередь, переводы Уильяма Тиндейла, относится к XVI столетию, когда формировался новоанглийский литературный язык, причём до того, когда началась деятельность У. Шекспира; Синодальный перевод, использовавший труды Российского библейского общества, создан в начале XIX в., когда протекал процесс становления русского литературного языка, до эпохи творчества А.С. Пушкина. Иными словами, являясь формально-хронологически «постшекспировскими» («постпушкинскими») произведениями, фактически они во многом предшествовали последним, т. е. неизбежно имели некоторую степень архаизации по отношению к языку своего времени (началу XVII века – для английского, последней

трети XIX столетия – для русского). В отношении Синодального перевода указанное явление неоднократно отмечалось в специальной литературе, наиболее ярко проявившись в известном утверждении И.Е. Евсеева: «Язык этого перевода тяжёлый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век: это совершенно недопустимый в литературе язык ещё допушкинского времени, не скрашенный притом ни полётом вдохновения, ни художественностью текста» [6]. В свою очередь, на определённую архаичность языка Библии короля Иакова по отношению к эпохе её создания указывали английские исследователи: «The English spoken by William Tyndale in the 1520s differed significantly from that spoken in London in the 1610s. The passage of time across these two generations brought about significant changes in written and spoken English. In certain respects, Tyndale's English would have sounded more than a little archaic at the court of St. James in 1611. Yet... translation rules had the (presumably) unintended effect of locking the translators... into many of the verbal habits of earlier generations. As a result, Tyndale's English remained a presence in every subsequent English translation of the Bible» [13].

При оценке языковых и стилистических характеристик Библии короля Иакова преобладают – в значительной степени, в отличие от Синодального перевода – не критические, а восторженно-апологетические оценки как «величайшего из английских переводов». Причём высказывают их нередко даже убеждённые атеисты. Так, в середине прошлого века известный американский философ-марксист Б. Данэма

утверждал, что «английская Библия приобрела в официальном варианте 1611 г. её нынешнее совершенство – как по красоте слога, так и по силе выразительности. Нет другой такой книги, кроме, пожалуй, немецкой Библии Лютера, которая так гармонично объединяла бы дух языка с духовной природой тех, кто пользуется этим языком. Не будь у других наций своих классиков литературы, они, пожалуй, могли бы ещё как-то изъясняться на своём языке, но мы, люди, говорящие по-английски, были бы совершенно немыми, не будь у нас Библии короля Якова» [4]. Однако этот перевод получил гораздо менее восторженные отзывы. Наиболее известна оценка знаменитого английского писателя Сомерсета Моэма: «Мне думается, что Библия короля Иакова оказала пагубное влияние на английскую прозу. Я не так глуп, чтобы отрицать её красоту. Она величественна. Но Библия – восточная книга. Образность её нам бесконечно далека. Эти гиперболы, эти сочные метафоры чужды нашему духу... Её ритм, мощь её словаря, её высокопарность вошли в кровь и плоть нации. Простая, честная английская речь захлебнулась во всевозможных украшениях. Туповатые англичане вывихивали себе язык, стремясь выражаться, как иудейские пророки» [8].¹

¹ В оригинале: «To my mind King James Bible has been a very harmful influence on English prose. I am not so stupid as to deny its great beauty. It is majestic. But the Bible is an oriental book. Its alien imagery has nothing to do with us. Those hyperboles, those luscious metaphors, are foreign to our genius... Those rhythms, that powerful vocabulary, that grandiloquence, became part and parcel of the national sensibility. The plain, honest English speech was overwhelmed with ornament. Blunt Englishmen twisted tongues to speak like Hebrew Prophets» (цит. по: [14, p. 415]).

Всё вышеуказанное не отрицает глубоких различий между принципами, лежащими в основе двух рассматриваемых версий. Эти различия в значительной степени обусловлены тем, что создатели Синодального перевода должны были, с одной стороны – поскольку речь шла о передаче Ветхого Завета – опираться не только на собственно еврейский текст, но и на греческую Септуагинту (принцип «с еврейского под руководством греческой Библии»), а с другой – не допустить разрыва с церковнославянской (Елизаветинской) Библией, поскольку церковнославянский оставался (и остаётся до сих пор) языком богослужения Русской Православной Церкви. Это обстоятельство оказало существенное влияние на язык Синодального перевода, о чём писали многие исследователи (подробнее см. [12]). Однако, как убеждает проведённый анализ, сопоставительно-типологическое изучение Библии короля Иакова и Синодального перевода представляет большой исследовательский интерес и заслуживает глубокого и всестороннего изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Выступление Исполнительного директора РБО на Втором конгрессе Всероссийского содружества евангельских христиан и на конференции Российской Церкви ХВЕ14-05-2011 // Российское библейское общество. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblia.ru/news/show/?441> (дата обращения: 28.12.2014).
2. Графов А.Э. Из книги псалмов. От переводчика: Цивилизация Библия Псалмы. // Христианское просвещение. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.messia.ru/bibliotk/g/grafov/psalm1.htm> (дата обращения: 28.12.2014).
3. Графов А.Э. Текст – это ценность, которая живёт внутри нас // Кифа, 01.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/4931/> (дата обращения: 28.12.2014).
4. Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли // Библиотека Якова Кротова. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/an/em_11.htm (дата обращения: 02.11.2014).
5. Десницкий А.С. Синод и Библия. // Православный журнал «Фома». [Электронный ресурс]. URL: <http://foma.ru/sinod-i-bibliya.html> (дата обращения: 28.14.2014).
6. Евсеев И.Е. Собор и Библия. // Материал из Википедии свободной библиотеки. [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80_%D0%B8_%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%8F_\(%D0%95%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2\)](http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80_%D0%B8_%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%8F_(%D0%95%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2)) (дата обращения: 28.12.2014).
7. Корсунский И. О подвигах Филарета, митрополита Московского в деле перевода Библии на русский язык. Историко-критическое исследование. М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1883. С. 215–666.
8. Моэм С. Подводя итоги / Перевод Л.Г. Беспаловой и И.С. Стам. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marsexh.ru/moem-itogi.html> (дата обращения: 26.12.2014).
9. Селезнёв М.Г. Переводу нужен диалог с читателем // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 8.11.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1668657.html> (дата обращения: 28.12.2014).
10. Сушкова О.В. И тыква, и плющ, и Лоза виноградная // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал, № 48. [Электрон-

- ный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/church-and-time/164> (дата обращения: 28.12.2014).
11. Тихомиров Б.А. К истории отечественной Библии // Портал Credo.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1379> (дата обращения: 28.12.2014).
 12. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Лингвокультурные аспекты межъязыковой передачи библейского текста. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 200 с.
 13. Mc Grath A. The King James Bible and late Tudor translation theories. // Religion and Ethics. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.net.au/religion/articles/2011/06/10/3240698.htm> (дата обращения: 27.12.2014).
 14. Norton D. A History of the English Bible as Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 486 p.
 15. The Translators to the Reader. Preface to the King James Version 1611. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ccel.org/bible/kjv/preface/pref1.htm> (дата обращения: 28.12.2014).

УДК 81–112.2

Остапенко О.Г.*Московский государственный областной гуманитарный институт***ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ РУССКИХ
И АНГЛИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВ
И ТИТУЛОВ XVI–XVII ВЕКОВ**

Аннотация. В статье исследуется специфический аспект практики перевода ранних русских и английских терминологических единиц административной и общественно-политической сфер. Автор изучает особенности передачи на английский язык русских наименований государственных чинов и титулов XVI–XVII веков и английских – на русский. В основе исследования лежит административная и общественно-политическая лексика русских царских и английских королевских грамот XVI–XVII веков. Проведя сравнительно-сопоставительный анализ переводов указанных терминологических единиц в XVII и в XIX веках, автор приходит к выводу о том, что их характерной чертой является вариативность и неоднозначность, вызванная отсутствием чётких соответствий в русском и английском языках.

Ключевые слова: титул, государственный чин, социальный статус, царская грамота, терминологическая лексема, эквивалент перевода, контекстуальная интерпретация.

O. Ostapenko*Moscow State Regional Institute of Humanities***PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF RUSSIAN
AND ENGLISH STATE TITLES IN XVI–XVII CENTURIES**

Abstract. The paper reveals a specific aspect of translating early Russian and English terminological units which belong to the administrative and socio-political spheres. The author studies the peculiarities of rendering state ranks and titles of the XVI–XVII centuries from Russian into English and from English into Russian. The material under study is administrative and socio-political vocabulary of the charters exchanged between the Russian Tsar and the English Queen in the XVI–XVII centuries. Having conducted comparative research into the translations of these terminological units in the XVII and XIX centuries, the author comes to the conclusion that their characteristic feature is the variability and ambiguity caused by the lack of clear Russian and English correspondences.

Key words: title, state rank, social status, Imperial commendation, terminology lexemes, equivalent of translation, contextual interpretation.

С конца XVI в. между Россией и Англией завязывается активная деловая переписка, главным образом между Иваном IV и королевой Елизаветой. В

© Остапенко О.Г., 2015.

этих документах содержатся не только ценные сведения по истории взаимоотношений русского и английского государств того периода, но и не менее важная лингвистическая информация

о развитии русского и английского языков и их взаимовлияния.

В центре нашего внимания – особенности перевода на английский язык русской административной и общественно-политической лексики XVI–XVII вв., встречающейся в грамотах русского царского и английского королевского дворов, а именно группа наименований государственных чинов и титулов на Руси того времени. Эта группа лексики вызывала определённые трудности при переводе на английский язык. Главным образом они были обусловлены тем, что в Московском государстве в XVI–XVII вв. наблюдалась чрезвычайная раздробленность общественного деления. Иерархических разрядов было так много, что даже историки затрудняются составить их полный и точный перечень. На протяжении XVI–XVII вв. рядом с основными классами или сословиями стали возникать переходные, которые, постепенно закрепляясь в социальной структуре общества, начинают присоединяться к основным, продолжая собственную дифференциацию и выделяя новые переходные слои. Главным основанием для деления классов было различие государственных повинностей. Каждый класс отличался от другого двумя признаками: политическим и экономическим. Политический признак включал специальную повинность, а экономический – имущественное состояние лиц этого класса [1, с. 97]. Иерархические разряды, на которые делилось общество в Московском государстве того времени, назывались чинами. Само же слово *чин* и в старославянском, и в древнерусском языке означало «порядок, степень, должность, собрание» [7, с. 362].

В.О. Ключевский даёт этому понятию следующее определение: «*Чином* в Московском государстве назывался общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствовавшую его экономическому состоянию. Все чины по их хозяйственному и государственному положению делились на: 1) чины служилые; 2) тяглые; 3) нетяглые» [1, с. 98].

Первая группа служилых чинов включала в себя *думные чины*, а именно *бояр, окольных, думных дворян и думных дьяков*. Они имели право участвовать в заседаниях Боярской думы и в работе думских комиссий. Названные чины (точнее – их представители) занимали высшие дворцовые должности, участвовали в дипломатических переговорах, разбирали местнические споры.

Одним из наиболее часто встречающихся служилых чинов в документах русского и английского царских дворов является чин *боярина* (мн. ч. – *бояре*).

По классификации В.О. Ключевского этот чин относится к группе служилых чинов и по существу является высшим государственным чином.

Термин *боярин* в «Словаре по истории России IX–XVII веков» определяется как «высшее (вначале жалованное, позднее наследственное) звание феодалов наряду с великими и удельными князьями, занимающими ведущее место в государственном управлении после великого князя» [3, с. 7].

Перевод этого чина на английский язык имеет несколько вариантов, что, вероятно, явилось следствием различной интерпретации его должностных обязанностей. В XVII в. основным эквивалентом для перевода русского

чина *боярин* было английское слово *counsellor* (*дипломатический советник*). Пример такого перевода находим в грамоте царя Ивана IV к королеве Елизавете:

«А бояре твои оставя то дѣло большое да дѣлали дѣла торговые...» – «And your *counsellors* set aside this great affair...» (1572 г.) [6, с. 150, 155].

«... К нему высылали боярина своего и намѣстника Вологодцкого князя Офонася Ивановича Вяземского...» – «... then wee sent unto him our *counsellor* and captaine of Wologhdaie Duke Afonase Evanovetch Vosemske...» (1570 г.) [6, с. 108, 109].

В то же время в грамотах английской королевы Елизаветы к царю Ивану IV иногда употребляются эквиваленты терминологической лексики *counsellor* – такие, как *lord* – *боярин*, *nobility* (*noble*) – *бояре*; ср.: «... the right honorable our loving cousin the lord Boris Fedorowich and others of your *Nobility*» – «... достойнейший твоего в-ва бояринъ и нашъ любителной племянникъ Борисъ Федоровичъ... с иными вашими бояры» (1588 г.) [6, с. 336, 339]. В этой же грамоте нами зафиксирован другой перевод английского *counsell*, а именно – *советник*: «... that your ma-ty should be satisfied with that which our *counsell* hath done...» – «... чтобъ вашему в-ву было известно, что наши *совѣтники* учинили...» [6, с. 334, 337].

К сожалению, нет возможности сравнить этот перевод с английского языка XIX в., выполненный Ю.В. Толстым, с русским переводом XVII века, так как грамота представлена лишь одним вариантом перевода.

Ю.В. Толстой придерживается перевода лексики *counsell* как *боярин* и в некоторых других грамотах. Эквива-

лент *noble* (*знать*) он переводит русским *сановник*, скорее всего опираясь на контекст, где отражена социальная значимость особы, о которой идет речь в документе; ср.:

«As also that he should have charged diuers of his *nobles* with treason...» – «... а также вызвать обвинение разныхъ его *сановниковъ* въ измѣнѣ» (1567 г.) [6, с. 39, 40].

«Wee Q. Elizabethhe doe subscribe this with our owne hand in the presence of those our *nobles* and *concellors*». – «Мы королева Елисавета подписываемъ оную собственною нашею рукою въ присутствіи нижепоименованныхъ *вельможъ* нашихъ и *совѣтниковъ*» (1570 г.) [6, с. 98, 100].

По-видимому, в Англии русский чин *боярин* больше всего соответствовал английским понятиям *вельможа* (*nobleman*), *советник* (*consellor*), *сановник* (*noble*). Однако для русского читателя XVII в. перевод английских слов *nobleman*, *consellor*, *noble* русской лексемой *боярин* был более понятен, так как это слово широко использовалось не только в деловой, но и в разговорной речи того времени.

Вторая группа чинов (*тяглые*) состояла из *посадских людей* – представителей торгово-промышленного населения, и *уездных людей* – представителей сельского населения. И те, и другие несли на себе государственное тягло – налоги, торговые пошлины и разнообразные натуральные повинности [2, с. 34].

В первую очередь сюда можно отнести чин, часто встречающийся в дипломатической переписке между русским и английским королевскими дворами, а именно *гость* (англ. *marchant / merchant*).

По классификации В.О. Ключевского *гость* относится к *тягловым посадским (московским, в основном) людям*. По своему социальному статусу этот чин являлся на Руси одним из низших. В.О. Ключевский даёт ему следующее определение: «*Гости* – это оптовые торговцы, которые вели дела с другими городами или даже с чужими землями и отличались от торговых людей гостинной и суконной сотен размером капитала» [1, с. 93]. Далее по классификации В.О. Ключевского *гости* делились на собственно *гостей*, *гостинную сотню* и *чёрную слободу*. «*Гости* имели оборотного капитала от 20 до 100 тысяч рублей. Люди чёрных сотен и чёрных слобод составляли массу торгово-промышленного населения столицы, соответствовавшую позднему мещанству» [1, с. 98].

Некоторые переводчики XIX в., имена которых, не упоминаются в исследуемых грамотах, старались придерживаться приведённого выше определения для иностранных купцов и переводили английский термин *merchant* русским эквивалентом *гость*, что, в частности, зафиксировано в переводе грамоты королевы Елизаветы к русскому царю, сделанном переводчиками XIX в. и переписанном Ю.В. Толстым из статейного списка Д. Флетчера (1589 г.) [5, с. 57–71]:

– «...whereof so great complaints are made against our *marchantes*...» – «...в чём великие жалобы учинились на наших *гостей*» (1588 г.) [6, с. 334, 337].

– «First you complain that our *merchants* owe many debts to your treasury...» – «Первое жалуетесь что наши *гости* должны вашей казнѣ...» [6, с. 298, 313].

Из текста видно, что в этом переводе лексема *merchant*, или вариативное

написание – *marchant*, передаётся русским термином *гость*, и это соответствует русскому определению данного термина, так как речь в примере идёт о купцах «Московской компании».

Следует отметить, что сам Ю.В. Толстой довольно редко переводит английский термин *merchant* русским эквивалентом *гость*. Чаще всего он использует такие варианты, как *купец* или *торговые люди*; ср.:

– «... the same *marchants* with their merchandises in all your lordship may freely, and at their libertie travaile out and in...» – «... то таковые *торговые люди* съ товарами своими во всѣхъ вашихъ владенияхъ могутъ свободно... приѣзжать и выезжать» (1555 г.) [6, с. 9, 11];

– «... to the said emperor of Russia that for as motche the Inglishie *merchants* ... great charges the trade...» – «...да соблаговолить его выс-во пожаловать английских *купцовъ* исключительнымъ правомъ торга...» (1566 г.) [6, с. 25, 27];

– «... и о повольностяхъ, которыя Иванъ Васильевичъ хотѣлъ пожаловать твоимъ Английским *гостямъ*» – «... and touching the priviledge which Ivan Vacilleweech of all Russia would have given unto your English *merchants*» (1585 г.) [6, с. 253, 261].

Перевод *гость* в значении 'иностранный купец' являлся общепринятым в XVI–XVII вв. [5, с. 122]. В русском переводе XVII в. грамоты королевы Елизаветы к русскому царю Фёдору от 1589 г. мы находим этому подтверждение: «... that he came into your empire under pretence of being an *Englishman* and a *servant of the company*...» – «... что онъ приходилъ въ ваши государства прилики для, будто

онъ *Англичанинъ и гостинъ слуга...*» [7, с. 298, 313].

Дословный перевод выражения *servant of the company* – *слуга компании* (имеется в виду *Московская компания англичан*) не в полной мере объяснял бы принадлежность и положение того слуги, о котором шла речь в грамоте, поэтому переводчик в своём переводе попытался отойти от дословного перевода и дал слуге поясняющую характеристику – *гостин слуга*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. действительно зафиксировано прилагательное к слову *гость* в значении ‘купец’ – *гостин* [4, с. 107], что делает такой перевод вполне адекватным.

Кроме термина *merchant* в английских грамотах встречается ещё один термин – *factor*, который также обозначает статус *купца, торговца*. В переводах XVII века встречается такой эквивалент, как *посредник* (в торговых делах):

– «... and by all such their fellows, associates successors and *factors* in severall and particular trade every man for himself» – «... и всеми их партнёрами, помощниками, приемниками и *посредниками* в нескольких и каждой отрасли торговли порознь и каждой для себя» (1623 г.)¹;

– «... our wellbeloved subject Richard Proctor who lately traded on the account of the *factors* of our company in your maty's dominions» – «... нашъ любительный подданный, Рычардъ Проктуръ, который не вдавнѣ отъ складчиковъ отъ нашихъ *гостей* торговалъ въ вашего в-ва области» (перевод XIX века; грамота – апрель 1589 г.) [6, с. 340, 341].

¹ РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов. Сношения России с Англией. Фонд 35, грамота 34.

В английских грамотах королевы Елизаветы и приближённых к ней лиц, обращённых к русским царям, встречается наименование чина, синонимичного по значению термину *factor*, а именно *minister* – доверенное лицо королевы в торговых и других делах в иностранном государстве, который в русских переводах Ю.В. Толстого имеет несколько вариантов, а именно *приказчик, посланник*; ср.:

– «... and without using *ministers* or *factors* of other nacon...» – «... чтобы не были употребляемы *приказчики* или повѣренные инога народа» (1569 г.) [6, с. 77, 81];

– «And therefore you shall declare into him first that whereas his said *minister* required of us...» – «Для сего вы объявите царю, во-первыхъ, что *посланникъ* просилъ насъ...» (1583 г.) [6, с. 202, 207];

– «And for that *minister* did not at the first rest satisfied in some points of our answer...» – «Что же касается того, что его *посланникъ* сначала оставался недоволенъ нѣкоторыми статьяи нашего отвѣта» (1583 г.) [6, с. 202, 207].

На наш взгляд, в двух последних примерах лексема *minister* в английской грамоте употреблена как синоним термина *ambassador*. Такая вариативность перевода дипломатических терминов вызывала у русских читателей XVII в. определённые трудности понимания статуса. При одинаковом переводе на русский язык английских слов *ambassador* (*посланник*) и *minister* (*посланник, приказчик*) русские представители Посольского приказа не могли быть уверены в полномочиях лица, прибывающего либо с торговым представительством (*minister*), либо в качестве главы дипломатического посольства (*ambassador*).

Нами в грамотах королевы Елизаветы зафиксированы синонимичные термины *officer*, *agent*, которые на русский язык переводятся как *приказщик*; ср.:

– «... that he gave those bills under his hand for the company while the *chief agent* and *factor* was himself at the time in your empire» – «... онъ кабалы давалъ за своею рукою за гостей, а гостиной *большой приказщикъ* и *купецъ* въ те поры самъ былъ въ твоёмъ государствѣ» (перевод XIX в.; грамота – январь 1589 г.) [6, с. 300, 315];

– «... and some depts have been paid by your *officers* out of his goods...» – «... а иные долги заплатили изъ его живота ваши *приказные люди*» (перевод XIX в.; грамота – январь 1589 г.) [6, с. 301, 316].

Последняя, *третья* в классификации В.О. Ключевского группа чинов (нетяглые люди), отличалась от других классов тем, что не несла ни государственной службы, ни податного тягла. Делилась она на *вольных* и *холопов* [1, с. 97]. Названия представителей этого класса крайне редко встречаются в дипломатических грамотах и по данным наших памятников в них не зафиксированы.

В целом характерной чертой исследуемой группы лексики является от-

сутствие однозначности и единообразия при переводе в XVI–XVII вв. Это говорит о том, что русско-английская терминологическая лексика в административной и общественно-политической сферах находилась ещё в процессе становления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ключевский В.О. История сословий в России. Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата Народного Просвещения, 1918. 276 с.
2. Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. СПб.: Изд-во Полигон, 2003. 347 с.
3. Никонов И.Е., Якеменко Б.Г. Словарь по истории России IX–XVII вв. М.: IR-MOS, 1994. 126 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. С.Г. Бархударов. – Вып. 4. М.: Наука, 1977. 404 с.
5. Статейный список Е. Флетчера // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 8. М. 1850. С. 57–71.
6. Толстой Ю.В. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией 1553–1593 гг. М.: Книга по требованию, 2013. 441 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Астрель, 2004. 860 с.

УДК 81-25

Фролова И.В.*Московский государственный областной университет***СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ В РАМКАХ ОЦЕНОЧНЫХ СТРАТЕГИЙ
В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОЙ
И РОССИЙСКОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ)**

Аннотация. В данной статье рассмотрены способы выражения субъекта и объекта оценки в британской и российской аналитических статьях в рамках антропоцентрической парадигмы. Изучен вопрос о распространённости различных типов субъекта оценки и выявлены структуры, с помощью которых субъекты оценки выражены в языке. Сопоставлены стратегии и тактики, а также объекты оценки с наиболее распространённым типом субъекта оценки в статьях двух лингвокультур. Проведён сравнительный анализ способов выражения объекта оценки в британских и российских аналитических статьях.

Ключевые слова: субъект оценки, объект оценки, оценочные стратегии, эксплицитный субъект, имплицитный субъект.

I. Frolova*Moscow State Regional University***SUBJECT AND OBJECT OF EVALUATION AS EVALUATION
STRATEGIES IN THE ANALYTICAL ARTICLE (AS EXEMPLIFIED
IN BRITISH AND RUSSIAN QUALITY PRESS)**

Abstract. The article considers the subject and object of evaluation in the language of British and Russian analytical article within the framework of anthropocentric paradigm. The paper examines the incidence of different types of evaluative subjects as well as structures with evaluative subjects. The article compares strategies, tactics and objects of evaluation that are used with the most common subject type. Expression of object of evaluation is compared in British and Russian analytical articles.

Key words: subject of evaluation, object of evaluation, evaluation strategy, explicit subject, implicit subject.

В статье рассматривается экспликация в аналитической статье (далее – АС) посредством оценочных стратегий и тактик таких компонентов оценочной структуры, как объект и субъект оценки. Выявлены контексты с наиболее распространённым типом субъекта и изучены способы выражения объекта.

© Фролова И.В., 2015.

Вначале обратимся к определению оценочных стратегий. Под **стратегией**, принимая за основу толкование Е.В. Ждановой, мы будем понимать осознанно избираемую «общую линию поведения <...>, используемую говорящим для реализации своей глобальной коммуникативной цели, заключающейся в коррекции модели мира собеседника» [2, с. 45]. Оценоч-

ные стратегии подразумевают целенаправленное, осознанное установление значимости для читателя объекта оценки, «обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям» [3, с. 36].

В работе выделены следующие оценочные стратегии: стратегия одобрения, стратегия порицания, стратегия однозначности позиции и передачи множественности мнений (М.Р. Желтухина, О.С. Иссерс, Т.В. Зенкова и др.). При этом для субъекта и объекта оценки магистральными являются последние две. Характеризуя стратегию множественности мнений, необходимо, во-первых, обратить внимание на такую особенность аналитической статьи, как ограниченность спектра мнений позицией и посылом журналиста, указывающего ту сторону, которую правильнее принять в той или иной ситуации. Во-вторых, отметим тот факт, что диалогизация в аналитической статье – чаще всего риторическое явление, отличное от подлинного диалога. Иными словами, мы имеем дело с псевдиалогизацией. Иными словами, стратегия множественности мнений в аналитической статье подчинена стратегии однозначности позиции, итоговой позиции, которую необходимо выработать вместе с читателем. Однако нельзя не учесть такую особенность аналитической статьи, как стремление к балансировке объяснений явлений, равноправному освещению разных точек зрения, что предваряет выработку конечной позиции.

Перейдём к характеристике субъекта и объекта оценки. На протяжении

истории их изучения они были в основном объектом функциональной семантики, логики, аксиологии (Е.М. Вольф, М.Г. Тер-Григорьян, С.Д. Погорелова, Е.А. Чернявская, О.Н. Терентьева). В последнее время данный вопрос всё больше изучается прагматикой (И.В. Беляева, Н.В. Анисимова).

В своей работе мы отталкиваемся от трактовки оценки в виде формулы Е.М. Вольф «А r В», где А – субъект оценки, В – объект оценки, r – оценка, оценочное отношение, оценочный предикат. Языковое выражение составляющих данной формулы обусловлено выбранной стратегией. При этом анализ данной формулы следует выполнять начиная с субъекта оценки. Исследуемые категории рассматриваются с позиции антропоцентрической парадигмы, в которой «анализируется человек в языке и язык в человеке» [4].

Исследование проведено на материале 20 британских (99 оценочных контекстов) и 20 русскоязычных (156 оценочных контекстов) аналитических статей качественной прессы. Под **качественной прессой** понимаются создаваемые для образованной читательской аудитории газеты, материалы которых отличаются максимальной объективностью и взвешенностью позиции авторов. В данной статье использованы газетные материалы британских газет “The Financial Times”, “The Guardian”, “The Daily Telegraph” и российских газет «Ведомости», «Независимая газета», «Новая газета».

Определение субъекта оценки Е.М. Вольф не требует дополнений: «под **субъектом** оценочной структуры понимается лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка» [1, с. 68].

Согласно точке зрения Е.М. Вольф, существует три вида субъектов:

1) определённое лицо (индивидуальная оценка);

2) «обобщённый» субъект;

3) оценка, представленная как не имеющая субъекта и истинная в «реальном мире» – в основе оценки лежит концептуальный мир говорящего [1, с. 69].

При этом мы не соглашаемся с Н.В. Сердобольской и С.Ю. Толдовой в том, что бывают случаи, когда субъект оценки отсутствует (исследование было проведено на примере русских текстов) [5]. Это возможно в логике, но в естественном языке (в нашем случае – текст АС) «можно всегда постулировать субъект оценки, даже если он специально не обозначен» [1, с. 67].

Рассмотрим классификацию субъектов оценки с учётом специфики АС. Используем категорию «эксплицитности-имплицитности субъекта оценки», которая в соответствии с задачами журналиста вербализует, либо скрывает выражение субъекта оценки в АС. При различении способов выражения субъектов оценки будем говорить о том, что они могут быть эксплицитными и имплицитными, скрытыми, подразумеваемыми, выраженными опосредованно.

Отнесём автора-журналиста и редакцию в первую группу, так как они занимают один уровень информационного процесса. Редакция АС – имплицитный автор. Если говорить о единстве журналиста и редакции в АС, то при наличии различий мнений журналиста и редакции их крайне трудно выявить в языке британской и российской АС (далее, соответственно, БАС и РАС). В эту же группу включим автора

цитаты. В РАС индивидуальный эксплицитный автор выражен при помощи прямого указания на первое лицо: *согласен с (...); я думаю, что (...), мы засомневались; мы предположили; мне кажется; мне не известно; мы имеем дело с; я не сомневаюсь; полагаю; но это говорю я; не думаю, что; я молчу, а про себя думаю; отметим; объясняю; автор статьи не имеет ничего против; я не знаю; скажу сразу; подумалось; смотрю (документ)* и т. п. В БАС примеров оценок с прямым указанием на лицо выявлено не было в силу того, что АС с ярко выраженной авторской позицией в британской журналистской традиции называется комментарием.

«Обобщённый» субъект всегда выражен эксплицитно лексическими способами. Е.М. Вольф указывает, в первую очередь, на неопределённо-личные конструкции типа *считаться (за...), казаться, слыть, быть известным как...* и др. [1, с. 70–71]. В БАС используются такие их аналоги, как *to look, to seem, to leave the distinct impression, to appear, to be seen as, to be regarded as* [6]. Однако в аналитической статье данные способы редки, вместо них мнение группы указывается рядом других выражений: в БАС – *many / others (think, consider, believe), their voters, concerns were raised, there are concerns that*, в РАС – *принимать характер; очевидно; выглядит; видно, что; похоже; понятно; реакция в мире была; назовут; меньше половины убеждены; считался; с виду; можно ожидать; вполне возможно.*

В отношении третьего вида субъекта оценки, «нулевого» субъекта, можно отметить, что он также индивидуальное лицо, выраженное имплицитно.

цитно; при этом он – представитель социума, сообщества, которое объединено принятой в этом сообществе системой ценностей, традиций, норм. Такие «истинностные» оценки даются в АС, как правило, в начале абзаца и всегда сопровождаются аргументацией, т. е. их «истинностная» сущность значительно снижена. Выражен данный имплицитный субъект в БАС при помощи структур: *it is (useful, good...); there is / are; to be (the problem is that; the upside is; the downside is; one thing is clear; the truth is that; the most obvious move is; it is hard)*; в РАС – случаи отсутствия формальных указателей; бытийные предложения (оценочные единицы с предикативами наличия «*есть*», «*нет*»); частица «*не*»; *ясно; давно известно; надо (иметь в виду); (как) известно; бесспорно; действи-*

тельно; на самом деле; правда; (не) было; нельзя не видеть.

Анализ примеров показал, что в аналитической статье возможны случаи неоднозначной трактовки отнесения субъекта оценки к тому или иному типу, поэтому данный вопрос требует отдельного рассмотрения. Так, например, «нулевой» субъект оценки (оценка, представленная как не имеющая субъекта и истинная в реальном мире) в аналитической статье крайне сложно отличить от индивидуального субъекта, выраженного имплицитно; эти субъекты совпадают: “*The problem is that many of the colleges of further education that teach such jobseekers are themselves startlingly sub-standard*” [8].

Данные о распространённости субъектов оценки в аналитических статьях представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Распространённость разных типов субъектов оценки
в аналитических статьях**

Статьи	Тип субъекта оценки				
	Индивидуальный		Обобщённый		Оценка как истинная и не имеющая субъекта – «нулевой» субъект
	Журна-лист, редакция	Автор цитаты		Журналист, редакция	
эксплицитный	эксплицитный	имплицитный	эксплицитный	имплицитный	
БАС	2 %	16 %	3 %	9 %	70 %
РАС	2 %	7 %	2 %	6 %	83 %

Как видно из таблицы (табл. 1), самым распространённым типом субъекта оценки является «нулевой» имплицитный субъект.

Основные различия в употреблении субъектов оценки в АС заключаются:

1) в большем числе индивидуального субъекта-автора цитаты в БАС, то есть

цитирование в оценочной функции более продуктивно в БАС, чем в РАС;

2) в незначительно большем числе «нулевого» субъекта в РАС.

Таблица 2

Стратегии и тактики, используемые для выражения оценки с наиболее распространённым типом субъекта – «нулевым» имплицитным

Стратегии и тактики	БАС, %	РАС, %
1. Стратегия порицания + стратегия однозначности позиции (тактика уверенности)		
а) признание существования проблемы	17,65	24
б) обвинение, упрёк	17,65	20
в) дискредитация	5,9	10
г) непонимание	2,4	8
д) сомнение	-	5,8
е) указание на перспективу	11,8	5
ж) несогласие	3,5	-
з) дистанцирование	1,18	-
2. Стратегия одобрения + стратегия однозначности позиции (тактика уверенности)		
а) указание на путь решения проблемы	9,4	6,7
б) благодарность и признание заслуги	7	5,8
в) акцентирование положительной информации	3,5	5
г) единение и солидарность	-	2,7
д) согласие	1,18	0,9
е) указание на успешность	7	1,7
3. Стратегия однозначности позиции		
а) уверенность	-	1,7
б) совет	3,5	0,9
в) призыв	4,7	0,9
4. Стратегия множественности мнений		
а) сопоставительный анализ	2,4	0,9
б) указание различий	1,18	-

Прокомментируем полученные и приведённые в таблице обобщённые данные (табл. 2):

1) в РАС общее число оценочных тактик с упомянутым типом субъекта – 120, в БАС – 85, то есть можно предположить, что для РАС более характерны «истинностные» оценки, за которыми следует доказательство и обоснование;

2) общей по распространённости в АС обоих языков является стратегия порицания, БАС и РАС почти совпадают по числу случаев употребления так-

тик признания существования проблемы и обвинения, упрёка; третья по распространённости тактика различна в БАС и РАС – указание на перспективу и дискредитация соответственно;

3) стратегия порицания не выражена в БАС тактикой сомнения, в РАС не обнаружено тактик несогласия и дистанцирования;

4) для достижения стратегии одобрения тактика указания на успешность – значительно более частое явление в БАС, чем в РАС;

5) стратегия однозначности позиции (тактика уверенности) в большинстве случаев сопутствует стратегиям одобрения и порицания;

6) тактики совета и призыва (стратегия однозначности позиции) – более частое явление в БАС, чем в РАС;

7) применение стратегии множественности мнений с данным типом субъекта минимально в БАС и РАС.

В дальнейшем данные таблицы 2 планируется проверить на более обширном практическом материале.

Переходя к пониманию **объекта оценки**, мы также принимаем традиционную трактовку этого понятия – это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка.

«Связь оценки с оцениваемым объектом определяется теми конкретными условиями, в которых этот объект находится» [4]. Иными словами, субъект и объект, объекты, субъекты, а также читатель и журналист находятся в одном временном континууме и в одних условиях, которые являются общими для них. В данной ситуации оценка не только выполняет функцию убеждения, но и с позиции когнитивистики способна открыть новое знание – читатель, воспринимая оценки субъектов об объектах, может:

1) вывести новую информацию как о субъектах и объектах оценки, так и о многообразии отношений между ними;

2) сформировать свои собственные оценки в отношении новой информации – решить, что принимать, а что отвергнуть.

Со стороны журналиста при выборе оценочной стратегии оценка выполняет эвристическую функцию –

«творческую функцию, состоящую в организации избирательного поиска при решении сложных интеллектуальных задач» [7].

Возвращаясь к анализу объекта оценки, отметим, что иногда оценивается только один аспект объекта, однако – чаще, поскольку аналитическая статья предлагает развёрнутый и всесторонний анализ объекта: объект или несколько объектов в многообразии их характеристик.

При выборе журналистом объекта оценки основополагающим критерием является единство важности, значения события и его нравственная, эстетическая, интеллектуальная, в общем, праксиологическая (преобразовательная), аксиологическая и гносеологическая ценность. Из этого следует, что при изучении объекта (объектов) оценки должны быть учтены тематические и количественные составляющие объекта.

Таблица 3

Обобщение результатов анализа оценочных контекстов с самым распространённым «нулевым» имплицитным субъектом на основе того, что составляет объект оценки

Форма объекта оценки	БАС, %	РАС, %
1) действие	39	26
2) ситуация	18	16
3) группа лиц	4	23
4) проблема	15	20
5) мнение лица	9	8
6) работа организации	15	2
7) событие	-	3
8) состояние	-	2

Из таблицы 3 видно, что:

1) в БАС и РАС чаще всего оцениваются действия, ситуации и проблемы;

2) наибольшие различия в БАС и РАС наблюдаются по объектам «группа лиц» и «работа организации»; в РАС акцент в оценке ставится на человеческом факторе – группе людей, объединённых общими ценностями, идеями, интересами, с которыми автор статьи соглашается или расходится в оценках; в то время как в БАС журналист обращает внимание на более практическую сторону жизни – деятельность организаций, важную для решения проблем, поднимаемых в статье, автор стремится оценить и улучшить их грамотную работу, обнаружить и исправить ошибки (см. табл. 3).

В контекстах с нулевым имплицитным субъектом объект оценки выражен следующими способами. В БАС наиболее употребительны:

- 1) сущ. + сущ. (сущ. + of / by + сущ., сущ. +s +сущ.; прил. + сущ.) – 41 %;
- 2) сущ. (собств. / нариц.) – 21 %;
- 3) дейктические слова (such, so, it, this, that) – 15 %.

В оставшиеся 23 % входят структуры: местоим.; инфинитив + сущ. (+ прил.); придаточное предложение; сущ.+ прич. II; герундий + сущ.; сущ. + инфинитив и ряд других.

В РАС к способам выражения объекта оценки отнесены:

- 1) существительное (далее – сущ.) (имя собственное / имя нарицательное) – 37 %;
- 2) сущ. + ...+ сущ. (в частности отглагольные существительные) – 22 %;
- 3) дейктические слова (*это, мы, его, он, все, всё; те* и др.) – 17 %;
- 4) прилагательное + сущ. (например: *российское общество*) – 14 %.

В оставшиеся 10 % входят структуры: сущ. + придаточное предложение; сущ. + причастный оборот; инфини-

тив + сущ. / местоимение; инфинитив; инфинитив + придаточное предложение.

В БАС и РАС можно отметить сходство типологической структуры «местоимение + предыдущий контекст», что отражает такие свойства аналитического текста, как установление связей между явлениями, предоставление нового знания через новые оценки и аргументацию; объект оценки переходит в новый контекст. В остальных структурах проявляются типологические характеристики обоих языков.

Таким образом, в статье выявлены и суммированы способы выражения субъекта и объекта оценки в оценочных стратегиях в аналитических статьях. Выражение субъекта и объекта в БАС и РАС имеет как сходства, так и различия. Оценочных контекстов в РАС оказалось больше, чем в БАС, что может быть объяснено большей выраженностью экспрессивности в РАС.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
2. Жданова Е.В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.
3. Иванова Г.Ф. Ментальные сферы языка: оценка. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. 124 с.
4. Кущева О.Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике // Вестник Адыгейского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskaya-paradigma-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 07.02.2015).
5. Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: участники ситуации оценки и семантика оценочного

- предиката [Электронный ресурс]. URL: http://iling-ran.ru/serdobolskaya/Serdobolskaja_Toldova_Ocenka_ActaLingv.pdf (дата обращения: 17.01.2015).
6. Симакова С.В. Системно-функциональные характеристики английских слов различных частей речи, выражающих категорию оценки: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 145 с.
7. Словарь по истории психологии. Эвристическая функция [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/888/word/yevristicheskaja-funkcija> (дата обращения: 28.01.2015).
8. Riddell, Mary. Britain is educating its children for jobs that soon won't exist // The Daily Telegraph. 2014, 21 Jan.

НАШИ АВТОРЫ

Алёшина Екатерина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета; e-mail: alcatherine@yandex.ru

Анурова Ольга Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры И05 Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет) (г. Москва); e-mail: kokogewa@rambler.ru

Блох Марк Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Московского педагогического государственного университета, почетный академик РАЕН, почетный академик Международной академии наук педагогического образования (МАНПО); e-mail: ga@mpgu.edu

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Евтухова Екатерина Викторовна – соискатель кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: evstatkevich@rambler.ru

Жаманова Юлия Викторовна – аспирант кафедры теории языка и англистика Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: zhanaica@mail.ru

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: prof_levchenko@mail.ru

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: maxbel@hotmail.ru

Мамаев Михаил Михайлович – ассистент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: mikesp87@mail.ru

Овакимян Аревик Дерениковна – аспирант кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: ar.ovakimyan@yandex.ru

Осипова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры контрастной лингвистики Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета; e-mail: assya@yandex.ru

Остапенко Оксана Григорьевна – соискатель кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуни-

кации Московского государственного областного университета, старший преподаватель кафедры английской и русской филологии Московского государственного областного гуманитарного института; e-mail: oxygri@mail.ru

Скрыльник Анастасия Викторовна – аспирант кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: stasya.skrylnik@yandex.ru

Смыслов Сергей Павлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: sp_ru@mail.ru

Фролова Ирина Валерьевна – аспирант кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: irinchen13@mail.ru

Хлебутина Валентина Юрьевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: valentina.khlebutina@gmail.com

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru

Шустилова Татьяна Антоновна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: tatiana.shustilova@yandex.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЛИНГВИСТИКА»
2015. №2

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор Е.О. Духовнова
переводчик Н.Г. Юрышева
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 6,5, усл. п.л. 6,5.
Подписано в печать 14.04.2015. Заказ № 2015/04-04.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а